

МАГНЯ ЭНТЕЗН

ГЕННАДИЙ БОРЧАНИНОВ

ЧАС
МИСТЫГАНЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ» - М. 2004

Это история о том, как охотник за головами оказывается втянут в цепь событий, которые полностью перевернут его жизнь. Тайнственное письмо, которое он не должен был находить, и задание, которое он не должен был получать, ставят его на одну доску с великими мира сего, и теперь его задача — выжить в этой зловещей игре...

Борчанинов Геннадий

Час испытания

Глава 1

Стояли последние тёплые деньки. Бабье лето подходило к концу. Солнце, окрашивая всё вокруг в багровые тона, медленно катилось за горизонт, скрытый за верхушками сосен. Леса Южного Пограничья отличались от лесов всей остальной империи. Там они были, по крайней мере, значительно безопаснее.

Гарольд уже несколько недель выслеживал банду разбойников, которые облюбовали здешние дороги. Неуловимые грабители во главе с Милетом, убийцей и насильником, не признавали никаких законов, и городские купцы собрали неплохую награду за голову их вожака. На эти деньги можно было бы безбедно жить пару месяцев, и следопыт уже предвкушал, на что их потратит.

Разбойники были где-то рядом, опережая Гарольда на один шаг. Охотник за головами постоянно находил их следы, но вскоре они путались и терялись. Хитрый бандит умел сбрасывать погоню. Гарольд уже не раз помянул его недобрым словом.

Следопыт был одним из тысяч наёмников и воинов, приехавших в Пограничье в поисках лёгкой наживы. Но за те несколько лет, что он провёл здесь, Гарольд сумел заработать только на потёртый арбалет, сапоги и плащ. Слишком непостоянная и опасная работа — выслеживать преступников по лесам и болотам. Поначалу Гарольд охотился на дичь, но после того, как граф несколько лет назад объявил эти земли своими личными угодьями, пришлось перейти на людей. И, судя по тому, что он всё ещё жив, у следопыта это получалось. Хотя эта работа принесла ему множество шрамов и несколько седых волос.

На пути встретилась ещё одна полянка, где, по всей видимости, устраивали привал разбойники. Зола в кострище была ещё тёплой. Милет промышлял где-то рядом, на большаке, но искать разбойников на дороге было бы глупо. Гарольд предпочитал устраивать засады, а не попадаться в них.

Солнце уже зашло, и охотник решил переночевать тут же. Он расстелил выдавший виды плащ прямо на хвою, положил под голову походный мешок и мгновенно уснул. Заряженный арбалет и верный старый меч лежали под рукой. Лучше быть параноиком, чем мертвецом.

Неподалёку крикнула сойка, потревоженная кем-то неосторожным. Птичий крик посреди ночи заставил следопыта проснуться и прислушаться. Он поднял своё оружие и затаился, благо, ночь сегодня выдалась пасмурной и безлунной. Палец лежал на спусковом крючке арбалета, и Гарольд вглядывался в тьму, готовый застрелить любого непрошеного гостя.

Вскоре где-то впереди послышался хруст ломаемых веток. Кем бы ни был идущий, он нисколько не заботился о маскировке, шумя на весь лес. Следопыт различил тёмный силуэт, приближающийся к нему. Человек с трудом переставлял ноги, иногда останавливаясь передохнуть возле ближайшего дерева. Гарольд уже был готов выстрелить, но пришелец упал и больше не смог подняться. Бесшумно, словно дикий кот, следопыт приблизился к нему, на всякий случай прицелившись в голову.

— Кто ты и откуда? — шёпотом спросил Гарольд, чувствуя, как хлопает под ногой лужа крови.

Человек в чёрной рясе едва слышно застонал, прижимая ладони к животу. На толстых пальцах, измазанных в крови, блеснул серебряный перстень.

— Ты умеешь читать? — прохрипел раненый.

До чего же странными бывают желания умирающих, подумал Гарольд.

— Нет, — ответил он.

— Хвала богам... Письмо, за пазухой... Тредиану... — хрипел человек, и следопыту приходилось вслушиваться в затихающую речь.

— Тредиану? — переспросил Гарольд.

— Сокольник...

— Тебя разбойники так?

— Да... Они там... — раненый кивком головы попытался показать направление, но Гарольду это было не нужно. Любой дурак поймёт, что с такой раной далеко не пройдёшь, и бандиты тут, совсем неподалёку.

— Покойся с миром, — произнёс охотник, избавляя ночного гостя от мучений. Лучше уж быстрая и лёгкая смерть, чем долгая агония.

Без зазрения совести Гарольд стянул печатку с мягкой руки путника и сунул в карман. Письмо, немного заляпанное кровью, он бросил в мешок, а несколько монет, завёрнутых в пояс, кинул в свой пустой кошель. Мертвецу это всё без надобности, рассудил следопыт, да и за почтовые услуги хотелось получить хоть что-нибудь.

Следопыт почесал короткую бороду, отросшую за время странствий по этим лесам, собрал свои вещи и отправился вслед за бандитами. Не стоило медлить ни минуты. Милета и его компанию нужно было отыскать как можно скорее. Если Гарольд снова их упустит, то новых заказов не видать, как своих ушей. Торговцы очень ревностно относятся к выполнению своих поручений, и сделают всё, чтоб ему пришлось искать новую работу.

Близился рассвет, и Гарольд наконец-то обнаружил следы. Совсем свежие. Разбойники поворачивали на север, к дороге, выходя на промысел, искать одиноких путников, торговые караваны или графские патрули. И если первые могли откупиться от разбойников золотом или серебром, то от солдат им нужна была только кровь.

Охотник проверил, как хорошо меч выходит из ножен. Старый верный клинок служил ему уже долгие годы. Добыча была уже рядом, и схватка предстояла непростая. В одиночку против нескольких врагов могли выйти немногие, но Гарольд не привык отступать перед трудностями. Битвы и драки лишь закаляли его. Но он понимал, что в открытом бою против всей банды ему не выжить. А значит, нужно приготовить ловушку.

Когда сквозь пение птиц и шум деревьев Гарольд начал различать громкие беспечные разговоры, то немного ускорил шаг и пошел восточнее, где лес рос гораздо гуще. Примерно рассчитав путь, которым пойдет Милет, следопыт обогнал их и залег с арбалетом в стороне от тропы.

Вскоре слева от него показались бандиты, шедшие налегке. Вооружены они были чем попало, мечами и дубинками, у троих Гарольд заметил луки. Одиннадцать разбойников шли цепочкой, рассказывая друг другу анекдоты и сальные шуточки. Впереди шёл главарь, одетый в добротную кольчугу. На поясе у него висел длинный меч из хорошей стали. Милет выделялся среди остальных бандитов, как выделялся бы лев среди дворовых кошек. Опытный убийца был вожаком по праву сильного, и, глядя на его "подвиги", многие крестьяне уходили в леса за лёгкой наживой.

Гарольд лежал в зарослях можжевельника, затаив дыхание. Цель совсем близко. Деньги, собранные торговцами за голову этого подонка, могли бы покрыть все долги. Следопыт проводил бандитов тяжёлым взглядом. Сейчас они выйдут к дороге, повалят большое дерево поперёк и будут ждать путников. Вот тогда он и примется за дело.

— Надо было этого чинушу прибить, — гоготнул тощий рябой бандит, идущий последним. — Перстенёк у него что надо. Зря не пошарили.

— Брось ты, а, — отмахнулся седой, даже не глядя на собеседника. — Отпустили, и боги с ним. Пушай живёт, болезный. Хоть недолго, зря его стрелой в брюхо угостили.

— Жить-то пусть живёт, — ответил тощий, почёсывая оспины на лице. — А обшарить-то надо!

— Нехай заразиться решил? — буркнул седой. — Сказано тебе, красная чума у него. Хотя тебе-то что, лишь бы серебро.

— Да какая ещё чума!? Набрехал с три короба, а вы и уши развесили!

Бандиты стали отдаляться, и Гарольду пришлось пройти вслед за ними ещё несколько шагов.

— А ну заткнулись оба! — рявкнул Милет. — Сказано, что чума, значит чума! Нехрен к больным лезть! Увижу кого с коростами, зарежу!

Гарольд мысленно выругался. Если гонец и в самом деле болен, то зараза пришла на Гарольда и наверняка уже гложет его изнутри. Через пару недель он покроется кроваво-красными струпьями, впадёт в горячку, начнёт бредить и сдохнет где-нибудь в придорожной канаве. Таких даже на кладбище не закапывали, предпочитая сжигать. От греха подальше. И в поселения не пускали ни за какие деньги. Лекарство было, но стоило бешеных денег и срабатывало не всегда. Лучше уж погибнуть в бою, рассудил Гарольд и отправил болт в смертельный полёт, точно промеж лопаток седого разбойника.

Тетива хлопнула, и болт вонзился в спину противника. Седой ещё не успел упасть на землю, а Гарольд уже нёсся в бой, выкрикивая проклятия. Клинок промелькнул в воздухе и обрушился на шею тощему, рассекая его до середины груди. Брызнула алая кровь, и бандит захрипел, падая замертво. Внезапность атаки сделала своё дело, и теперь против следопыта осталось девять бандитов.

Следопыт бился против пятерых сразу, теперь искренне сожалел о глупой затее напасть сразу. Он отбивал и блокировал, уворачивался и контратаковал, навязывая свой ритм боя, рваный и неестественный. Трое лучников пытались зайти сзади и ломались через заросли, уже наложив стрелы на тетиву. Милет стоял чуть поодаль, наблюдая за внезапным сражением.

Гарольд уклонился от вражеской дубинки, которая просвистела над головой, и быстро кольнул противника между рёбер. Тонкая рубаша не спасла от трёх дюймов стали, которые вошли прямо в сердце. Бандит выронил оружие и повалился вперёд, вынуждая Гарольда отступать под градом ударов. Чей-то клинок уже скользнул по ноге, и штаны окрасились кровью. Главарь, почуяв кровь, хищно оскалился и присоединился к драке.

Лучники синхронно натянули тетивы, но следопыт перекатился назад, свободной рукой зачерпнув песка вперемешку с хвоей. Резкое движение рукой, и в глаза бандитам летит миниатюрная пыльная буря. Следопыт не чурался грязных трюков, перенимая новые приёмы у своих жертв. Пока разбойники отворачивались и закрывались от песка, он рубанул одного по руке, и кисть, всё ещё сжимающая рукоять меча, упала наземь. Хлынула кровь, и бандит с ужасом смотрел на культю, но Гарольд избавил его от страданий коротким добивающим выпадом.

Ещё один выстрел, но всё мимо. Стрелы прожужжали совсем рядом с головой. Повезло, но это везение не могло быть бесконечным. Гарольд, защищаясь от многочисленных ударов, поспешно отступил за деревья. Против лучников он был совсем незащищён.

Резким взмахом меча Гарольд покончил ещё с одним разбойником, и тот упал на колени, пытаясь запихнуть собственные кишки обратно. Теперь следопыт бился против шестерых, но отступить уже некуда. Хотя если бы ему предложили вернуться назад и действовать по плану, он без раздумий согласился бы. Глубокий порез чуть выше колена саднило, и в сапоге уже хлюпала кровь. Гарольд чувствовал, что слабеет от раны.

Следопыт кружился в бешеном боевом танце, вынуждая разбойников мешать друг другу. Он постоянно двигался, уклоняясь от ударов, и это требовало усилий. Гарольд дрался против троих, одновременно высматривая лучников и укрываясь от стрел за деревьями. Определённо, не самая простая битва в его жизни.

Сильным ударом сверху Милет попытался разрубить следопыта, словно крестьянин, колющий дрова, и поплатился за эту ошибку. Гарольд увидел движение, ушел вправо, и резанул жоака разбойников чуть ниже кадыка, сразу уходя из-под обстрела. Видя, что всемогущий главарь мертв, отряд уменьшился почти наполовину, а бородатый незнакомец все еще жив, бандиты переглянулись и помчались наутек.

Гарольд метнул засапожный нож вслед, но промахнулся. Теперь предстояло разобраться с лучниками. Если пробраться к укрытию, в котором остался арбалет и мешок, то они силы уравниются, но это было почти невозможно. Кольчуга Милета могла хоть немного защитить его от стрел, но стянуть с тяжелого мертвого тела металлическую рубашку, одновременно высматривая противника в кустах, было слишком сложно для раненого следопыта. Укрывшись от стрелков и привалившись спиной к дереву, Гарольд отрезал широкую полосу ткани от своего плаща. Почти новый плащ было жалко, но, если не остановить кровь, следопыт уже вскоре ослабел бы. Он туго перетянул бедро и перевел дух, прикидывая, где расположился бы сам, будь он на месте лучников.

Один из стрелков жестом приказал обойти дерево, за которым засел охотник. Двое других молча кивнули и синхронно пошли в обход. Ветка звонко треснула под ногой неосторожного разбойника, и Гарольд рванул на звук, отмечая для себя расположение остальных лучников. Стрела, оцарапав щеку, вылетела из зарослей слева от него, и, вознося хвалу богам, следопыт подскочил к ближайшему из бандитов. Быстрый выпад, отскок вправо, и неосторожный стрелок валится вперед, роняя лук и приготовленную стрелу. Осталось двое.

Очередная стрела волей богов прошла мимо и вонзилась в сосну чуть позади Гарольда. Выдохшись за время схватки, он решил не бежать на выстрелы, а снова укрыться за деревом и выждать. Коротким рывком охотник добежал до широкого ствола, за которым и спрятался. Стрелки снова обходили его по широкой дуге, он знал это, и поступил бы на их месте точно так же. Надо было действовать. Но бежать на врага, уклоняясь от стрел, могли себе позволить только самоубийцы или величайшие герои. Гарольд не был ни тем, ни другим. Единственным выходом было бы подобрать лук и несколько стрел у мертвеца. Но, пока он бежит за оружием, его легко могут подстрелить. Лучники подходили все ближе, и выбегать становилось все опаснее. Следопыт подобрал с земли сосновую шишку, повернулся и с силой метнул её в сторону противника. Стрелки на мгновение отвлеклись, и Гарольд воспользовался шансом. Воткнув меч в землю между корней, охотник поспешил к мертвому бандиту, схватил лук, стрелу, лежащую на земле, и укрылся за другим деревом. Приготовившись к выстрелу, единственному, а значит решающему всё, следопыт вышел из укрытия, быстро прицелился и отпустил тетиву. Разбойник сделал то же самое. Бандит поймал стрелу в живот, а Гарольд, стиснув зубы, привалился к дереву и обломил дровко,

торчащее из верхней части груди. Было мучительно больно, но он чувствовал, что легкое не задето, и жизни его пока не угрожает ничего, кроме еще одного лучника. Безоружный, дважды раненый, не считая мелких царапин, следопыт почти отчаялся.

Последний бандит, видя, что противник остался без оружия, широко ухмыльнулся и уверенно пошел в сторону раненого. Гарольд выглянул из-за толстой сосны. Разбойник остановился в десяти шагах от следопыта и срывающимся голосом приказал ему выходить. Гарольд подобрал еще одну шишку и покатал между немеющих пальцев. Второй раз такой трюк не пройдет, осознал следопыт, и новый безумный план созрел в его голове.

Гарольд неспешно поднялся и вышел из укрытия, держа руки за головой. Стрелок уже изготовился к выстрелу и, жестоко улыбаясь, держал противника на прицеле. Надеюсь, что в последний момент удача ему не изменит, Гарольд метнул шишку в голову бандита и изо всех сил помчался к нему, вложив в этот рывок всю боль, всю злость и всю волю к жизни. Шишка впечаталась в голову стрелка, от неожиданности тот вздрогнул, запела тетива, и стрела пролетела мимо Гарольда. С разбегу следопыт кинулся на врага, пытаясь повалить его на землю. Плечо охотника снова пронзила невероятная боль, наконечник стрелы, остановившийся у лопатки, скребнул кость сверху вниз. С трудом сдерживая крик, Гарольд наносил удары как обезумевший, и остановился только тогда, когда превратил лицо разбойника в кровавую кашу.

Следопыт огляделся и тяжело вздохнул. В нескольких бандитах еще теплилась жизнь, и их предстояло добить. Прихрамывая, он прошёл к дереву, вытащил меч и с некоторым недовольством осмотрел клинок. Появилось несколько новых зазубрин, которые предстояло выправлять. Гарольд обошёл каждого из бандитов, и без сожалений добил. Ему не нужны были никакие сведения, он уже выполнил свою задачу. Вытерев стальное лезвие об одежду одного из мертвецов, Гарольд вложил меч в ножны и отправился за своими вещами. Нужно было обработать раны, полученные в бою. Вернувшись в заросли можжевельника, он на всякий случай перезарядил арбалет, достал из мешка льняные бинты, фляжку с крепким вином и уселся под деревом. Первым делом надо было достать обломок стрелы, но каждое прикосновение к древку причиняло мучительную боль. Боевой кураж уже оставил следопыта, и он начинал чувствовать слабость.

— Ну, вздрогнем, — тихо прошептал он, и резким движением дернул стрелу. Пробороздив заостренными краями мышцы и кожу, наконечник вышел из раны, и кровь начала выплескиваться резкими толчками. Гарольд застонал, но, не теряя самообладания, щедро окатил рану вином. Зажав один конец бинта в зубах, он быстро начал заматывать плечо прямо поверх одежды. Затем он начал разматывать повязку на ноге. Кровь там уже свернулась, и последние слои повязки присохли намертво. Не решившись беспокоить рану, следопыт снова перетянул бедро.

Он встал, опираясь на меч, поднял мешок, арбалет, и пошел обратно к трупам. В воздухе стоял острый запах пота, крови и содержимого чьих-то кишок. Денег у бандитов следопыт не нашел, и его заинтересовала только кольчуга, за которую можно было выручить неплохие деньги. Стянув доспех с трупа, Гарольд мельком взглянул в остекленевшие глаза Милета, поднял длинный меч с земли и взмахом клинка отрубил голову, за которую собирался получить награду.

Охотник завернул голову в чью-то рубаху, взвалил мешок на плечи, и отправился в путь. Теплый осенний ветер ласково трепал волосы Гарольда, и тот с удовольствием, словно кот, жмурился от солнечных лучей. Широкая наезженная дорога вела на юго-запад, через

несколько миль поворачивая ближе к северу. Воздух стал свежее, Гарольд приближался к большой реке.

Старый каменный мост, заросший мхом, стоял незыблемо, несмотря на то, что за ним уже давно никто не ухаживал. Местные легенды говорили, что его построил тролль, взимавший непомерную плату за проход, и за это крестьянам пришлось убить его. Но это все детские сказки. Мост уже стоял, когда с запада сюда пришли люди.

Гарольд ступил на влажные камни, любуясь затейливыми орнаментами на широких каменных перилах. Тихо плескалась вода под мостом, разбиваясь об опоры, на берегах вдоль реки росли ивы, низко склонившиеся, как крестьянки, которые гнут спину в поле. За мостом охотник спустился к воде и смыл кровь с рук и одежды.

К полудню следопыт вышел к небольшой деревушке в десяток домов. В желудке глухо урчало, и Гарольд решительно отправился к ближней хате. Вид у него был неважный, но в пояс было завернуто несколько монет, и поэтому он мог рассчитывать на полноценный обед. Возле дома на чурбаке сидел чумазый мальчишка и старательно вырезал ложку из деревянной заготовки.

— Эй, боец, мамка дома? — окликнул его следопыт.

Паренек смерил незнакомца тяжёлым взглядом, усердно ковыряя деревяшку.

— Не велела она со всякими говорить! — буркнул мальчуган, сразу же возвращаясь к работе.

— Ну зови её сюда, сама со всякими говорить будет. И пусть сразу пожрать мне вынесет, серебром плачу, — хмыкнул Гарольд.

— А ты покажи сперва! — недоверчиво воскликнул мальчик.

Следопыт пожал плечами и развязал кошель. На дне покоились несколько монет, до этого принадлежавших мертвецу. Гарольд выудил одну и извлёк на свет. Серебро, хоть и потемневшее от времени, блеснуло в солнечных лучах.

Завидев блеск, мальчишка бросил недоделанную ложку и побежал в дом. Через несколько минут из дверей показалась дородная крестьянка в белом чепце, которая держала в руках здоровый ломоть хлеба и крынку молока.

— Похлебка не готова еще, милостивый государь, — заискивающе протянула она.

— Да ладно, и так сойдёт, — произнёс следопыт в ответ, бросая ей серебряную монетку величиной с половину ногтя. Заплатил он с лихвой, но в мешке у него лежала голова, которая стоила в сотни раз дороже. К тому же, боги оценят его щедрость и присмотрят за ним в будущих сражениях.

Крестьянка проверила подлинность монеты и побежала домой. Через несколько минут она вернулась и принесла гостю луковицу и пучок моркови вдобавок. Гарольд сидел на пеньке и сосредоточенно набивал брюхо. Нехитрый крестьянский завтрак был вкуснее, чем сухари и вяленое мясо.

— Кинь в мешок, — с набитым ртом сказал Гарольд, отворачиваясь и с искренним любопытством рассматривая деревню.

Хозяйка заглянула в ближайший к ней и в ужасе отшатнулась, встретившись взглядом с Милетом. Не глядя, она бросила овощи и убежала в дом. Обернувшись на звук быстрых шагов, следопыт увидел рассыпанные корнеплоды и тихо выругался. Теперь все узнают, кто убил знаменитого разбойника, а Гарольд этого совсем не хотел. Лишняя слава ему была не нужна, да и сторонников у бандита оставалось немало. И они могли возжелать мести.

Насытившись, Гарольд поднял овощи, взял свою ношу, и вышел обратно на дорогу.

Через несколько минут его догнал тот чумазый паренек.

— Дядя, это ты Милета убил? Сколько их было? — спросил он и затаил дыхание.

— Да, одиннадцать было, — не стал врать следопыт.

Мальчик заметно сник.

— Всех убил, да? — он поднял на Гарольда глаза, полные боли, гнева и бессилия.

— Двое сбежали, остальных убил, — ответил воин, у которого защемило сердце. Одно дело — убивать без всякого сожаления, и совсем другое — смотреть в глаза тому, кого сегодня оставил сиротой.

— У тебя еще есть надежда, парень, — попытался он утешить мальчика. Гарольд неловко дотронулся до его плеча, но парень дёрнулся из-под руки и убежал обратно.

Следопыт тяжело вздохнул и отправился на северо-запад, к городу. История мальчика навеяла ему воспоминания о собственном детстве. Тогда они еще жили на западе, далеко на западе, одной большой благополучной крестьянской семьёй. Отец его, старый солдат, уволился из армии герцога и занялся мирным трудом, но вскоре на их деревеньку напали дезертиры. Старый воин отчаянно сопротивлялся, защищая родной дом, но безуспешно. За сопротивление дезертиры не пощадили никого, лишь Гарольду и его младшей сестре удалось спрятаться. Лёжа в куче дров, они смотрели, как пламя пожирает соломенную крышу дома.

Он вздрогнул от мрачных раздумий. После гибели семьи им пришлось многое пережить. Голод, нищету, лишения. Они долго мыкались по чужим углам, и лишь через долгое время осели здесь, в Пограничье. Там, где никто не спрашивает, кем ты был раньше. Здесь важно лишь то, кто ты сейчас.

Гарольд навсегда возненавидел всяческий сброд навроде разбойников, бандитов или дезертиров. Отчасти, именно это и побудило его стать охотником за головами. Каждую весну в последние несколько лет он выходил на поиски лесных братьев. За тех, кто сильно досадил местным торговцам, как, например, Милет, назначали хорошую награду. Тех, кто не представлял ценности, Гарольд попросту убивал, искренне веря, что делает мир чуточку лучше. Несколько раз он чудом оставался жив, но удача всегда была с ним. Как и в этот раз.

Охотник брел по пыльному тракту, изредка пропуская мимо скрипучие крестьянские телеги и нахальных графских всадников. Раны не давали ему покоя, и он морщился, когда плечо или ногу простреливал внезапный приступ боли. Гарольд услышал мерный цокот сзади и обернулся. Пегая лошадка с ленточками в гриве, запряженная в добротную телегу, весело топала по дороге. На телеге сидел щуплый улыбчивый старичок, позади которого покоились глиняные горшки, прикрытые рогожей.

— Куда путь держишь, сынок? — окликнул он следопыта, щурясь от яркого солнца.

— В город, в "Веселую пинту", — сказал Гарольд погромче.

— А, знаю, знаю, хороший трактир, — протянул старик, — Залазь на телегу, горшки токмо не побей, подвезу. Вместе веселее.

Следопыт кивнул и на ходу уселся на крепкие доски. Удача снова улыбнулась ему.

— Чьих будешь, сынок? Как звать? Чего в кровище-то весь ходишь? — невзначай поинтересовался старичок.

— Гарольдом мамка назвала, с запада приехал, — ответил он, умолчав об утреннем сражении.

Старик удовлетворенно хмыкнул.

— А я вот из местных, Кислым кличут, — улыбнулся возчик. — Ты, небось, много повидал? Меч, вон, на поясе, арбалет...

— Немало, — отрезал Гарольд, поправляя ремень. — Ты-то, батька, из гончаров будешь? — заглянул он под ткань, пытаясь перевести тему.

— Из них, из них, — закивал старик, — Сам гончар, сына гончаром выучил. Везу вот на рынок, продавать.

— Ага, — безразлично ответил следопыт.

Наступило неловкое молчание. Кислый легонько хлестнул кобылу вожжами по бокам.

— До заката бы в город успеть, — пояснил он.

— А чего ты, на ночь-то глядя на рынок поехал? — спросил Гарольд, вытаскивая две морковки из мешка.

— Так я не на ночь, с рассветом поехал, как раз пока лес проеду, пока то, пока сё...

— А бандитов-то не боишься? — поинтересовался следопыт, протягивая одну морковку собеседнику.

— Дедушка старый, ему все равно, — заржал старик, — Да и взять с меня нечего.

За нехитрыми разговорами прошел день и большая часть пути. Путники проехали еще один мост и приближались к воротам. За городскими стенами багровел закат. Неподалеку от въезда в город следопыт спрыгнул с телеги.

— С пешего налога не берут, а на телеге въеду, так с тебя за двоих еще потребуют заплатить. Спасибо тебе, батька, — поблагодарил он возчика.

— Ну, бывай, сынок. Ежели чего, я в "Пинту" зайду вечерком.

Старик улыбнулся, махнул рукой на прощание и поехал к воротам. Теперь Гарольду следовало решить: пойти к торговцу или пойти в "Веселую пинту", пропустить пару стаканчиков, переночевать, и принести доказательства уже с утра. Голова в мешке уже начинала пованивать, хуже, чем в портовом районе города. Солнце уже катилось к горизонту, но до темноты оставалось достаточно времени, и следопыт отправился получать заслуженную награду.

Проходя через деревянный подъемный мост, он поздоровался с местными стражниками, но задерживаться не стал. В бойницах и потайных нишах возле подъемного механизма мягко поблескивали доспехи солдат, всегда готовых отразить внезапную атаку. Гарольд миновал высокие каменные стены и отправился к Максимилиану, наиболее уважаемому торговцу и его старому знакомому.

К доброму другу дорога пряма, хоть далёк его двор. Грязные улицы со всех сторон сжимались растущими домами и петляли, словно пугливый зайчишка. Дом торговца находился не в самом престижном районе, но всегда славился гостеприимством.

Постучав в тяжелую толстую дверь из мореного дуба, безвкусно украшенную вычурной резьбой, следопыт, по традиции, подождал. И после второго стука ему открыл сам торговец, одетый в длинную ночную рубашку и колпак. Толстяк закрывал собой весь проём и отошёл чуть назад, пропуская гостя.

— А, Гарольд, заходи, заходи, дружище! — сказал Максимилиан, показывая пухлыми ладонями в глубину комнаты. В глазах его, как и всегда, плясали хитрые искорки.

Гость вытер сапоги о коврик в прихожей и прошел внутрь. Мягкий огонёк оплившей свечи на столе освещал стол, на котором стопками лежали бумаги. Пышное убранство комнаты было скрыто в полумраке, но можно было различить дорогую мебель красного дерева, книжные полки и сундуки. Наверх, к спальням, вела массивная лестница, но случайные гости туда не допускались.

Максимилиан грузно прошел за стол, уселся в широкое кресло и продолжил заполнять

свои бухгалтерские книги.

— Ну, выкладывай, что у тебя там, — по привычке сказал он посетителю, указывая на табуретку напротив.

— Как скажешь, уважаемый, — заржал следопыт, медленно вынимая голову из мешка.

Толстяк с ужасом в глазах прижал носовой платок ко рту.

— Нет-нет, *это* можешь засунуть обратно, — прозвучал приглушенный голос.

Гарольд расплылся в улыбке, как довольный кот, и погрузил останки разбойника обратно.

— По цене сойдемся, я полагаю, — ощерился следопыт, готовясь к долгому торгу.

Солнце давно уже опустилось за горизонт, и только звезды освещали узкие улочки, когда Гарольд покинул гостеприимный дом старого друга. Увесистый мешочек, туго набитый серебряными монетами приятно оттягивал карман. Завтра голову Милета засмолят и посадят на пику, в назидание толпе. Максимилиан пообещал оповестить следопыта, если местные торговцы соберут награду за еще какого-нибудь назойливого бандита, щипающего их караваны. Пока что у толстяка никакой работы не было.

С чувством глубокого удовлетворения за проделанную работу, охотник отправился в "Веселую пинту", единственное, пожалуй, приличное заведение в этом городе. Пиво там подавали не такое разбавленное, как в остальных тавернах, да и повара работали на совесть. Несколько поворотов, в обход патрулей стражи, которых даже честному горожанину следовало бы избегать, и Гарольд стоял перед хорошо знакомыми дверями.

Он толкнул дверь и вошел в привычный сумрак трактира, прислушиваясь к разнообразному шуму. Сегодня было многолюдно, за одним из столов шла оживленная игра в кости, за другим горланила походные песни пьяная компания, остальные столы были заняты завсегдатаями и случайными посетителями. В проходах бегали служанки, разнося заказы, и Гарольд остановился, выискивая взглядом свободный столик.

Опустившись на лавку в отдаленном углу, он жестом подозвал служанку.

— Что на ужин? — привычно спросил Гарольд.

— Капустная похлебка с мясом, пироги с яйцом, жареные куропатки и свинина с бобами, — улыбнулась девушка старому знакомому.

— Будь добра, принеси похлебки и пироги. И скажи Фриде, что я пришёл, — протягивая несколько монеток, сказал охотник. — И комнату мне приготовь, как обычно. И воды туда согрей ведро.

Зажав серебро в кулачке, служанка убежала на кухню, а Гарольд еще раз безразлично окинул взглядом зал. Среди игроков он обнаружил своего недавнего попутчика. Гончар азартно бросал кости, но, судя по алчным и хитрым взглядам его соперников, без особого успеха. Проиграется в пух и прах, как пить дать, подумал следопыт, рассматривая игроков из-под полуприкрытых век.

Через несколько минут на столе перед Гарольдом появилась глубокая миска, в которой плескался ароматный суп, хлеб и половина пирога. Следопыт облизнулся и с нетерпением принялся за еду. Из дверей кухни вышла девушка. Она оглядела зал, словно выискивая кого-то, и лёгким шагом направилась к столу, за которым ужинал охотник. Проходя мимо пьяной компании, девушка вскрикнула и вlepила звонкую пощечину лысому воину. В зале повисла тишина.

Потирая моментально покрасневшую скулу, лысый с грозным видом поднялся из-за стола.

— Ты заплатишь за это, шлюха! — прорычал воин, пытаясь схватить девушку за руку.

Гарольд встал, обнажил меч и через пару мгновений оказался возле него. Острие клинка смотрело точно в лицо пьяному выродку.

— Ещё раз назовёшь её шлюхой, я тебе новую улыбку нарисую, — сказал охотник, покачивая острием. — Извинись хорошенько.

Следопыт выразительно провел клинком возле губ пьяного воина. Тот с ненавистью посмотрел в глаза сопернику.

— Герой нашёлся? — рыкнул он, глядя, как его собутыльники хватаются за оружие.

— Не надо лишних движений, — хмыкнул Гарольд. Клинок упёрся в щеку нахалу.

— Извините меня, юная леди, ваша попа сама прыгнула мне в руку, — садясь за стол, с некоторой издевкой произнес лысый.

Гарольд посмотрел на девушку и понял, что этого недостаточно.

— Извинись нормально, мужик, — сказал он.

Теперь вся компания внимательно посмотрела на следопыта. Запоминают, понял он, осознавая, что нажил себе еще нескольких врагов.

— Извини, — буркнул лысый.

Охотник вложил меч в ножны и вернулся к своему столу вместе с ней.

— Пойдем лучше в комнату, — сказал Гарольд, не желая оставаться на виду.

Девушка кивнула, взяла остатки еды и пошла за ним.

Поднявшись на второй этаж, они зашли в маленькую комнатушку. Узкая старая кровать, маленький стол и небольшое окно — как и в любой другой комнате любого другого трактира. На столе в плоске с жиром тускло горел фитиль. Поставив еду на стол и бросив мешки на пол, они наконец-то обнялись.

— Привет, сестрёнка, — улыбнулся он.

— Гарольд, ты ранен? — спросила девушка, аккуратно поправляя повязку на плече брата. — Сколько на этот раз? Когда-нибудь ты точно нарвешься на тех, кто тебе не по зубам...

— Одиннадцать, но двое сбежали, я не стал их преследовать, — сказал охотник. — Часто к тебе так пристают? Фрида, ты только скажи...

— Нет, меня же хозяйка не пускает в зал, так и работаю на кухне, — с некоторой досадой ответила Фрида.

Следопыт едва заметно улыбнулся и сел за стол. Хозяйка таверны давно хотела повесить девушку из кухарок в служанки, но за некоторую плату согласилась не отправлять её в зал. Он достал из-за пазухи мешочек с серебром, выбрал себе с десятков монет, а остальное протянул сестрёнке.

— Так много... — удивилась она, взвешивая кошель на руке.

— Достойная плата за это, — следопыт показал на плечо, — И вот это, — указал он на ногу.

Девушка обняла брата и поцеловала в небритую щеку.

— Спасибо, Гарольд, — прошептала она, прижимая серебро к груди, — Пора мне, а то карга старая браниться будет.

Следопыт кивнул и продолжил трапезу. Фрида еще раз чмокнула его в щеку и скрылась за дверью. Покончив с похлебкой, которая уже давно остыла, он принялся за пирог. Механически поглощая свежую выпечку, он погрузился в свои мысли.

Таинственный перстень с письмом, почти забытые, так и покоились на глубине

походного мешка. Вчерашний гонец не был болен, это точно, он просто понадеялся отпугнуть бандитов. Но зачем? Они бы забрали перстень и деньги, не причинив ему никакого вреда. Милет мог бы заинтересоваться письмом с незнакомой гербовой печатью, конечно, но вряд ли он умел читать. Значит, гонец больше смерти боялся того, что некие тайные сведения попадут в руки врага. Тогда зачем он попросил доставить письмо? Чем больше Гарольд размышлял над этими событиями, тем больше ему это не нравилось. Казалось, что его втягивают в какую-то интригу, тайную игру, где он просто случайная пешка.

Раздался осторожный стук в дверь. Следопыт вытащил нож и нарочито громко кашлянул.

— Я воды принесла, господин! — голос из-за двери прозвучал немного приглушённо.

Нож вернулся на место.

— Заноси, — приказал Гарольд. — Вот тут поставь.

Следопыт пальцем потрогал водную гладь. Достаточно тёплая. Он осторожно ковырнул присохшую к куртке повязку. Плечо снова пронзила боль. Гарольд смочил рану водой и наконец-то смог отлепить ткань. Он стянул куртку вместе с рубахой и осмотрелся. Дырка уже немного затянулась и покрылась коростой. Следопыт потрогал рану, морщась от боли. Пригоршня воды полилась на плечо, и Гарольд аккуратно смыл кровь.

Нога выглядела гораздо хуже. Гарольд вытащил из пореза остатки ниток и тоже промыл его. Похоже, некоторое время придётся хромать. Следопыт вытер окровавленные руки и забинтовал обе раны свежей чистой тканью.

На улице давно уже стояла ночь, но напоследок следопыт решил выправить зазубрины на клинке, прежде чем лечь спать. Он достал увесистый брусок и начал с громким звуком править лезвие. Нехитрые действия расслабляли его, погружая в своеобразный транс. Выбрав нужный угол заточки, он мерно водил точильным бруском по острию. Наконец, через несколько часов, он был удовлетворен качеством выполненной работы. Гарольд закрыл дверь на деревянную задвижку, погасил фитиль, и, не раздеваясь, упал на кровать.

Сон никак не шел, и из головы у него не выходило это злополучное письмо. Оно словно просило: "Прочитай меня, скорее, от этого зависит твоя жизнь, быстрее!" Ломать сургуч не хотелось, нерадивых и излишне любопытных гонцов обычно вешали. Особенно граф. Не доставлять послание Гарольд тоже не мог, он пообещал умирающему, и мог лишиться драгоценной удачи, если не исполнит обещанное.

Он поднялся с жесткой кровати, снова зажег фитиль и вытащил конверт, покрытый бурыми пятнами запекшейся крови. Внимательный осмотр ничего нового не дал. Мятый конверт в бурых пятнах, на нем сургучовая печать с теми же инициалами "С.В.". Однако печать не совпадала с перстнем. Гарольд удивленно хмыкнул и достал нож. Держа его в крохотном пламени фитиля, он нагрел лезвие и аккуратно срезал сургуч, стараясь ничего не повредить. Через несколько минут следопыт открыл письмо. Он слукавил, когда сказал гонцу, что не умеет читать. Он умел читать по буквам, но это занимало очень много времени. Гарольд даже мог написать свое имя, чем мог похвастаться не каждый.

Следопыт отложил нож, склонился поближе к свету фитиля и принялся за чтение.

Ищейки покинули псарню. Следите за знаками, не забывайте об овцах наших, и пастырь будет доволен.

С.В.

Охотник нахмурился и вложил странное послание обратно в конверт. Теперь все стало

еще загадочнее. Гарольд расплавил остатки сургуча и прикрепил печать на свое законное место. Внимательный глаз мог различить следы взлома, но в целом получилось неплохо.

Небо за окном уже начало светлеть, и следопыт решил поспать, надеясь, что утром его никто не потревожит. Завтра предстояло найти сокольничьего и отдать письмо.

Глава 2

К обеду в дверь постучали. Еще сонный Гарольд предусмотрительно встал сбоку от двери и открыл задвижку. Внутри проскользнула Фрида, держа в руках поднос с остатками вчерашней свинины. Вид у нее был обеспокоенный. Охотник закрыл дверь и сел на кровать.

— Гарольд, — она поставила поднос на стол и повернулась к следопыту. — Тебя ищут по всему трактиру.

Он с нарочито удивленной гримасой кивнул и принялся завтракать.

— Те, вчерашние, — девушка присела возле брата. — Они ночью напились и ушли, а теперь вернулись и требуют, чтоб ты вышел, на улице ждут.

Гарольд снова безразлично кивнул, не прекращая жевать.

— Ты пойдешь к ним? Гарольд, ты же ранен! Давай я проведу тебя через кухню, никто ничего не узнает! — взмолилась она.

— Сколько их там? — спросил охотник с набитым ртом.

— Я не выходила, но Любляна говорит, что шестеро, и все с оружием, — ответила Фрида. — Еще и ни одного стражника поблизости, как назло.

Следопыт покончил с трапезой и встал, разминая затекшие за ночь мышцы. Он понимал, что шестеро этих молодцев могут выйти победителями без особых усилий. Это вчера, против пьяных, он мог противостоять на равных, хоть и раненый. Но не сегодня. Нечего геройствовать.

— Пошли кого-нибудь разведать черный ход, они не такие тупые, чтобы оставить мне пути отступления, — бросил Гарольд.

Девушка кивнула и скрылась в коридоре. Следопыт на всякий случай зарядил и взвел арбалет. Проверил, насколько быстро меч выходит из ножен. Дождался, когда вернется сестра с докладом, и пошел за ней, избегая показываться в окнах.

— В подворотне какой-то мальчишка вертится, в первый раз его вижу, — рассказала Фрида, спускаясь по лестнице. — Попрошайка, наверное.

Гарольд остановился и тронул её за плечо.

— Если все-таки начнется заварушка, живо беги за стражей, поняла? — строго напутствовал он.

Девушка с готовностью кивнула и повела его дальше. Пройдя по кухне, на которой полным ходом шла работа, они остановились возле двери на улицу. Фрида выглянула, убедившись, что снаружи нет ничего опасного, и обняла брата на прощание.

— Обещай, что вернешься, — попросила она.

Мужчина лишь улыбнулся в ответ, и скользнул за дверь. Растрепанный мальчик в серых лохмотьях взглянул на Гарольда и пронзительно свистнул, молнией убегая из узкой подворотни. Охотник помчался следом, невзирая на открывшуюся от нагрузки рану в ногу. Порез болел, словно его раздирали тысячи маленьких крючков, но следопыт лишь стиснул зубы и пытался уйти от возможных преследователей. Сзади раздался радостный крик:

— Эй, говнюк! Вали отсюда, мы как раз твою сестренку оприходуем!

Гарольд мгновенно остановился, закипая от гнева. Вскинув арбалет, он развернулся и выстрелил прямо в лицо кричавшему. Лысый воин повалился на грязный песок подворотни, окрашивая его темной кровью. Остальные взревели и обнажили оружие, довольно быстро двигаясь в сторону стрелка.

— Проваливайте отсюда! — крикнул охотник, спешно перезаряжая арбалет.

Еще один выстрел унес жизнь самого быстрого из противников, времени перезаряжать уже не оставалось. Гарольд отбросил самострел в пыль и размашистым широким движением обнажил клинок. Один из врагов, рослый южанин, махнул топором, посреди удара переменив направление. Меч следопыта взметнулся вверх, в последнюю секунду перехватывая обманный маневр. Лезвие скользнуло по деревянному топорищу, отсеченные пальцы упали на песок. Воин выронил оружие и ударил Гарольда головой в лицо. Что-то хрустнуло, из носа хлынула кровь, а из глаз брызнули слезы. От боли у следопыта потемнело в глазах, и он отшатнулся.

— Всем стоять! Стража Мариграда! Бросайте оружие! — раздался громкий приказ откуда-то сзади.

Следопыт отступил на шаг и положил меч на землю. Двое стражников в красных сюркотах схватили его, и повели прочь. Еще один законник подобрал улики. Несколько из них остались, чтоб убрать трупы, а остальные похватили противников Гарольда, даже не дав южанину собрать обрубки.

Охотник уныло шагал по мостовой, ведомый своими спасителями. Простолюдины из горожан и ремесленников с известным интересом пялились на конвой. В их лицах читалось злорадство. Проходя мимо площади, Гарольд бросил взгляд на виселицу. Приторное зловоние мертвечины пропитало это место, хоть и местные власти старались вовремя снимать повешенных. Но сейчас там, словно в назидание, покачивался труп, пугающе глядя в небытие пустыми глазницами. Ворон, сидевший на табличке "Вор", глухо каркнул и взлетел. Следопыт усмехнулся.

— Тоже повесите? — поинтересовался он.

— Молчать! — рывкнул здоровенный конвоир, ударяя Гарольда локтем под ребра. — Повесим, четвертуем и колесуем, если не заткнешься!

Войдя в ворота графского замка, они повернули направо, в караульную, и спустились по массивной каменной лестнице. Душный запах темницы напоминал о крови, муках и страданиях. Тесная мрачная каморка, грубо сколоченный письменный стол, два стула. Оплывшая свеча на столе. Дверь куда-то вперед, с небольшим оконцем на уровне глаз.

Гарольд обернулся, сзади никого не было. Похоже, противников увели куда-то в другое место. За самовольный мимолетный взгляд он удостоился еще одного болезненного тычка под ребра. Его грубо усадили на жесткий стул, напротив него за стол уселся старый усатый стражник. Второй конвоир стоял сзади, готовый жестко пресечь любые попытки агрессии или побега.

— Ну, голубчик, выкладывай, — хрипло проговорил усатый. — Кто такой, откуда, зачем в городе?

— А будешь в молчанку играть — пальцы сломаю, — шепнул на ухо следопыту второй стражник.

— Гарольд из Йофервика, следопыт, охотник за головами, в Мариграде не впервые, получил награду за убийство Милета, бандита и преступника, — сухим тоном ответил подследственный. — Максимилиан, который из цеха торговцев, может подтвердить.

Усач обмакнул перо в чернила и начал записывать.

— Итак, голубчик, у тебя был заказ на этих двоих? Зачем ты их застрелил, скажи мне? — прищурился один глаз, спросил законник.

— Они оскорбили честь моей сестры, — бросил следопыт в ответ.

— Ты в курсе, сынок, что дуэли среди простолюдинов запрещены императорским эдиктом? Еще со времен старика Веграда. Карается смертью, — хищно улыбнулся пожилой стражник. — Сержант, обыщи нашего гостя.

Цепкие пальцы амбала стянули мешок с плеч Гарольда, ловко пробежались по поясу, нащупав все монеты до единой. На столе перед капитаном выросла небольшая горка. Несколько монет, трофейная кольчуга, веревки и проволока, бинты, фляжка с вином, точильный брусок, луковица, кремь с огнивом и, наконец, перстень и письмо.

— Ну и хлам же ты с собой таскаешь, голубчик! — воскликнул усатый, сгребая деньги в пригоршню.

В полумраке блеснуло серебро, и капитан обратил внимание на печатку. Покрутив её в пальцах, он внимательно всмотрелся в окровавленное лицо следопыта. Тот аккуратно потрогал распухший нос.

— Откуда у тебя это? — внезапно серьезным тоном спросил стражник.

— Словно ты не знаешь, кто раздает такие печатки, — попытался отбрехаться Гарольд.

И это, на удивление следопыта, сработало.

— Сержант, верни ему барахло. Закон нарушен, но мы с тобой ограничимся залогом в пользу казны, — обратился усач к подследственному. — Исключительно ради общего дела. Три сотни монет у тебя найдется, я полагаю. И еще оружие твое мы конфискуем, чтоб не убил больше никого.

Амбал удивился, но не сказал ни слова, молча бросая пожитки охотника обратно в мешок. Следопыт крепко задумался. Если немного занять у Максимилиана, то три сотни он соберет, вместе с Фридой. Да, это в любом случае лучше, чем висеть в петле и кормить воронов.

— Ты ведь понимаешь, капитан, что мне нужно время, чтоб тебе деньги принести? — с максимально безразличным видом бросил он.

Стражник оперся локтями на стол и покрутил кончики усов.

— Даю тебе время до заката, — улыбнулся капитан. — А если не успеешь, мы все знаем, где твоя сестрица живет.

— Солнце уже на запад повернуло! — воскликнул Гарольд.

— Тем лучше ты постарайся! — стражник поднял указательный палец вверх. — Сержант, проводи нашего гостя.

Амбал вернул охотнику его мешок, и снова болезненно ткнул Гарольда под ребра, указывая направление. Поднявшись по лестнице, они прошли через кордегардию, и вышли на улицу. Яркий солнечный свет ударил в глаза Гарольду. Приближался вечер.

— Не принесешь денежки, я с твоей сестренки натурой оплату возьму, — заржал конвоир. — А тебя повесим как убийцу.

Следопыт побагровел от злости, но сделать ничего не мог. Нападение на стражу каралось строго, а убегать и становиться тем, на кого он всю жизнь охотился... Нет, в этот раз придется проглотить оскорбления. Да и Фриде придется несладко, если он ударится в бега.

Наконец, здоровяк отпустил его, и Гарольд со всех ног побежал к "Веселой пинте". Прибыв на место, он немного отдышался и вошел внутрь. Народа было не так много, как ночью, но милостивые служанки тут и там сновали с подносами на руках. Следопыт, не желая тратить время на расспросы, сразу пошел на кухню, но путь ему преградила статная бабища в фартуке, уперев руки в боки и не давая пройти. Хозяйка трактира.

— Где Фрида? — держась за вновь открывшуюся рану в ноге, спросил он.

— Я её уволила. Пошел прочь отсюда. У меня приличное заведение, а ты здесь резню устроил, — раздраженно бросила женщина.

— Куда она пошла? — со злостью в голосе прошипел Гарольд.

— Понятия не имею. Я не спрашивала, — скривив лицо, ответила хозяйка.

Охотник в сердцах плюнул на пол, развернулся и вышел. Обойдя таверну, он вернулся на место утренней схватки. На земле остались только темные пятна крови, старательно затоптанные. Он подошел к двери и тихонько постучал. Скрипнул засов, дверь приоткрылась и снова захлопнулась. Он постучал еще раз. Из-за двери раздался тихий женский голос:

— Хозяйка не велела тебе отворять, уходи.

— Куда пошла Фрида? — прошептал следопыт.

— В "Речного дракона", наниматься служанкой, — прозвучал шепот из-за двери. — Хозяйка уже всем остальным трактирщикам сказала Фриду не брать.

Гарольд тихо выругался и побежал в портовый квартал. Этого только не хватало. "Речной дракон" был одним из самых грязных заведений города, где постоянно ошивались контрабандисты, бандиты и прочий сброд. Ночью в портовом квартале было легче получить нож под ребро, чем пройти от одного конца до другого. Даже стража избегала появляться там по ночам. Честной девушке нечего там делать.

Уже подходя к парому через Маревку, широкую реку, на которой стоял город, следопыт почуял характерную для любого порта вонь рыбы и нечистот. Казалось, этот "аромат" проникал повсюду, пропитывая одежду и волосы. Выше по течению стояли несколько ладей, матросы лениво катали бочки. Подойдя к паромщику, Гарольд растерялся. Денег на переправу не было, солнце неизбежно приближалось к линии горизонта, но бросить сестру в беде он не мог. Нельзя было допустить, чтобы она нанялась в этот притон. С таким нравом её рано или поздно изнасилуют, зарежут и сбросят в воду с жерновом на шее.

— Эй, мужик, почем возишь? — спросил охотник у паромщика, скучающего в небольшой лодке.

— По три медяка беру, с грузом по пять, — лениво ответил тот, протяжно зевая.

— Слушай, мужик, на тот берег надо срочно, потом обратно, давай я тебе на обратном пути заплачу, — предложил Гарольд.

— Знаем мы вас таких, — фыркнул лодочник. — На берег сойдешь, и поминай как звали.

Следопыт почесал небритый подбородок. Под ногтями остались кусочки запекшейся крови.

— Срочно надо, мужик. Давай я тебе сейчас кольчугу оставлю, а на обратном пути серебрушку дам. За все.

— Откуда у тебя серебро, бродяга? Даже медяков нет, — рассмеялся паромщик. — А кольчуга краденая небось, я вашу породу воровскую за версту чую.

Гарольд уже начинал злиться.

— Слушай, ты. Я тебе хоть кольчугу, хоть сапоги оставлю. Только знай, что ты тут потом работать уже не будешь. Зарежу и тебя, и всю твою семью, — слова тяжело падали одно за другим, словно камни.

Лодочник испуганно огляделся, и, не найдя поблизости стражи, предпочел подчиниться.

— Точно воровская порода, — обиженно буркнул он себе под нос. — Еще и в кровище

весь...

Переправившись, Гарольд сошел на берег, и побежал в сторону "Речного дракона", не оглядываясь. Лодочник отчалил, предпочитая не оставаться в портовом квартале надолго.

Трактир стоял на берегу, неподалеку от пирса. Вывеска с коряво нарисованным драконом, больше похожим на большого червяка, покачивалась на ветру. Кто-то с характерным звуком блевал в реку, и без того грязную.

Следопыт собрался с духом и зашел внутрь. Грязный закопченный зал был заполнен разнообразным людом. Кто-то мерялся силой на кулаках, кто-то пил, с хохотом рыгая после каждой кружки, кто-то вполголоса обсуждал темные делишки с подельниками. Фрида в откровенном наряде, испуганно озираясь, стояла у барной стойки. Прикрывшись деревянным подносом, она не могла заставить себя выйти в зал. Хозяин таверны, бледный тощий мужичок с рыбьими глазами, что-то втолковывал ей, заставляя взяться за работу.

Гарольд уверенным шагом отправился к стойке.

— Она здесь больше не работает, — непререкаемым тоном заявил он, забирая поднос у сестры. — Иди переодевайся.

Рыбоглазый скорчил страдальческую гримасу.

— Еще один защитник девиц явился! Поглядите-ка! Вали отсюда пока цел, она сама устроилась, ей и увольняться, — паскудным голосом протянул трактирщик.

— Я увольняюсь! — бросила Фрида, убегая куда-то за дверь.

Короткая юбка приподнялась во время резкого поворота, и Гарольд увидел, как сверкнула молочно-белая кожа. Он сжал кулаки, стараясь успокоиться. Рыбоглазый ухмыльнулся, раздевая девушку глазами.

Через несколько минут девушка вернулась, в своем обычном длинном платье. Схватив сестру за руку, охотник повел её к выходу.

— Минуточку! Не так быстро! А как же отступные? Нанялась, в этот же день уволилась, изволь платить! — раздался противный скрипучий голос из-за стойки.

Фрида достала из мешочка серебряную монету и, не глядя, бросила куда-то в сторону трактирщика.

— Зря светишь деньгами здесь, сестрёнка, — прошептал Гарольд. — Не ровен час, отберут.

Она пожала плечами и вышла вслед за братом.

Солнце уже почти коснулось горизонта.

— Сколько у тебя в кошеле? — на бегу спросил охотник.

— Я не считала, но около пары сотен! — запыхаясь, ответила сестра.

Приближаясь к переправе, они замахали руками, привлекая внимание лодочника. Тот не спешил отчаливать, но, в конце концов, погреб к портовому кварталу. Испуганно глядя на Гарольда, он сидел на баке, ожидая, пока пассажиры сядут на свои места.

— Дай ему серебряшку, — сказал охотник Фриде.

Она с удивлением посмотрела на брата, но подчинилась. Паромщик попробовал монетку на зуб, проверяя подлинность, и спрятал за щекой. Лодка с негромким плеском стремительно приближалась к берегу.

Сойдя на землю, они снова побежали по узким улочкам. Следопыт шипел и ругался от боли в ноге, повязка давно уже пропиталась кровью, но он бежал, пытаясь спасти свою шкуру. Дорога вывела их к тяжелой двери из мореного дуба. Наверное, единственное безопасное место во всем Мариграде.

— Макс, открывай, демоны тебя раздери! — невзирая на все правила приличия, стучал в дверь охотник. Солнца уже не было видно за стенами домов, сгущались сумерки.

Купец наконец-то впустил их внутрь, растерянно глядя на окровавленное лицо следопыта.

— Что случилось, ты можешь объяснить? — спросил толстяк, сложив руки на груди.

— Триста монет серебром, срочно, вопрос жизни и смерти, — задыхаясь от долгого бега, просипел Гарольд.

— Я не ростовщик, — ответил хозяин дома. — К тому же, я буквально вчера заплатил тебе. Ровно двести пятьдесят.

Фрида молча сунула кошель в пухлые руки Максимилиана. Тот удивился, но деньги принял.

— Там около двухсот. Теперь ради всего святого, дай мне эти сраные три сотни монет, и я побегу спасать свою шею от виселицы. А ты, Фрида, останься пока что здесь.

Торговец подошел к столу, снял маленький ключ с шеи, открыл ящик и достал еще один мешочек, такой же, как и тот, который отдала ему девушка.

— Только ради нашей дружбы, Гарольд, — вздохнул толстяк и бросил ему кошелек.

— Да, да, да, — раздраженно ответил тот и скрылся за дверью.

Фрида присела на краешек дорогого кресла, стоявшего у окна.

— Чаю? — предложил купец.

Следопыт бежал изо всех сил. Солнце уже почти скрылось. Несколько улиц, поворот, площадь с виселицей, взгляд на которую заставил его ускориться, ворота в замок, караулка. Пропустили его без вопросов, проводив насмешливыми взглядами. Внутри несколько стражников в неизменных красных сюркотах поверх кольчуг играли в карты. Молча, не сговариваясь, указали на лестницу вниз.

Капитан сидел и заполнял бумаги, изредка покусывая кончик пера. Гарольд, не издав ни звука, положил кошель на стол.

— А, явился, голубчик. Надо же, почти успел, — в своей обычной манере начал усатый. — Мы даже поспорили с сержантом, придешь или нет.

Стражник развязал тесемки и аккуратно высыпал серебро прямо на бумагу.

— Ты садись, я посчитаю пока, — дружелюбно произнес капитан.

Гарольд сел на жесткий стул, наблюдая, как усач шлепает губами, подсчитывая монетки.

— Ровно триста, удивительно, — стражник высыпал деньги обратно в кошель. — Все, свободен.

Следопыт устало поднялся по каменной лестнице и вышел. Солнце скрылось за горизонтом, наступила ночь.

Он брёл по пустынным улочкам города. В окнах гасли огни, запоздалые прохожие торопились домой, избегая темных закоулков. Город засыпал. Несколько поворотов, с широкой мостовой в одну из аллей, затем в неприметный узкий проход между домами, и Гарольд снова стоял перед домом купца. Заходить внутрь мучительно не хотелось. Начнутся расспросы, хлопоты. Но это было неизбежно. Слабость от потери крови все приближалась, и надо было срочно сменить повязку на ноге, пока он не упал в обморок прямо здесь, на улице.

Стук в дверь. Еще один. Тихий скрип открывающихся засовов.

— Гарольд, да ты бледный весь! — воскликнул торговец, закрывая дверь.

— Побегай с моё, — хмуро ответил охотник. — Принеси лучше воды в тазике, будь

другом.

Фрида мирно спала в глубоком дорогом кресле, завернутая в одеяло.

— Таких друзей за одно место... — буркнул купец, поднимаясь на второй этаж.

Следопыт уселся прямо на паркет, подстелил под собой плащ и принялся разбинтовывать ногу, онемевшую от кровопотери. Грязно выругался. В ране уже виднелись небольшие шарики желтого гноя. Максимилиан с шумом спускался по лестнице, держа в руках медный таз. Охотник показал, куда поставить, смочил бинт в воде и протер рану, морщась при каждом прикосновении.

— Кинжал есть? Нож? Сунь в камин, на угли, — приказал он хозяину дома.

Купец брезгливо посматривал на кровь, но просьбу исполнил. Он уже догадался, что именно собирался делать следопыт. Тот аккуратно снял штаны, пропитанные кровью, и морально готовился. Дождавшись, когда нагреется металл, он зажал в зубах бинт и сунул клинок прямо в рану. Запахло палёным, Гарольд изо всех сил сжал челюсти, стараясь не закричать. Он резко отбросил нож и начал заматывать порез, тихонько матерясь вполголоса. Торговец завороженно наблюдал.

Охотник завязал концы бинта и достал из мешка еще один. Разрезав присохшую к груди повязку, он полил остатки ткани водой и отлепил от кожи. Дырка от стрелы выглядела куда лучше. Забинтовав и её, Гарольд откинулся назад и расслабленно лежал на дорогом паркете. Купец выплеснул грязную воду за дверь и скрылся наверху. Следопыт свернулся на твердом полу, укутался в плащ и думал. Он давно отвык спать под крышей, сон никак не приходил. Только через несколько часов он провалился в черные объятия сна.

Гарольд проснулся от легкого толчка в плечо. Купец стоял над ним, одетый в тяжелую лисью шубу.

— Осень же на дворе, — удивился следопыт, растирая глаза.

— Я пошел на собрание гильдии, — объяснил Максимилиан. — Вам тоже пора идти. Подведем итоги. Ты должен мне сотню серебром, у тебя нет денег и оружия, и, кроме как выслеживать и убивать, ты больше ничего не умеешь. Ты мне хоть и друг, но ты знаешь, что я никогда долгов не прощаю. Как отдавать будешь?

Следопыт схватился за голову. Меч отца. Семейная ценность. Его задешево продадут в пользу казны, и Гарольд его больше никогда не увидит. Он и представить себе не мог, что так бездарно потеряет всё.

— Я не знаю, — обречённо ответил Гарольд. — Всё, что мне осталось, так это отнести письмо Тредиану и идти бродяжничать.

— Письмо? Сокольничьему? Этому старому пройдохе? Вот уж не думал, что ты заделаешься графским прихвостнем.

— Я пообещал доставить его, — пожал плечами следопыт.

Фрида проснулась, услышав разговор.

— Если можно, я могу работать у тебя в счет долга, — робко вставила она.

— Кем? — хохотнул купец. — Хотя... Убираться и кашеварить самому мне давно уже не положено по статусу. Ладно, с этим разберемся потом. Можешь пока остаться.

Охотник поднялся и застегнул плащ на шее. Нога нестерпимо болела.

— Фрида, ты уверена? — спросил он, морщась от неприятных ощущений. — Это мой долг, мне его отдавать.

— Сколько раз ты платил за мои долги? Наконец-то, я могу помочь тебе, а не наоборот, — ответила сестра.

— Пошли, Гарольд, — бросил купец, направляясь к двери. — А ты пока убери всё, что твой братец тут нагадил.

На полу тут и там виднелись пятна крови и грязные разводы. Следопыт взвалил мешок на плечи и захромал вслед за торговцем. Оба они отправились в сторону площади.

Неизвестный вор все еще покачивался в петле, напоминая Гарольду о возможной судьбе. Торговец попрощался с другом и пошел в большое здание, богато украшенное лепниной. Кое-где виднелись остатки позолоты. Над дверью висела деревянная вывеска с изображением сундука. Охотник проводил товарища взглядом и захромал в замок. Стражники у ворот заржали при виде гостя, но пропустили внутрь без лишних слов.

Большой внутренний двор замка походил на сотни и тысячи таких же дворов. Конюшни, псарни, различные постройки, и, наконец, сам замок с четырьмя башнями. Сокольник наверняка находился в одной из них, со своими птицами.

Неподалеку от конюшни полуголый парень колот березовые дрова и сразу же складывал в поленницу.

— Эй, мужик, — окликнул его следопыт.

Парень приставил колун к чурбаку, вытер пот со лба и повернулся к Гарольду.

— Чего тебе, бродяга?

— Где Тредриан? У меня послание для него.

— Старый подонок в темнице, по приказу графа, — ответил паренек, отвернулся, взял топор и продолжил колоть дрова.

Следопыт почесал заросшую щеку. Дело становилось всё запутаннее. Краем глаза он увидел, как один из стражников, стоявших поблизости, забежал в донжон, к покоям графа. Гарольд решил ретироваться.

— А ну стой, сукин сын! — раздался крик, едва лишь следопыт двинулся в сторону города.

Бежать было бесполезно.

Граф оказался невысоким мужчиной средних лет, с аккуратно подстриженной бородкой и зелеными глазами, в которых виднелась холодная жестокость. Гарольд стоял перед ним, сопровождаемый двумя дюжими гвардейцами. Граф сидел за обеденным столом и читал послание.

— Еще один изменник... Может быть, хоть ты скажешь, на кого вы работаете... — сказал владыка Мариграда, откладывая записку в сторону. — Тредриан отказался говорить даже на дыбе, но он — закаленный вояка, а ты — простой бродяга. Ты заговоришь.

Гарольд вздохнул.

— Милорд, я всего лишь выполняю последнюю волю умершего. В лесу мне встретился раненый гонец, и я пообещал доставить письмо. Я не знаю, кем он был и на кого работал.

Граф изящно взмахнул пальцами, и гвардейцы обрушили шквал ударов на Гарольда. Тот упал на холодный каменный пол и закрыл голову руками.

— Хватит с него. Пока что. Поднимите, — приказал граф.

Церберы рывком подняли его, держа за локти. Охотник почувствовал, как открылась рана от стрелы. Внутри закипала ненависть, но он был бессилен. Пока что.

— Кто вами руководит, сколько вас, и чего вы хотите. Отвечай, изменник, — потребовал хозяин замка.

— Я знаю только то, что в этом замешаны сокольниковый и капитан стражи. Милорд, я клянусь, я ничего не знаю о заговоре, — обреченно ответил Гарольд.

— Капитан? — рассмеялся граф. — Он, конечно, взяточник и сластолюбец, но он был всегда верен мне. Лично мне.

— Он хотел казнить меня, но увидел перстень и решил стрясти взятку. Он узнал имя на печати, — объяснил следопыт. — Конфисковал мое оружие.

— Простолюдины не должны ходить с оружием, — улыбнулся граф. — Зовите капитана.

Один из гвардейцев отправился за стражником. Через несколько минут оба стояли перед хозяином. Усатый, не скрывая довольной ухмылки, смотрел на окровавленное лицо Гарольда.

— Милорд, вам следует повесить этого бродягу, — вкрадчиво посоветовал он.

— Заткнись. Что ты знаешь о некоем "С.В."? Выкладывай.

Капитан заметно побледнел.

— Ничего, милорд. Впервые слышу, — ответил он.

— Отвечай! — рявкнул граф, ударив ладонью по столу. — Кто такой С.В., сколько вас, чего вы хотите? Давно ты с ними?

Капитан побледнел еще сильнее.

— Милорд, я не понимаю, о чем вы!

Взмах пальцев, и стражник падает на пол, закрываясь от тяжелых ударов. Через несколько минут еще один взмах, и его поднимают обратно. Гарольд стоял, изо всех сил сдерживая злорадную улыбку.

— Сколько вас в этом замке? В городе? На моих землях? Тредриан сегодня попался на шпионаже. Чем занимался ты?

Усач посмотрел в глаза своему лорду.

— Тебе никогда не уничтожить нас всех. Мы — везде. Я уже мертвец, и он мертвец, — кивнул он на следопыта. — Но на наше место придут еще сотни. И тогда не ты будешь рубить головы, граф. А полетит твоя голова, — капитан плюнул кровью на стол и рассмеялся.

— Эй, усатый, я не с вами! Я понятия не имею, кто вы такие! — затараторил охотник, чувствуя, что его втягивают в большую игру.

Стражник еще раз внимательно посмотрел ему в лицо.

— Ах ты крыса! — завопил он и попытался броситься на Гарольда, но гвардейцы повалили его на пол и начали избивать.

Граф безучастно смотрел на происходящее.

— Кто может подтвердить то, что ты действительно был в том лесу? — спросил он следопыта.

— Голова, что посажена на пику над воротами, — ответил тот. — Городские купцы собрали награду за разбойника из тех краев.

— Значит, ты всего лишь наемник. Предатель и шпион. Пойдем за мной. Ребята, тащите капитана в подвал.

Гвардейцы подняли бесчувственное тело и понесли на руках. Хозяин замка уверенно шел по мрачному коридору, вслед за ним хромал следопыт. Все его тело болело от тяжелых ударов, дышать было трудно, словно несколько ребер треснули. Рассеченная бровь кровоточила, заливая лицо.

Подойдя к одному из гобеленов с изображением охоты на кабана, граф откинул его и нырнул в темный проход. Гарольд юркнул следом. Тайное ответвление коридора

оканчивалось винтовой лестницей, ведущей вниз. Они спустились и оказались в небольшой каморке.

Массивная дверь, несколько ящиков, жаровня в углу. Пахло кровью и нечистотами. Хозяин замка открыл один из ящиков, надел кожаный фартук и бросил такой же Гарольду.

— Надевай, — приказал граф.

Следопыт подчинился. Лорд достал связку ключей из-за пазухи и открыл дверь.

— Если ты действительно не имеешь отношения к этим предателям, то я это увижу, — сказал он. — Если ты все-таки с ними — то ты останешься здесь до конца жизни. Очень недолгой.

Гарольд кивнул, и прошел еще в один коридор. По бокам находились двери с небольшими зарешеченными оконцами. Граф открыл одну из них и приглашающим жестом указал внутрь.

В тесной камере на дыбе висел полуголый человек. Сокольник, как понял следопыт. В самом деле, человек был похож на старого воина, внешностью, осанкой, шрамами. И, похоже, сегодня ему добавилось несколько новых. Гарольд равнодушно окинул взглядом помещение. На стенах висели разнообразные инструменты: пилы, клещи, ножи, серпы. Хватало и таких, о назначении которых приходилось только догадываться. Неизменная жаровня у стены, в которую граф только что подсыпал угля, кресло пугающей формы. Судя по всему, это была лучшая камера из всех.

Лорд с пугающе жестокой улыбкой подал Гарольду странной формы крюк. Тот покрутил его в руках, тяжело вздохнул и вонзил под ребро пленнику.

— Хорошо, хорошо, — расплылся в улыбке граф. — Смотри, он терпит! Дай покажу как надо, — он выхватил орудие пытки из рук следопыта и потянул вниз.

Сокольниковый тихо застонал, не в силах сдержаться.

— Милорд, я невиновен, — прохрипел он.

— Тебя поймали с поличным, предатель, — напомнил сокольнику палач, наслаждаясь его страданиями.

Гарольд наблюдал, не показывая своих эмоций.

— Давай теперь ты, — предложил граф. — Я пока щипчики накалю.

Было видно, что лорд занят самым любимым делом на свете. Гарольду так и хотелось перерезать ему глотку, но он понимал, что таким образом не добьется ничего. Без всякого желания он продолжил пытку, стараясь не смотреть в глаза сокольнику. Тот стиснул зубы и терпел.

— Что, не нравится? — граф явно подобрел после такого развлечения.

Охотник молчал, продолжая резать несчастного пленника.

— Ладно, можешь не продолжать, я вижу, что вы даже незнакомы, — разрешил палач, приступая к пытке сам.

Острые щипцы вонзились в плоть, вырывая кусок мяса из груди и сразу же прижигая рану. Тредриан не сумел сдержаться и истошно закричал.

— Музыка для моих ушей! — со смехом воскликнул граф. — Так, сокольник и стражник останутся здесь, ими я займусь позже. А тебе я поверю на этот раз.

Гарольд провел языком по пересохшим губам.

— Меч, — просипел он. — Мне нужен мой меч. Он должен быть у капитана.

Следопыт стоял за воротами замка и смотрел в пробегающие облака. После тяжелого запаха темницы вонючий городской воздух казался ему свежим, как вода с горного ледника. Меч снова был с ним, верный и надежный. Хотя в ближайшие пару недель Гарольд не боец, но его успокаивала холодная сталь в ножнах.

Граф приказал ему выяснить, кто стоит за этим заговором. Пришлось согласиться, иначе Гарольд был бы сейчас прикован к стене в подвале, и живодер увлеченно снимал бы с него кожу. Он всегда имел свои методы воздействия на людей. А если следопыт попытается скрыться, то кожу будут снимать с его близких. Сокольник и капитан стражи проявили невиданное упорство, отказываясь говорить даже после того, как палач испробовал весь свой арсенал. За это охотник невольно зауважал их, понимая, что давно бы раскололся.

Гарольд захромал в сторону площади. Граф поделился с ним своими подозрениями, и было похоже, что он подозревал абсолютно всех. Заодно он, наконец-то, сказал свое имя, с удивлением узнав, что следопыт даже не догадывается, как зовут дворянина. Звали его Хуго, граф Мариградский, Длань Востока и наместник Пограничья. Все эти титулы, как понял следопыт, на деле были всего лишь словами, полученными в наследство. По слухам, лорд никогда не выезжал за пределы города.

Первыми под его подозрение попали купцы и их гильдия, постоянно требовавшие снижения пошлин и разные привилегии для себя. Следующими были айварские племена, но до границы с ними было две недели конного пути, что пока вычеркивало дикарей из списка. Затем граф настоял на проверке южных рубежей, где обычно кочевали хархузы. Если они планировали большой набег, то вполне себе могли заняться разведкой на столь высоком уровне. У горцев с севера не хватило бы средств завербовать сразу двоих придворных, а император в случае недовольства действовал бы прямо и жестко, казнив всю местную знать.

Охотник шел по узким улочкам Мариграда, слушая, как рычит пустое брюхо. Денег не было, на халяву рассчитывать тоже не стоило, но в мешке за плечами валялась кольчуга. Неплохо сработанная, она еще могла кому-нибудь послужить. Неподалеку от городских ворот находились лавки торговцев. Толпы горожан сновали туда-сюда по своим делам, уличные воришки пытались незаметно срезать кошельки у зажиточных простаков, а стражники, обливаясь потом, стояли у ворот и отмахивались от мух. Последние деньки выдались необычайно жаркими.

Следопыт почувствовал едва заметное прикосновение у пояса и легонько хлопнул вора по пальцам. Каким бы ловким ни был карманник, но Гарольд все равно ловчее. Когда-то давно нужда и его заставила заниматься таким промыслом. И шустрые пальцы не раз выручали охотника в трудную минуту.

Он приблизился к одной из лавок. На вывеске красовался тщательно нарисованный шлем. Пару секунд следопыт полюбовался на вывеску и затем вошел внутрь. В большом помещении на стенах и стендах висели различные доспехи, от простых ламелляров до богато украшенных парадных кирас и куяков. Седой бронник стоял за верстаком и деревянным молотком выправлял бацинет, погнутый чьей-то дубинкой. Осанка выдавала в нем бывалого солдата. Гарольд подошел к столу в центре зала и с тихим шелестом выложил кольчугу. Бронник обернулся, прищуривая единственный здоровый глаз, второй был закрыт бельмом.

— Сколько дашь? — спросил охотник.

— На заплатки пойдет, — торговец подошел к столу и начал придирчиво осматривать доспех. — Не больше тридцатки.

Гарольд крепко задумался. Этого было откровенно мало, но торговаться не хотелось. Желудок еще раз призывно заурчал.

— Тридцать пять.

— Тридцать, — настоял бронник. — Этот хлам у меня не купит никто.

— Тридцать пять, старик. Я же вижу, что ты меня нагреть хочешь. В соседней лавке за сорок с руками оторвут, да мне туда идти лениво.

Торговец почесал седую голову, затем достал кошель и отсчитал нужное количество. Гарольд, не пересчитывая, сгреб деньги в ладонь и вышел из лавки. На улице неподалеку продавался отличный хлеб, и охотник пошел туда.

С наслаждением вгрызаясь в теплую хрустящую корочку, он брел домой к Максимилиану. Если уж кто-то знал, что затевают торговцы, то только он. А еще он был одним из подозреваемых. И если купец замешан, то Гарольду тоже придется тяжело. Если купца еще можно просто казнить, то охотника будут пытаться, долго и мучительно. Лично граф.

Гарольд тряхнул головой, пытаясь избавиться от мрачных размышлений. Через несколько минут он уже стоял у дверей. По привычке постучав дважды, он дождался, пока Фрида откроет ему дверь и вошел. В комнате уже были заметны перемены. Здесь царил необычайная чистота, наверное, впервые за много лет. Торговец хоть и следил за порядком, но времени на всё у него не хватало. На полу стояло ведро, в котором плавала тряпка. Немного подождав, девушка снова принялась за работу.

— Какие новости? — спросила она, смахивая пыль с одного из сундуков.

— Подрядился на работу. Похоже, что надолго. Хуго решил свои проблемы перекинуть на меня.

— Кто? — с удивлением протянула она.

— Граф. Похоже, не я один такой, — хохотнул Гарольд, поудобнее устроившись в дорогом кресле.

— Какой?

— Имени лорда не знаю. Он, кстати, изрядно удивился, когда я его спросил. Купец не возвращался еще?

— Заходил на пару минут, забрал что-то, и снова ушел, — пожала плечами Фрида. — Торопился, кажется.

Следопыт задумался. После того, как схватили двоих заговорщиков, остальные должны засуетиться. Подозрительно.

— Ничего не говорил? — словно невзначай спросил охотник.

— Не, пробежал к столу, потом наверх, потом снова ушел. Натоптал здесь.

Еще подозрительнее. Если он все-таки замешан, им всем несдобровать. Но это потом.

— Фрида, тут есть пожрать чего-нибудь? Брюхо к спине уже липнет, — он похлопал себя по животу, показывая, насколько уже прилипло.

Сестра оторвалась от уборки и прошла к внушительному шкафу. Затем достала оттуда противень, накрытый узорчатым полотенцем, откинула ткань и отломил кусок пирога. Гарольд в предвкушении замер, потирая руки. Закинув первый кусочек в рот, он с видом знатока протянул:

— Суховат.

— Неблагодарный, — буркнула Фрида.

В дверь раздался приглушенный стук, девушка подбежала и отворила. В комнату с усталым видом ввалился торговец. Скользя взглядом по Гарольду, который развалился в кресле, он молча прошел наверх. Брат с сестрой с удивлением переглянулись и продолжили заниматься своими делами.

Через несколько минут купец появился на лестнице.

— Пошли за мной, — махнул он рукой следопыту. Тот отложил остатки еды и пошел наверх, впервые в жизни.

Массивная лестница осталась позади, и Гарольд увидел широкий коридор с несколькими дверьми. Максимилиан открыл одну из них ключом и позвал спутника за собой. Темнота внутри обволакивала, словно черный колдовской туман.

— Почему бы нам внизу не поговорить? — спросил охотник, стараясь привыкнуть к отсутствию какого-либо света.

— Потому что это строго между нами, болван, — ответил Максимилиан, зажигая фитиль в плошке с жиром. Тусклый огонек затрепетал перед его лицом, отчего оно приобрело какие-то зловещие очертания. — Мне нужна твоя помощь. Срочно.

— И что именно ты хочешь от меня? Я не смогу драться еще пару недель, это точно. Здоровья не хватит.

— Драться и не придется. Наверное. Мою ладью арестовали в порту, сегодня утром. Пока еще не обыскивали, но это только пока. Похоже, меня кто-то сдал. Если обыщут трюм — меня повесят за контрабанду вместе с капитаном судна, понимаешь?

— А что там по документам? Где твою контрабанду искать? Сколько я с этого получу?

— Не вздумай ничего там искать. Тебе не прокрасться через охрану, это во-первых. А во-вторых, тебе не нужно знать, что на самом деле лежит в трюме, — с раздражением в голосе ответил купец. — По документам там груз кожи, обыкновенные коровьи шкуры.

— Понял. И как мне это дело повернуть? Убивать стражников я не стану, ты знаешь. Топить ладью?

— Да, — мрачно ответил толстяк.

Гарольд обомлел. Чтобы прижимистый торговец затопил свой корабль, да еще и с дорогим грузом? Что-то тут нечисто.

— За это я прощаю тебе долги, плюс пять сотен серебра сверху.

У Гарольда глаза полезли на лоб от удивления. Все это было совсем не похоже на купца, который трясся над каждой монеткой. Надо было разведать, что такого может лежать в трюме. Если Максимилиан готов топить ладью с дорогим грузом, да еще и платить за это сверху, то от этого наверняка зависела его жизнь.

— И все-таки, что внутри? Почему тебя должны повесить за этот груз? — с неподдельным интересом спросил охотник, — Если ты хочешь, чтоб я взялся за дело — расскажи.

Торговец замаялся. Кто знает, не предаст ли его следопыт? Нынче можно было доверять только самому себе. Даже близкие друзья могли воткнуть нож в спину, и он слышал о таких примерах.

— Ну... Там оружие. И кожи, — решил довериться толстяк. Следопыта он знал еще с тех времён, когда был простым уличным сорванцом. Гарольд никогда не подводил своих друзей.

— Хороший пожар тебя устроит? Сможешь потом достать товар, если повезет, —

Гарольд уже продумывал план действий.

— Если останешься незамеченным — устроит, — оживился толстяк. — Что тебе нужно для дела?

— Масло, факел. Или арбалет с боеприпасами. Мой так и остался в замке. А еще мне нужны сведения кое о чем, но это позже. Когда разберемся с контрабандой. По рукам?

Они пожали друг другу руки, скрепляя сделку, как делали уже не раз, и вышли в коридор.

Меньше, чем через час, Гарольд уже приближался к переправе. Снова ароматная портовая вонь. Этот запах бил в нос не хуже вчерашнего головореза. Лодочник, издали завидев серый плащ следопыта, нервно барабанил пальцами по веслу. Охотник забрался в лодку и жестом приказал отчаливать. Не смея требовать денег, паромщик достаточно шустро погреб на другую сторону.

Из мешка торчали плечи арбалета, на поясе висел колчан с болтами. Несколько из них были помечены отдельно, вместо наконечника на них была промасленная тряпка. Торговец не поспешил, и теперь Гарольд был счастливым обладателем рекурсивного арбалета с клеймом братьев Барретов, лучших оружейников графства. По сравнению со старым это было все равно что теленок против матёрого быка. Новенькая вощёная тетива валялась где-то на дне сумки, и следопыт надеялся, что ему удастся натянуть её без особых проблем. Согнуть плечи такого мощного оружия иногда было очень и очень сложно.

Переправившись, он выскользнул из лодки, и захромал в сторону причалов, где матросы, распевая похабные песенки про легкодоступных портовых девок, разгружали товары на берег. Над рекой с противными криками кружили чайки, выискивая добычу. Напротив "Речного дракона" была пришвартована арестованная ладья, возле которой стражники резались в карты, используя одну из бочек вместо стола. Гарольд презрительно сплюнул в воду. Пробраться мимо такой охраны смог бы даже ребенок.

Старательно изображая пьяного, он прошел в таверну, скользнув взглядом по стражникам. Те даже не обратили внимания на прохожего, продолжая играть. Рядом с ними стоял кувшин, и, судя по покрасневшимся лицам охранников, там была не просто вода. Появился другой план.

В трактире, как обычно, было многолюдно. Несмотря на полумрак, Гарольда узнали, и тут же какой-то амбал в кожаной куртке преградил ему путь.

— Чего надо? Тебе здесь не рады, урод, — процедил он, демонстративно засучивая рукава.

— Я тебе тоже не рад, здоровяк. Отойди, у меня дело к трактирщику, — следопыт просочился мимо амбала, и направился к барной стойке. — Вина, самого крепкого.

— Для тебя, — трактирщик сделал ударение на этом слове, — по две монеты за кувшин.

Скрипучий голос резал по ушам. Не желая оставаться здесь дольше необходимого, Гарольд положил на стойку деньги, забрал вино и вышел на улицу, снова притворяясь пьяным.

Пошатываясь, он подошел к охранникам и поставил кувшин на бочку. Стражники осоловевшим взглядом уставились на угощение. Следопыт присел на ящик рядом и не требующим возражений тоном приказал раздавать карты. Собутельники не заставили себя долго ждать.

Карта не шла, и Гарольд время от времени прикладывался к кувшину. Совсем немного, но этого хватило, чтоб слегка захмелеть. Впрочем, стражники уже клевали носом, а значит,

скоро можно было приступить ко второму этапу операции. Хлопнув одного из охранников по плечу, охотник отошел якобы по нужде. Покачиваясь, он отправился к сходням и поднялся на борт. Если Максимилиан причастен к заговору, то, возможно, в судовом журнале найдутся улики.

На корабле никого не было, кроме крыс, и это существенно облегчало задачу. Гарольд проскользнул в капитанскую каюту. Внутри словно прогулялась банда варваров-кочевников. Стол был сломан пополам, рундук перевернут, по полу рассыпаны бумаги, мелкие монеты и одежда. Найти что-либо в таком хаосе было невозможно.

Следопыт вышел на палубу и попытался пройти к люку в трюм. Тот был наспех заколочен досками. Команда ладьи, похоже, знала, что они везут, и старалась хоть как-то помешать страже. Ещё бы, за контрабанду наказания были суровы как здешняя зима. И, чтоб пресечь нарушения закона, граф велел казнить всех, кто хоть как-то причастен к преступлению. Жестко, но действительно.

Гарольд сошел на берег и осмотрелся. Двое охранников в красных сюркотах, столкнувшись головами, мирно сопели на бочке. Больше никого вокруг не было. Следопыт подкрался к нерадивым стражникам, вытянул у них мечи и бросил в воду. С тихим плеском оба клинка ушли на дно, стражники даже не шелохнулись.

— Хорошее вино, — пробормотал Гарольд с удивлением. Достаточно неожиданно для такого кабака как "Речной дракон".

В ответ ему прозвучало невнятное мычание одного из охранников. Судового журнала охотник не обнаружил, и можно было невозбранно поджигать ладью. Снова поднявшись на борт, он полил палубу остатками масла, которым пропитывал тряпичные наконечники болтов, несколько раз ударил огнивом, и поспешно ретировался. Новенькая ладья вспыхнула как спичка. Уже через несколько минут полыхала вся палуба. Еще через какое-то время с громким треском повалилась горящая мачта. Примерно через час обгоревший остов покоился на дне реки. Но этого следопыт уже не видел. Стражники пытались потушить пламя, но спьяну упали в воду. Больше их следопыт тоже не видел.

Некоторое время болтаясь по портовому кварталу, Гарольд думал, где найти капитана ладьи. Пусть корабль принадлежит Максусу, но капитан связан с ним гораздо больше. Охотник даже чувствовал некоторую вину. Ему хотелось извиниться за сожжение и разузнать про бортовой журнал, про заказчиков, про товар. Каждый ржавый ножик в этом городе облагался графской пошлиной при продаже и заносился в специальный реестр, в котором были указаны все владельцы этого самого ножика. Контрабандное оружие закупали те, кто не хотел привлекать внимание графа. Бандиты. И если купец торговал с бандами, то его ждал очень серьезный разговор. Таких торгашей Гарольд презирал еще больше, чем самих бандитов.

Но нужно было уходить из города, и чем скорее, тем лучше. Слишком многие видели, как он крутился возле корабля и охраны. Особенно завсегдатаи "Речного дракона", которые давно точили зуб на следопыта. Многие тамошние посетители не раз попадали в лапы закона благодаря усилиям Гарольда. Но это было уже неважно. Если Хуго узнает, что он помешал расследованию, то точно решит, что следопыт работает на два фронта. И точно решит содрать с него кожу.

Если капитан ладьи покинул порт, то он шел только одним путем, через переправу. За отдельную плату лодочник охотно подкидывал сведения о своих пассажирах, и для охотника он вряд ли сделает исключение. А если капитан все еще где-то здесь, то наверняка рядом с

кораблем. И тогда к нему не подобраться.

Лодочник снова заработал веслами, желая услужить ценному клиенту. На серебрушку, которую ему дал Гарольд, он мог жить несколько недель, но больше перевозить людей было некому. И он перевозил.

— Знатно полыхает, — с некоторым злорадством протянул он. Гарольд рассеянно кивнул.

— Не знаешь, чья? — спросил охотник.

— Как не знать! Максимилиана, который из купцов! А правит ею Ян, сынок старого бочара, давеча его перевозил. Нервный весь, никак, чувствовал что-то.

— Кого перевозил-то? Бочара или Яна? — чувствуя, что на верном пути, продолжил допрос Гарольд.

— Яна! Бочар тот уж пару лет как помер! — охотно выкладывал лодочник, налегая на вёсла.

— И куда направился он?

— Как куда? Ты чё, дурак совсем? К богам на вечный пир, куда ж ещё-то! — мужичок посмотрел на Гарольда как на ребёнка.

— Да не бочар направился, а капитан! — начал злиться тот.

— В таверну, а куда именно, не знаю, — обиделся лодочник. — Он мне не докладывал.

Негусто, но следопыту хватало и этих крох информации, чтобы составить общую картину. Капитан лодки заблаговременно смылся, прихватив с собой все улики. Умно. Топить судно с контрабандой у него не хватило духу, и эту грязную работу пришлось повесить на Гарольда. Умно вдвойне.

Охотник, не прощаясь, выскочил из лодки. Скорее всего, Ян пошел куда-нибудь поближе к порту, чтобы в случае чего, быстро вернуться на корабль. "Речной дракон" для этого не подходил, слишком приметное место, а вот пивная неподалеку за углом — была неплохим вариантом. Стоило проверить. Гарольд захромал по набережной, любуясь на столб дыма. Немногочисленные прохожие пытались понять, что горит, но не более. Поводов для беспокойства не было, пожар не смог бы перебраться через реку. А портовый квартал, по мнению многих местных жителей, давно пора бы спалить дотла.

Пивнушка выдавала свое местонахождение терпким ароматом хмеля, который пробивался даже через городскую вонь. Здесь варили неплохой лагер, который даже возили продавать на запад, в столицу, недорогой эль и крепкий портер. Ну а местным задешево наливали нераспроданные остатки. Внутри было темно, как и в любом другом питейном заведении Мариграда. В темноте не видно грязь, и трактирщики охотно пользовались этим правилом. Лишь несколько тонких солнечных лучиков, сочащихся через зашторенные окна, да лучины, висящие под потолком, освещали зал. Несколько высоких столов вдоль стен, возле которых стояли завсегдатаи, барная стойка и множество бочек с пивом. В самом дальнем и темном углу стоял молодой блондин в парусиновой куртке, практически не показывающий носа из кружки. Гарольд решительно направился к нему, по дороге заказав две кружки светлого эля.

— Эй, мореход! — хлопнул он блондина по плечу, угощая собеседника новой порцией спиртного.

Блондин поставил кружку на стол и с раздражением в голосе ответил:

— Я не мореход. Я никогда не был в море.

— Это неважно, по тебе видно, что ты умеешь управляться с ладьей. Как звать тебя?

— Ян Виссер, капитан ладьи "Гидья", — с неохотой ответил парень.

— Хорошая ладья. Была. Я от Максимилиана.

Блондин закрыл глаза, словно вызывая в памяти образ любимого корабля, которого лишился.

— Помянем, — на полном серьезе предложил Гарольд, поднимая кружку с пивом.

— Иди к демонам, — капитан был явно подавлен случившимся.

— Как пожелаешь, — охотник сделал глоток. Пиво на вкус оказалось немногим лучше застоявшейся мочи. — Только сначала отдай мне судовой журнал.

Ян засомневался. В инструкциях, которые дал ему купец, такого не было. Хотя торговец мог нанять этого бродягу ради пушей секретности. Через несколько секунд размышлений парень вытянул из внутреннего кармана куртки небольшую книжицу.

— Вот, здесь всё.

— Молодец, — похвалил его Гарольд, бросая журнал в сумку. — Ну, я пошел, бывай.

— Постой! — блондин удивился. — А как же оплата?

Этого в планах следопыта не значилось.

— Загляни к торгашу завтра на рассвете, Ян Виссер. А теперь бывай.

Тихо радуясь своей удаче, Гарольд оставил недопитый эль на столе и вышел из пивной. Столб дыма уже не был виден, похоже, ладья пошла на дно. А значит, пора наведаться к старому товарищу.

Избегая встречи с патрулями стражи, охотник добрался до пункта назначения. Как и всегда, он дважды постучал, совсем тихонько. Скрипнули засовы, и озадаченное лицо Фриды высунулось из-за двери.

— Проходи скорее, — шепнула она. — Максимилиан ждет, ступай.

— Нет, погоди. Мне твоя помощь нужна, — тоже шепотом ответил следопыт. — Сможешь кое-что прочитать для меня? Только купцу не говори.

— Не сейчас, он тебя ждет.

— Именно сейчас и только сейчас. Пожалуйста.

Девушка неохотно согласилась и проводила Гарольда в каморку под лестницей. Через несколько мгновений вернулась с оплывшей свечкой в руках.

— Показывай, что там тебе нужно.

Охотник достал журнал и пролистал до последних записей. Крайняя была сделана сегодня утром.

— Несколько последних страниц, прошу. Вслух.

Девушка бегло водила пальцем по строчкам, иногда запинаясь на каком-нибудь трудном слове, но прочитала текст довольно быстро. Затем остановилась и спросила:

— Гарольд, что это значит?

— Это значит, сестренка, что наш друг замешан в каком-то очень грязном деле. Но всё лучше, чем я ожидал.

Он вышел из темной каморки и поднялся вверх. Несколько дверей, с виду одинаковых, немного сбили его с толку. Где-то там отдыхал купец. Стучаться во все комнаты подряд Гарольд не решился, и просто крикнул:

— Эй, Макс!

— Сколько раз повторять, не смей меня называть Максом! — голос из-за двери звучал так, словно его хозяин был готов убить любого, кто войдет без спросу.

— Я сделал то, что ты просил! — дружелюбно, насколько это возможно, крикнул

Гарольд.

Через пару мгновений купец появился в коридоре. Одет он был так, словно собирался в дорогу. Прямо сейчас. Он протянул следопыту бумажку с подписью и печатью.

— Вексель на мое имя, обналичишь у любого ростовщика.

Охотник быстро нашел на документе сумму.

— Здесь только половина! — возмутился он.

— Столько, сколько нужно. Вторая половина уже у тебя в мешке, — купец выразительно постучал по плечам арбалета, торчащим из сумки.

Гарольд замялся. Оружие было превосходным, но столько денег ради какого-то самострела... Нет, он бы предпочел звонкую монету.

— Давай тогда разменяем, — он с готовностью вытащил арбалет из сумки и сунул в руки Максимилиану. Следом за арбалетом к торговцу перекочевали болты и новая тетива.

— У меня нет столько денег сейчас, извини, — оружие и боеприпасы вернулись обратно. — Сделка сорвалась, за мной с минуты на минуту может явиться стража, а брать в долг ради такого я не стану.

— Товары ты еще сможешь достать, а стража не знает, чье это было судно. Если матросы не проболтаются.

— Они не проболтаются, — подобрел купец. — Все до одного верны лично мне.

— Однако твой капитан-болван отдал мне судовой журнал, даже не спросив моего имени, — заржал Гарольд.

У купца глаза на лоб полезли от удивления.

— Отдай. Его. Мне, — проговорил он так, словно уже забивал гвозди в крышку гроба охотника.

Тот просто пожал плечами и протянул потрепанную книжку толстяку.

— У меня тут несколько вопросов появилось теперь, — бросил Гарольд. — И вот первый. Кому именно ты продавал оружие?

Раскрасневшийся торговец скрипел зубами от гнева.

— Отвечай, Макс, — следопыт буравил оппонента взглядом.

— Не смей называть меня Максом! Мы уже давно не дети! — брызжа слюной, закричал он.

— Заткнись. Кому именно ты продавал оружие, отвечай.

Торговец злобно посмотрел в глаза охотнику, но вскоре успокоился.

— Мы не называли имён. Но это точно не бандиты. Чтоб я снабжал оружием тех, кто грабит мои же караваны? Я что, похож на слабоумного? Нет, Гарольд, это не бандиты, не тот уровень. Можешь быть спокоен, — толстяк решил открыть все карты.

— Как выглядел заказчик? Кто-то из людей графа? — спросил охотник, перебирая в уме варианты.

— Нет, лица я тоже не видел. Он каждый раз был в капюшоне, — отвечал купец.

У Гарольда начала складываться картина происходящего.

— В черном? И серебряное кольцо на пальце?

— Да, откуда ты знаешь? — удивился толстяк.

— Догадался. Давно ты на них работаешь?

— Уже около года.

— Когда и где ты виделся с заказчиком в последний раз? — Гарольд напал на след и решил выжать всю информацию.

— Вчера, он сюда заходил. Можешь не искать, его уже нет в городе.

— Откуда ты знаешь?

— Он сам мне об этом сказал. Эта сделка должна была стать последней.

Следопыт был подавлен. Враг ускользнул, не оставив и следа.

— Знаешь, друг, я сейчас должен сдать тебя стражникам как одного из участников в заговоре против власти. Не за контрабанду. А за участие в заговоре. Но я этого делать не стану. Ты, кажется, даже понятия не имел, с кем связался. Впрочем, я пока тоже слабо представляю, кто это.

— Власть? Ха! Эта власть только и делает, что сосёт кровь у простого народа. Лучше уж никакой власти, чем такая. Каждый год повышает пошлины, нам, торговцам, приходится повышать цены, а народ злится не на них, а на честного купца!

— Слово "честный" и слово "купец" даже в сказке не могут рядом стоять, — улыбнулся Гарольд. — Будь осторожен, друг. Теперь мне пора на восток.

— Уже уезжаешь? — толстяк удивился. — Зачем?

— Дальше искать этих проклятых заговорщиков. Граф обещал с меня шкуру спустить, если я не найду хоть каких-нибудь новых улик. Или подозреваемых.

Следопыт пару секунд посмотрел в глаза старому другу. Тот молча хлопнул его по плечу.

— Прощай, Макс, — бросил охотник, спускаясь по лестнице. Ответом ему была тишина.

Охотник медленно брёл по торговому ряду. Солнце уже клонилось к западу, и некоторые лавки были закрыты. Но в немногих оставшихся было всё что нужно. Тёплая одежда, новые сапоги, запас вяленого мяса, медикаменты и дорожный посох. Коней Гарольд не любил, и это было взаимно. Путешествовать он старался пешком, делая ставку не на скорость, а на выносливость.

Стражники лениво поглядывали на разношерстную толпу, без особых проблем впуская и выпуская народ через ворота, не забывая брать пошлину с обозников. Гарольд на всякий случай накинул капюшон, пряча лицо в тени, и спокойным шагом прошел мимо охраны. Те не обратили на одинокого путника никакого внимания. Конечно, уходить из города, на ночь глядя, было не лучшей идеей, но выбирать не приходилось. Подонки из "Речного дракона" могли с лёгкостью сдать его страже.

Гарольд, опираясь на палку, уверенно захромал по дороге на юг точно тем же путём, которым шёл несколько дней назад. Следопыт понимал, что до заката он не найдет никакого ночлега, и ему придется ночевать где-нибудь прямо в поле. Не впервой. Под вечер стало зябко, и он поёжился от свежего воздуха, проникающего под одежду. Последние тёплые деньки остались позади, как и город, в котором он эти деньки провёл. Приближалась зима, как обычно, суровая и холодная, и охотник надеялся успеть всё до того, как выпадет снег.

Но пока что самой большой проблемой были раны, не до конца затянувшиеся. Плечо зажило необычайно быстро, покрывшись твердой бурой корочкой, а вот нога давала о себе знать. Заражение не пошло дальше, но рана вела себя ужасно. Почти любое движение отдавалось тупой болью, скребущей прямо по костям. Гарольд знал, что если бы не прижег её тогда, то сейчас валялся бы в беспомощности, проклиная всё на свете. И единственным выходом стало бы лишь одно — отрубить почерневшую и гниющую заживо ногу под корень. Однако этого не случилось, и следопыт благодарил богов за это, одновременно выпрашивая в редких вечерних молитвах скорейшего выздоровления.

Отмеряя шаг за шагом, он размышлял обо всём случившемся. С каждой минутой он всё удалялся от места, в котором мог получить ответы, но возвращаться было уже поздно. Граф приказал на восток — Гарольд идёт на восток. Может быть, под пытками купец и вспомнил бы еще кое-что, но охотник и так узнал достаточно. И был за это весьма благодарен. Поэтому сейчас только и оставалось, что шагать, опираясь на посох. Гонец приближался к городу с востока, и следовало проверить, откуда он мог прийти.

Отчаянные смельчаки, ходившие на восток, каждый раз встречались с воинственными племенами айваров, которые не давали им пройти дальше. Значит, они точно знали что-нибудь о таинственных инициалах, заговоре и пастыре, о котором говорилось в послании. Но была также вероятность, что следопыта просто казнят, едва он задаст первый вопрос. Айвары не славилась гостеприимством.

За такими нехитрыми размышлениями Гарольд не заметил, как начало смеркаться. Он обернулся. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но неизбежно катилось вниз. Густые темные тучи приближались, угрожая накрыть всю землю, от края до края. Охотник нахмурился и немного ускорил шаг. Перспектива ночевать под проливным дождём ему вовсе не нравилась. Вскоре с противным свистом поднялся ветер, заставляя плащ лететь впереди

своего хозяина, путаясь в ногах. Следопыт широким размашистым движением перекинул один край плаща через плечо, закутываясь поплотнее. Первые крупные капли упали на песок, насытив его влагой.

Вслед за первыми каплями полетели следующие. Дождь забарабанил по сухой земле, истосковавшейся по лужам и ручейкам. Гарольд выругался вполголоса и продолжил путь, невзирая на непогоду. Слева и справа от тракта ширились поля, уже убранные. Спать на сырой холодной земле охотник не желал, лучше идти всю ночь, чем проснуться и застудить себе что-нибудь. А дров для костра и лапника на подстилку здесь не найти.

Косые струи дождя лились, словно из ведра. Казалось, кто-то продырявил небосвод и направил все воды бескрайнего океана вниз, на многострадальную землю, пытаясь смыть все грехи её обитателей. На дороге появлялись первые лужи, мокрый песок налипал на сапоги, и шагать становилось всё тяжелее. Словно сама природа хотела остановить Гарольда, неутомимо бредущего на восток.

Наконец, дорога круто повернула налево. Поля постепенно превращались в покосы и просто бесхозные участки. Земля здесь была практически бесплатная, но крестьян не хватало. Немногие отваживались переселиться в Пограничье, туда, где периодически вспыхивали войны, где почти каждый год появлялись кочевники в поисках легкой добычи, где царило беззаконие и дикие нравы. Однако удачливые земледельцы ухитрились снимать по два урожая в год, и здешний чернозем славился на всю империю. Если бы не плодородие, сюда бы вообще никто не поехал.

На одном из покосов Гарольду посчастливилось обнаружить необрунный стог сена. То ли его забыли, то ли оставили специально, это было неважно. Промокшему до нитки следопыту было всё равно, если внутри было хотя бы чуть-чуть суше, чем на улице.

Охотник за головами разворошил уже мокрую траву и забрался внутрь. Сено охотно приняло его в свои мягкие объятия. Гарольд переделся в сухую одежду и устроился поудобнее. Высохшие стебли неприятно кололись сквозь ткань, но следопыт вымотался за сегодня и мгновенно уснул.

Утро встретило его ласковыми лучами осеннего солнышка. Тучи скрылись за горизонтом, но следопыт прекрасно знал, что это ненадолго. Северные ветра приносили влажный морской воздух, который, в свою очередь, приносил проливные дожди. Роса яркими прозрачными бусинами рассыпалась по траве, повсюду виднелись лужи, отражающие бесконечное синее небо.

Мокрая одежда болталась на посохе за плечом Гарольда. После такой стирки не мешало бы просушить всё хорошенько, над костром, однако время поджимало. Чем скорее он доберется до восточных границ, тем больше шансов успеть вернуться в город до зимы. По приблизительным расчетам, он должен встретить патрули айваров примерно через пару недель пути. Если дожди не затянутся надолго.

На ходу пережевывая вяленое мясо, следопыт шагал дальше. Впереди показались поля, а следом за ними деревня, но заходить в неё Гарольд не решился. Он уже был здесь не так давно, и расставание получилось не самым приятным. Лучше избегать мест, в которых живут родственники тех, кого ты убил, пусть и за дело. Больше поблизости деревень не было, и следующая на этом тракте была только за лесом, насколько он помнил.

К обеду Гарольд пришел к старому мосту. Вода журчала всё так же успокаивающе, ивы всё так же клонились к зеркальной поверхности, изредка роняя желтые листья. Пару секунд охотник задержал взгляд на широкой полосе реки и пошел дальше. Река несла свои воды на

север, в бескрайний морозный океан. Природное любопытство жаждало узнать, насколько он далеко, но Гарольд лишь улыбнулся и пошёл дальше. Снова начали сгущаться тучи, и нужно было спешить.

Через несколько часов зарядил дождь, прозрачной стеной окутывая пространство. Холодные капли проникали повсюду, вытягивая драгоценное тепло. Вскоре Гарольд уже стучал зубами в такт своим шагам. Не хватало еще простудиться для полного счастья. Он хоть и привык переносить все тяготы и лишения кочевой жизни, но болеть в пути — не самое приятное, что может случиться. К тому же, раны всё ещё беспокоили.

По бокам от дороги возвышались сосны, бескрайним массивом ширясь от южных степей до непроходимых топей на севере. Изредка лес перемежался речными долинами, в которых и предпочитали селиться крестьяне. Некоторые отщепенцы ставили свои хутора прямо в лесу, на какой-нибудь просторной полянке, предпочитая земледелию какое-нибудь нехитрое ремесло вроде бортничества или охоты. Гарольд втайне надеялся когда-нибудь тоже осесть на хорошем участке и мирно доживать свой век в окружении большого семейства, но как-то не заладилось.

Следопыт сошел с тракта на более-менее сухую обочину. Деревья хоть немного, но защищали от воды. Стволы, которые, кажется, видели зарождение мира, стояли незыблемо, словно каменные менгиры. Хотя охотник понимал, что рано или поздно людская жадность доберется и до них. Он уже был свидетелем, как выжигались целые дубравы лишь для того, чтоб кучка крестьян могла там поселиться. Люди забирали у природы лучшее, только чтоб удовлетворить свои измененные потребности.

Изредка закидывая в рот сухари, Гарольд брёл, не думая ни о чём. Однообразие пейзажа не способствовало мыслительной деятельности, и он просто переставлял ноги, отдыхая от городской суеты. Посох ритмично впечатывался в сырую землю, помогая в ходьбе. На дорогу, совершенно не таясь, выскочил потрепанный заяц, принялся к чему-то, и рванул дальше. Дичь в этих краях всё ещё оставалась непуганой. Охотник пожалел, что идёт дождь, и с арбалетом наготове ходить было вредно для тетивы и металла. Такую игрушку стоило беречь.

Гарольд шёл уже большую часть дня, и жутко хотелось сделать привал. Наконец, обнаружив подходящее место — под раскидистой лиственницей, он присел на влажную землю и вытянул ноги. Усталость опрокинулась на него тяжелой волной, от длинного перехода всё тело гудело, казалось, что встать он больше не сможет, ни сейчас, ни через несколько минут. За сегодня он прошел в два раза больше, чем вчера. Напрягая и расслабляя всё свои мышцы, следопыт прогнал неприятные ощущения, и поднялся, опираясь на длинный посох. Пора идти дальше.

Дождь не прекращался ни ночью, ни следующим днём. Дорога превратилась в грязное месиво, но обочина оставалась вполне пригодной, по сравнению с жидкой земляной кашей тракта. Охотник аккуратно двигался по скользкой хвое, стараясь не упасть лицом в грязь.

Сквозь стену дождя он различил вдалеке очертания телеги. Она одиноко стояла посреди дороги, завязшая по самую ось. Липкая жижа крепко держала её в своих объятиях. Гарольд учуял едкий запах дыма, принесённый ветром с той стороны. Подойдя поближе, он увидел под деревом Кислого, который расслабленно сидел и курил трубку.

— Здорово, старик! — помахал ему Гарольд. Тот лениво махнул рукой в ответ.

Телега стояла без лошади, полупустая. Лишь небольшая кучка товаров, купленных в городе, лежала, прикрытая старой рогожей. Похоже, горшечник удачно поторговался.

— Куда лошадку девал? — поинтересовался следопыт.

— Распряг и в деревню отпустил, она тут сама дойдёт, недалече уже, — мужик пустил небольшое колечко дыма. — А ты куда путь держишь?

— На восток, — расплывчато ответил Гарольд.

— Не пройдешь, — отмахнулся Кислый. — Там дальше дорога еще хуже.

— Так я лесом, тут нормально.

Старик заржал.

— Ты этот лес поперву посади и вырасти, чтоб там ходить! — он радовался нелепой шутке, словно ребенок новой игрушке. — Деревня там наша, да речка, лес весь уж лет тридцать как повырубали. С обоих берегов. Не бывал, что ли?

Охотник мотнул головой. Так далеко на восток он еще не заходил. И о здешних дорогах знал только по немногочисленным слухам. Надо было расспросить старика, когда они ехали вместе в Мариград, но уже поздно.

— Слушай, Гарольд! — обратился к нему гончар. — Подсоби вещички в деревню унести? Я тут мужиков жду, да что-то не дождусь никак. Мне одному не утащить будет, старый уже.

Следопыт оценил размеры кучки товаров. Вдвоем — совсем не проблема.

— А что там у тебя?

— Да так, немного того, немного сего. Чего в деревне не хватает, то и везу.

— Ну, скидывай сюда что влезет, — Гарольд перепрыгнул на телегу и открыл свой мешок.

Дед с необычайной прыткостью влез следом за ним, откинул рогожу и принялся скидывать наиболее мелкие товары. В сумку перекачевали наборы игл, небольшой мешочек соли, моток веревки, и прочая дребедень. Остальное старик завернул в рогожу и взял на руки. Гарольду он сунул небольшой бочонок дешевого вина, строго приказывая не ронять ни в коем случае. Тот просто пожал плечами и спрыгнул на обочину.

— Пошли, телегу тут никто не сопрёт, — уверенно бросил старик и бодренько отправился в сторону дома.

Гарольд молча последовал за ним. Бочонок постоянно норовил выскользнуть из мокрых ладоней, и следопыт нервно усмехнулся. Вылавливать из грязи чужое вино ему не очень-то хотелось.

Меньше, чем через час, лес начал редеть, и вскоре за опушкой показалась деревня, стоявшая на берегу широкой реки. Синяя лента прорезала землю с севера на юг и сейчас разлилась, затопив несколько домов, стоявших слишком близко.

— Вот, родина моя! Сосновка! — с гордостью воскликнул Кислый, отбрасывая комок грязи с сапога. Лес кончился, и идти уже приходилось непосредственно по раскисшей дороге.

— О, боги, как оригинально, — вполголоса пробормотал охотник. Старик, похоже, не услышал обидного высказывания. Или просто не подал виду.

Пара десятков избушек стояли небольшими кучками. За рекой виднелись несколько обширных полей, вдалеке темным пятном снова начинался лес. Деревянный мост был затоплен паводком, и из воды торчали только покосившиеся перила. Капли дождя глухо барабанили по крышам, покрытым дранкой.

Путники пробирались сквозь чавкающую глинистую жижу к одному из домов, к неудовольствию Гарольда, самому дальнему. Рядом с хатой стояли несколько пристроек, в

которых следопыт распознал курятник, баню и гончарную мастерскую, из которой доносился мерный шелест вращаемого круга.

Старик тоже услышал до боли знакомый звук и расплылся в довольной улыбке.

— Сынок работает, — с важностью молвил он.

Кислый отбил куски грязи о порог и прошёл в тёмные сени. Гарольд, недолго думая, сделал то же самое. В полумраке под потолком висели несколько веников, откуда-то из тьмы сверкала глазами кошка. Разнообразное нагромождение всяческого барахла показывало, что старик был всего лишь обыкновенным жадным крестьянином.

Пройдя вслед за гончаром в хату, следопыт поставил бочонок на лавку и осмотрелся. Типичное жилище крестьянина — маленькое окно, большая печь, полати, стол, несколько лавок. Над окном висело несколько связок чеснока, предохраняя от всякой нечисти. Небольшой проем в другую комнату. Худая долговязая баба с ухватом в руках крутилась около печи, доставая чугушки с чем-то ароматным. Старик тоже бросил свою ношу на лавку.

— А ну, жена, пожрать готово уже? — недовольным голосом спросил он. Странно, подумал Гарольд, если это первое, что спрашивает муж после долгой разлуки.

Баба, не говоря ни слова, поставила горшок ячменной каши на стол, затем швырнула следом деревянную ложку. Блюдо выглядело аппетитным, но подобное поведение крестьянки слегка удивило охотника. Кислый с нетерпением уселся за стол и махнул рукой следопыту, приглашая присоединиться к трапезе. Тот не заставил себя долго ждать. От долгой дороги брюхо приглушённо ворчало.

На печи раздался долгий залиvistый кашель. Крестьянка положила ухват и поспешила к лежанке. Кислый равнодушно оглянулся и продолжил с громким чавканьем и сопением хлебать кашу. Следопыт с интересом смотрел, что происходит. Женщина достала откуда-то крынку, и начала переливать светло-зеленый отвар в небольшой ковшик. Запахло полынью. Старик поморщился и раздраженно сказал:

— Да не мучай дитя, не жилец она. Проще в лес её увести. Пятерых схоронили, шестая будет.

Крестьянка с ненавистью взглянула на мужика и молча продолжила своё дело. Гарольд нахмурился. Жить или умереть невинному ребёнку — решать не сиволапому гончару.

Мокрая одежда липла к телу, но переодеваться следопыт пока не решился. Кто знает, может быть, Кислый прогонит его сразу после обеда. Сожрав не меньше половины горшка, гончар отложил ложку в сторону и сыто рыгнул.

— Ну что, друг Гарольд, что делать дальше будешь? — спросил он, опершись локтями на грязный стол, усеянный крошками и крупинками каши.

— Не решил пока, — ответил следопыт, поглощая варёный ячмень. Не самая вкусная еда, но он был благодарен и за это.

— Оставайся у меня, пока грязь не сойдет? В работе поможешь, — неожиданно предложил гончар.

— Я горшки крутить не обучен.

— Та не, их нынче сынок лепит, а мы с тобой крышу починим, да сарай поднять надо, дрова перекидать, — показал старик на влажное пятно в дальнем углу потолка. — За харчи не беспокойся, год нынче урожайный вышел. А на восток дороги всё равно нет, грязюка, да мост затопило. Тебе либо назад вертаться, либо ждать. Окромя меня — никто тебя не приютит. Не любят тут чужаков.

Гарольд почесал коротко стриженую голову. Крестьянин прав, придётся ждать. Даже

если найдется лодка, то за рекой вся дорога превратилась в одно большое болото.

— Ну, если так, то останусь ненадолго, — пожал он плечами.

Женщина только фыркнула, размешивая в отваре какой-то порошок. Затем полезла с ковшиком на печь. Через некоторое время оттуда раздалось приглушенное хлюпанье.

— Кто там? — шепнул Гарольд старику.

— Дочка младшая, — так же, шепотом ответил крестьянин. — Третью неделю чахоткой мучается, всё бесполезно. Ни от знахарки никакого проку, ни от травы ейной. Жена, вон, выхаживает, а без толку, — махнул рукой Кислый, пока жена не видит.

Охотник только хмыкнул в ответ. Ранения врачевать он умел, жизнь научила. А вот с хворью помочь никак не мог. Да и какой от него толк, если даже знахарка не справилась.

Гарольд быстро переоделся в более-менее сухую одежду. Влажные тряпки он расправил и разложил на печи, по ходу взглянув на больную девочку. Она лежала на теплой соломенной лежанке, закутанная в толстое одеяло. Бледная, беспомощная. Было заметно, что жизнь едва тлеет в ней маленьким тусклым огоньком, постепенно покидая немощное тельце. Девочка шепотом бредила, совершенно неразборчиво. Компресс с душистыми луговыми травами сполз набок. Охотник аккуратно поправил его.

— Выздоровливай, дитя, — шепнул он, и слез с печки.

Крестьянка, подметавшая пол, недовольно зыркнула на Гарольда. Тот пожал плечами и скользнул в сени.

На улице, как обычно, лился дождь. В большой луже довольно чистил пёрышки тощий гусак. При виде незнакомца он захлопал крыльями и зашипел, но тот, не обращая никакого внимания, прошел в мастерскую.

Мерно шелестел круг, приводимый в движение ногами молодого гончара. Жиденькие усы и козлиная борода создавали отталкивающее впечатление. Мягкая глина податливо изгибалась под жилистыми руками, превращаясь в кувшин причудливой формы. Кислый стоял рядом и строго наблюдал за работой. В углу, в небольшой печке, весело потрескивали дрова.

— Лукашом меня звать, — неожиданно густым басом представился долговязый гончар, не прекращая придавать всем изгибам правильную форму.

— Гарольд, — скупое ответил охотник.

— У нас поживёт, — вставил старик. — Сарай подыдем, дров нарубим. А то тут кое-кому некогда.

Парень кивнул, не отрывая взгляда от глины.

До самой ночи дождь не прекратился, и они весь вечер сидели за столом с бочонком душистой медовухи. Вино, как понял Гарольд, старик берёт для лучших времён и лучших гостей. Жену гончара звали Богумилой, и она за весь вечер проронила буквально несколько слов. Следопыт так и не понял, была это обида на мужа или природная молчаливость. Кислый травил нехитрые крестьянские байки про нечисть, переселение и про то, как его обучал батя, постоянно делая акцент на том, что своего сына он учит гораздо мягче и гуманней. Лукаш молча кивал, прихлёбывая медовуху. Следопыт охотно мотал на ус всю информацию, что выкладывал старый гончар.

Что раньше всем крестьянам приходилось тяжелее, ибо каждое лето сюда приходили кочевые племена, требуя дань; что на восток приходилось переселяться против своей воли, по приказу императора, который жаждал новых земель; что раньше поля были меньше, а урожаи — богаче, трава зеленее и воздух слаще. Всё это Гарольд слышал и так, от разных

людей, в разных версиях, но никогда не мешает послушать новую старую историю.

Сам охотник тоже поделился парочкой рассказов из жизни, не вдаваясь в подробности. Некоторые детали не следует рассказывать без особой необходимости. Например, те, которые повествуют о жестоких пытках и убийствах. Не раз и не два приходилось поджаривать пятки несговорчивым грабителям. Про количество выпущенных кишок и вовсе нечего было сказать. Гарольд сбился со счёта уже давным-давно.

Медовуха постепенно давала по мозгам, и Лукаш всё больше пьянел. Молодой парень явно не привык к алкоголю, и вскоре уже вещал заплетающимся языком:

— А ты... Вот я ты не понимаю... Ходишь тут, значит, вынюхиваешь... Следопыт, етить тебя через весло! Никак на нас, честных трудяг, ищешь чего... А вот дулю тебе, говнюк! Выкуси! — гончар сложил нехитрую фигуру из пальцев и помахал перед носом Гарольда. — Шавка княжья... Только и можете, что на нас наживаться... Из-за тебя Агнешка болеет! — полёт пьяной мысли совершенно поражал следопыта.

— Заткнись, болван, никаким князьям не служил и не служу, — он спокойно отвечал пьяному. Кислый же только и мог, что кивать на каждую реплику, опустив голову к столу. Похоже, стойкость к алкоголю у них одна на двоих.

— Ты! Вот ты! — покрасневшийся парень махнул рукой прямо возле лица Гарольда. Тот поморщился и нервно засмеялся. — Ты, мордovorot! Ваши вот ехали давеча, да Агнешку в речку спихнули с моста!

— Да какие наши, придурок. Нет никаких наших, не служу я никому. Сам за себя, — охотник уже начинал немного злиться на пьяного дурака.

— Ваши! На конях все, вшестером! Агнешку в реку кинули да соседу-кузнецу палец сломали! Подати им подавай, ишь, баре! — Лукаш закончил гневную тираду и раскатисто рыгнул.

— У меня даже осла нет, какой ещё конь. Не нужны мне ваши подати, успокойся уже. Из соседней комнатки вышла крестьянка и цепко схватила сына за ухо.

— Спать иди, сосунок! Все идите! — увесистый подзатыльник, казалось, выбил весь хмель из напуганного парня. Он прижал голову и шустро полез на полати.

— А ты тут, на лавке ложись, — спокойным бархатным голосом сказала женщина. Гарольд коротко кивнул и, не раздеваясь, улегся на лавку. Богумила отвесила еще один подзатыльник, на этот раз мужу, и потащила его в горницу, отсыпаться. Завтра предстояло немного поработать.

Утро выдалось беспокойным. Похмельные стоны сверху, непрерывный сухой кашель с печки, грохот посуды создавали плотную стену шума, которая как рукой сняла всю сонливость. Маленькое оконце, затянутое бычьим пузырьём, не пропускало ни одного лучика, но под потолком уже всюю коптели сосновые щепочки. Из тёмного зева печи, словно из жерла вулкана, на стену отсвечивали красные всполохи. Сухо потрескивали дрова, превращаясь в горячие угли, столь нужные для приготовления пищи.

С полатей, едва не свалившись, сполз Лукаш, который как упырь, алчущий крови, присосался к ковшику с холодной водой. У следопыта тоже голова гудела, как после хорошего удара, но выглядел он не настолько жалко. Из комнатки на трясущихся ногах вышел старик и тоже набросился на воду. Медовуха, похоже, была крепче, чем все ожидали.

Похмелье отступало неохотно. Свежие кислые щи и водные процедуры из бочки на улице помогли, но без особых успехов. Молодой гончар хмуро смотрел на трясущиеся руки. Такими руками не слепить даже простейшего блюдечка.

Гарольд вышел во двор, мечтая лишь о двух вещах — избавиться от похмелья и поскорее убраться из этой дереvушки. Небо, густо раскрашенное в многочисленные оттенки серого, разродилось еще одним дождём, уменьшая и без того призрачные шансы добраться к айварам до первого снега. За рекой светлым пятном всходило солнце, укутанное в серую облачную шаль.

В сторону избы шла старушка, опираясь на узловатую клюку. Через плечо у неё висела холщовая сумка, в которой, судя по всему, лежали лечебные травы, припарки и эликсиры. Знахарка проковыляла мимо следопыта, совершенно не обратив на него внимания. Тот еще немного постоял под дождём, умылся из бочки и вернулся в хату.

Лежанку с девочкой перенесли вниз, на широкую лавку. Агнешка невидящими глазами смотрела куда-то вверх, в потолок. Вся семья собралась вокруг лавки, наблюдая за работой знахарки. Богумила украдкой вытирала слёзы, старый гончар лишь хмыкал иногда и покашливал. Охотник встал чуть поодаль, в дверях, и равнодушно смотрел на магические пассы и заклинания. Старуха бормотала свои чудодейственные слова, беспрестанно перебирала волшебные амулеты и обереги, прикладывала припарки к бледной коже. Девочка лишь кашляла и задыхалась, не обращая внимания на все ритуалы.

— Видать, боги её зовут, коли я дозваться не могу. А она им сопротивляется, сильная, — оправдывала свои неудачи знахарка. — Токмо если заместо её кто пойдёт... Тогда поправится.

Мать заплакала уже открыто, навзрыд, мужики нахмурились ещё сильнее. Взгляд молодого гончара наткнулся на Гарольда, который стоял у двери, сложив руки.

— Он пойдёт! — выпалил парень, пальцем указывая на вчерашнего собутыльника. — Он, мразь такая, Агнешку сглазил!

Старуха перевела бесцветный, ничего не выражающий взгляд на Гарольда.

— Ещё одно слово, и к богам отправишься ты. И не вместо девчонки, а сам по себе, собирая по дороге кишки, — процедил тот.

Девочка протяжно, с надрывом, закашлялась. При каждом вдохе и выдохе из её лёгких были слышны хрипы и свисты, как у загнанной лошади. Лукаш попытался броситься с кулаками на охотника, но через несколько секунд уже сидел в дальнем углу, аккуратно ощупывая челюсть. Несколько зубов он недосчитался.

Знахарка еще раз внимательно посмотрела на Гарольда.

— Вертайся-ка ты лучше взад, сынок... — вздохнула она, глядя бесцветными глазами на следопыта. Антрацитово-черные зрачки притягивали его настолько, что вся остальная комната исчезла из поля зрения. — Не принесёт добра тебе твоя служба...

— Я должен, — ответил Гарольд севшим голосом. В магию и нечисть он не верил, но предсказания знахарки всё равно отпечатались в памяти.

Старуха только покачала седой головой, и снова принялась бормотать заклинания для изгнания хвори. Богумила прекратила рыдания и совершенно спокойным, ровным голосом сказала:

— Я пойду.

Знахарка коротко кивнула и жестом попросила всех удалиться. Старик с ужасом посмотрел жене в глаза, ничего не выражавшие.

— Но, Милочка, ягодка... Не надо... — принялся умолять Кислый.

— Пошёл вон, — спокойно ответила крестьянка, не допуская возражений.

Мужики понуро сидели на завалинке, не обращая внимания на дождь. Гарольд

упражнялся с мечом чуть поодаль, танцуя на досках, переброшенных через лужи. Пируэты и короткие выпады рассекали падающие капли, стальной клинок жужжал в воздухе как стайка шмелей. Лукаш с опаской глядел на замысловатые движения, исполненные мастерства.

— Ты тута железякой своей не маши, не напугашь... — буркнул он, явно нарываясь на ещё один конфликт.

Но Гарольд не обращал внимания на деревенщину, продолжая сосредоточенно повторять боевой танец. Сырые доски скользили под ногами, но охотник, невзирая на боль в раненом бедре, ловко переступал с одной на другую.

Солнце карабкалось к зениту, и ровно в полдень из сеней вышла знахарка, вытирая об подол окровавленные руки. Не говоря ни слова, прошла к бочке с водой, умыла изрезанное морщинами лицо и тяжело вздохнула.

— Не спасла...

Оба мужика ошарашено смотрели на старуху. Первым не выдержал Лукаш. Он весь затрясся, укрыл лицо ладонями и горько зарыдал. Кислый смотрел в пустоту еще несколько мгновений.

— Обе? — глухо спросил он.

Знахарка вздохнула ещё тяжелее. По щеке гончара пробежала одинокая мужская слеза. Гарольд с мрачным видом вложил меч в ножны на поясе. Дождь продолжал барабанить по крышам, оплакивая усопших.

Тяжелое молчание опустилось на подворье гончара, прерываемое лишь шумом дождя и редкими всхлипами Лукаша. Старуха вернулась в хату, через несколько минут вышла с сумкой на плече и спешно заковыляла прочь. Молодой парень злобно плюнул ей вслед. Кислый равнодушно посмотрел на него.

— Она сделала всё, что смогла, — запинаясь, проговорил он, скорее утешая себя, чем сына.

— Да будь она проклята, — размазывая по небритым щекам слёзы, просипел тот. — Мамку убила, Агнешку не спасла... Будь она проклята...

Лукаш встал и, шмыгая носом, пошёл в избу. Старик вздохнул и заковылял следом. Казалось, за эти полчаса он постарел больше, чем за предыдущие тридцать лет. Гарольд чувствовал себя невероятно неуютно. Быть гостем в доме, и стать свидетелем смерти хозяйки дома — врагу не пожелаешь. Но уйти прямо сейчас он не мог никак. Дождь всё не прекращался, мост всё больше погружался в воду, а дорога всё больше раскисала. Следопыт нехотя отправился внутрь.

Войдя в избу, он наткнулся на Кислого с сыном, столбом стоящих в дверях. Поистине, даже у выдавшего виды следопыта волосы зашевелились на голове. На лавке лежало бездыханное тело девочки. Обнажённое, бледное, раскрашенное узорами запёкшейся крови. Бурые линии складывались в завитушки, древние слова и пиктограммы, от взгляда на которых желудок подступал к горлу. На полу распростерлось тело Богумилы. Она послужила палитрой для этой демонической живописи. Тело было обескровлено, но на нём не было ни единой раны. Высохшая кожа превратилась в пергамент, а открытые глаза замерли в выражении ужаса. Женщина выглядела так, словно кто-то за одно мгновение высосал всю её жизнь, превратив её в скелет, обтянутый кожей.

Оба крестьянина, толкаясь в дверях, выбежали из хаты. Судя по звукам, они избавлялись от завтрака. Гарольд, зажав рот и нос, последовал за ними. Мужики блевали, давясь слезами и хрипя от ненависти. Блевать уже было нечем, но желудки выворачивало от одного только

воспоминания о том, как именно умерли их родные. Следопыт понял, что до конца дней не забудет этой картины.

— Я... убью... её... — сквозь слёзы хрипел Лукаш.

Гарольд с тихим шелестом обнажил меч.

— Покажи мне, где она живёт.

Гончар указал на невзрачную покосившуюся хатку, покрытую соломенной крышей.

Охотник кивнул и неспешно отправился к ней.

Грязь хлюпала под ногами, засасывая в себя, словно не пуская к цели. Ветер неожиданно жестко ударил в лицо внезапным порывом. Казалось, сама природа не хотела, чтоб ведьма была мертва.

Уже через несколько минут Гарольд стоял у нужного порога. Низенькая дверь угрюмо щерилась подгнившими досками. Дождь застучал всё сильнее, косые струи били по лицу, словно плеть. Гарольд дёрнул за дверную ручку и вошёл.

— На смерть идёшь, сынок, — старуха стояла спиной к двери, копошась в своей сумке. Освещённая несколькими свечками, она отбрасывала жуткую тень сразу на несколько стен. Потолок был увешан всевозможными травами и кореньями, резко пахло кровью и чем-то терпко-сладким.

— Такие как ты — не должны жить, — процедил охотник, готовясь к решающему удару.

— Она сама хотела заместо дочери помереть. Не успела я, дитё раньше преставилось, — голос ведьмы, казалось, раздавался со всех сторон сразу.

Резкий порыв ветра с силой захлопнул дверь. Тени сгустились, расползаясь по стенам. Старуха обернулась и посмотрела Гарольду прямо в глаза.

Черные зрачки затягивали, словно в водоворот. Охотник чувствовал, как сгущается тьма вокруг него. Голос ведьмы звучал у него в голове.

"Уходи, пока можешь, сынок... Тебя не должно быть здесь, в этом краю... Бедой окончится твое путешествие... Брось меч, уходи..."

Последние слова вывели охотника из ступора. Призывы бросить меч он слышал тысячу раз, и выработал привычку лишь сильнее сжимать рукоять и бросаться в атаку. Старуха в ужасе отпрянула, но деваться было некуда, мощный выпад проткнул её насквозь. Гарольд, не отрываясь, смотрел в угасающие бесцветные глаза знахарки. Они не выражали ничего, кроме животного страха.

Он очнулся через несколько минут, когда ведьма ушла к богам или демонам, следом за своими жертвами. Гарольд с отвращением вытер клинок и вышел, напоследок запалив избу. Дождь превратился в мелкую противную морось, и влажные брёвна дома громко трещали, когда их лизало пламя. Когда обвалилась крыша, охотник протиснулся сквозь толпу зевак и отправился к Кислому.

Старик сидел на завалинке, невидящими глазами глядя в пустоту. Охотник присел рядом.

— Всё, — уставшим голосом произнёс Гарольд.

Гончар кивнул.

— Я пойду, наверное.

Гончар снова кивнул.

— Сейчас, заберу сумку с посохом.

Гончар кивнул в третий раз. Следопыт, зажав рот и нос, прошёл в сени. Там сидел Лукаш в обнимку с бочонком вина. Пройдя в хату и стараясь не смотреть на трупы, он забрал

свои вещи и вышел на свежий воздух. Его мутило, желудок то и дело подкатывал вверх, к глотке, но Гарольд терпеливо сдерживал позывы. Старик так и сидел на завалинке, не меняя позы.

— Прощай, Кислый, — глухо пробормотал следопыт.

Гончар кивнул.

Над воротами города висел щит. Белый конь на красном поле. Путник в чёрной рясе усмехнулся. Еще чуть-чуть, и этот герб сотрётся из памяти жителей этого края. Будут помнить его лишь те, кто будет править. Каждый день они, лучшие из лучших, прибывали сюда, в одинаковых чёрных плащах, а стража даже ничего не заподозрила. Вот и сейчас они следили только за конными, прикидывая, сколько денег можно затребовать за лошадь, и сколько можно утаить для себя, в обход графской казны. Ничтожные болваны. Мужчина натянул капюшон и спокойно прошёл в ворота. Бездельники в красных геральдических плащах-сюрко даже не обратили внимания на очередного пешехода.

Пройдя внутрь города, он осмотрелся. Улица, мощенная булыжниками, оружием толпы, была запружена разномастными горожанами: купцами, ремесленниками, нищими, и прочим рабочим людом. Уличные торговки наперебой предлагали своё барахло, попрошайки укрывались от дождя вдоль стен, патрули охраняли спокойствие, выискивая карманников и рабителей. Скоро всё здесь изменится, и мужчина в чёрной рясе страстно желал этого.

Он уверенно шагал по мостовой, словно тысячу раз проходил этим путём. Но нет, в этом городе он впервые, и лишь чёткие указания владыки вели его. Поворот направо у кожаной лавки, затем прямо до двухэтажного дома с балконом, налево, снова прямо, пока не выйдешь на малую набережную, переправиться через реку. В лодке сидел тщедушный мужичок, нахохлившись, словно воробей. Дождь лился одним большим потоком, и лодочник постоянно отряхивал и приглаживал мокрые волосы.

— Почём возишь? — приятным голосом с небольшой хрипотцой спросил путник.

— По три медяка, с грузом по пять, — привычно ответил паромщик.

Путник бросил ему несколько монеток и полез в лодку.

— Морозная нынче зима будет... — протянул мужик, словно разговаривая сам с собой. — Вон какая жара стояла, и так льёт...

— А почему у вас мост не построят здесь? — поинтересовался странник, не слушая причитания о плохой погоде.

— Мост? Дык ведь по мосту ходить — пошлину не поставишь. А так я вожу — два грошика себе, один — графу.

Путник лишь хмыкнул.

— А зимой?

— Зимой по льду ходят все, а я так, с хлеба на воду перебиваюсь.

Мужчина покачал головой. Очередная несправедливость, которых в этом проклятом городке хватало с лихвой. И он был обязан с этим разобраться. Сама судьба направляла его.

Причालив, он выбрался на берег и крикнул лодочнику вслед:

— Ничего, скоро будет лучше!

Странник пошел окольными путями, мимо одинаковых складов и рыбацких лачуг. Нищие дети бегали друг за другом, играя в салочки. Даже здесь, в таком мрачном месте они могли радоваться. Юные и невинные, в будущем они лишатся такой возможности, но только если его миссия потерпит неудачу. Он должен исправить этот мир.

Один из невзрачных складов выделялся небольшим белым крестиком на воротах. Метка, оставленная специально для них. Здесь начнётся битва за новый порядок, здесь возгорится пламя, в котором сгорит старый мир, полный скорби и несчастий.

Путник толкнул небольшую дверцу в воротах и шагнул вперёд, в темноту. Пахло дёгтем и маслом. В центре горела небольшая лампадка, освещающая круг из таких же чёрных фигур, собравшихся здесь, под завесой тайны. Осторожно пробравшись мимо бочек, он занял свое место в круге.

— Ну что ж, теперь все в сборе, — раздалось по правую руку от него. Странник узнал этот дребезжащий скрипучий голос, похожий на звуки расстроенной виолончели. Пастырь, их друг и наставник.

— Братья, время пришло. Пора исполнить назначенное. Все вы знаете, что делать. Оружие доставлено и ждёт своего часа.

— Без сожалений! — синхронно ответили остальные.

— Без сожалений, — отозвался Пастырь.

Собравшиеся по одному стали покидать тёмный затхлый склад. Когда настала очередь странника, один из соратников тронул его за плечо.

— Помни, на тебе лежит вся ответственность. Без сожалений.

— Без сожалений, брат.

Ему предстояло выполнить самую важную часть. И если всем остальным оружие нужно было только для того, чтоб защитить себя в случае нападений, то ему придется убивать. Но ради великого дела — не грех. Он был готов убить каждого в этом городишке, если это хоть на йоту приблизит их к заветной цели. Мир без насилия и вранья, счастливая земля, изобильная и щедрая. Справедливое правление самых лучших, самых честных и правильных представителей своего народа. Праведная цель, за которую стоило бы убивать.

Мужчина поменял свою чёрную рясу на традиционный наряд стражника. Кольчуга с короткими рукавами, островерхий шлем, красный сюркот, опоясанный широким ремнём, на котором болтались ножны. Он покрутил в руках короткий меч. Не слишком удобная рукоять, но драться ему не придётся. Он опустил забрало и пошёл к реке.

Молча сунув лодочнику деньги, мужчина сел на скамейку и терпеливо ждал, пока лодка коснётся причала.

На площади уже собирался народ. Пастырь, в своей чёрной рясе, забрался на эшафот и громогласно вещал о несправедливостях, которые творятся в мире. Горожане лениво слушали проповедь, однако, без особого интереса. Новоиспечённый стражник хотел было остановиться и послушать, но он должен был исполнить свой долг.

Пройдя в ворота замка, он мысленно отметил безалаберность стражи. Хотя, чему уж тут удивляться. Когда он станет править — все будет иначе. С другой стороны, зачем останавливать и проверять очередного стражника, возвращающегося из одиночного патруля. Мужчина хмыкнул и прошел в небольшую дверцу, ведущую к лестнице в донжон. В коридоре от дождя прятались трое гвардейцев, которых тут по плану быть не должно. По спине холодным табуном пробежались мурашки. В гвардии был всего один верный им человек, и в это время он дежурил возле графских покоев.

Гвардейцы только рассмеялись, когда он на трясущихся ногах прошел мимо.

— Видать, они там все такие слабенюкие, как капитан ихний! Говорят, он на коленях умолял ему жизнь оставить, — услышал он вслед.

Наглая ложь, подумал парень. Капитан никогда бы не опустился на колени. Кто угодно, только не он.

Дорогу он помнил назубок, хоть и никогда не ходил здесь. Пастырь заставил выучить буквально каждый кирпич в каждом коридоре, и, казалось, теперь он знал этот замок лучше,

чем некоторые из обитателей. Гвардеец у дверей стоял, словно каменный, не обратив никакого внимания на простого стражника. Мужчина тенью скользнул в покои Хуго, могущественного владыки этих земель.

Граф возлежал на широкой кровати с балдахином, и, судя по ритмичным стонам, возлежал не один. Ещё одна помеха. Хуго недовольно рявкнул, не отрываясь от увлекательного процесса:

— Пошёл вон!

Жалкий червяк. Он даже не понимает, что происходит.

К удивлению графа, стражник не выбежал, сверкая пятками, а наоборот, приблизился к кровати. В полумраке блеснул короткий меч, и двумя быстрыми ударами прервал жизни феодала и его любовницы. Последним, что они услышали, были два слова, прорезавших наступившую тишину. Без сожалений.

Пастырь внимательно осматривал толпу, всё прибывавшую на площадь. Верные соратники стогнали её со всех концов города, чтобы как можно больше людей узнали шокирующую новость. Тут и там он замечал своих людей, старательно направляющих народ, как баранов на бойню.

— Братья и сёстры! — вещал Пастырь, воздев руки к небу. Голос его завораживал и вводил в транс. — Чёрные вести я вижу в будущем! Вижу, как наш владыка и защитник, граф Хуго, пирует вместе со старыми друзьями! Я вижу его рядом с отцом и братом! Воистину, чёрные вести!

Из окна графской спальни взметнулся красный плащ и полетел на воздушных потоках. Пора.

— Он мёртв! Я вижу это, как вижу вас всех!

Толпа охнула, кто-то недоверчиво смотрел на старика в чёрной рясе, где-то заплакал ребёнок.

— Ты лжёшь! — раздался крик из толпы, через несколько секунд сменившийся тихим стоном.

— И нет достойного наследника у нашего владыки! — Пастырь не обращал внимания на крики. Верные люди вовремя пресекали любые попытки прервать монолог. — Нет! И лишь народ Мариграда достоин править этой землёй! Славься, Мариград! Славься!

— Слава! Слава! Слава! — грянули несколько десятков посвящённых.

— Слава! Слава! Слава! — подхватила толпа, сначала неуверенно, а затем перекричав даже провокаторов.

Стража, как ни странно, не обращала внимания на происходящее. По большому счёту, им было плевать, кому служить.

— Мы изберём несколько лучших, чтоб создать совет! Священный совет, чья власть нерушима будет! Во веки веков! — старик повёл рукой, показывая на город.

Максимиллиан, стоявший в первых рядах, попытался пройти наверх, как один из самых уважаемых купцов, но почувствовал холодную сталь, грозившую воткнуться ему в почку.

— Не шевелись, — прошипел кто-то сзади.

На спине выступил холодный пот. Похоже, он стал свидетелем государственного переворота. Из толпы стали выходить люди, которых он видел вообще впервые. Толстяк отчаянно искал глазами стражников, гвардейцев, солдат, хоть кого-нибудь. Но кроме горожан и разномастных незнакомцев в похожих странных одеяниях — никого не было.

— Вот они! Девять новых владык! Слава им! Слава Мариграду! — кричал старик не

эшафоте, распалая толпу.

— Слава! Слава! Слава! — рывкнули луженые глотки.

— Слава! Слава! Слава! — вторили им горожане, не совсем соображая, что происходит.

Пастырь оглядел собравшихся. Все они были верными соратниками, долгие годы исправно служившими ради общего блага. Вот и теперь им предстояло послужить на благо этого города. Некоторые из них, например, Мельник, Пивовар и Лоцман, никогда здесь не бывали, но постарались не хуже других, поэтому вошли в первую девятку. Долгие годы они планировали этот переворот, и теперь настало время пожинать плоды. Жаль, что так глупо погибли Капитан и Сокольник. Они бы совершенно точно стали первыми среди лучших.

Труп феодала лежал на шёлковых простынях, в обнимку с неизвестной девушкой. Он не хотел лишних смертей, но было сказано не оставлять свидетелей, и ему пришлось подчиниться. Обнажённые тела сплелись в неестественной позе, и это оказалось не самым приятным зрелищем. Предстояло выполнить последнюю часть задания.

Молодой мужчина собрался с духом и размахнулся посильнее. Раздался мерзкий скрежет стали о кость, брызнула кровь, ещё не свернувшаяся. С первого удара голову отрубить не получилось, и ему пришлось ударить ещё. И ещё.

Кровь была повсюду. Капала с балдахина, бордовой лужицей растекалась по паркету, пропитывала мягкую перину. Обезглавленное тело, ещё тёплое, истекало и сочилось водой жизни. Парень стоял, пошатываясь. Его мутило, но такова судьба, и он с радостью исполнил её. В левой руке он держал голову Хуго.

Гвардеец проводил его на площадь через один из многочисленных потайных ходов. Эта часть плана казалась ему совершенно глупой и ненужной, но перечить наставнику он не осмеливался. Выйдя из ниши в стене, он пошёл в сторону эшафота, держа в руках отрубленную голову.

Толпа обомлела. Ужас, подобно туману, окутал собравшийся народ. И лишь истошный крик Пастыря вывел всех из ступора.

— Убийца! Держите убийцу! Повесить!

Гарольд стоял на берегу, рискуя свалиться в реку. Дождь так и не прекращался, и берег превратился в грязную кашу, тут и там прорезаемый множеством ручейков. Мост едва виднелся из-под воды, лишь косые перила торчали, словно две толстых змеи. Остаться в деревне не хотелось, придётся превозмогать лишения и двигаться дальше.

В стороне от деревни, чуть выше по течению, стояла хибарка, старая и покосившаяся. Под навесом лежала перевёрнутая лодка-долблёнка, на воткнутых прямо в землю палках висел невод.

Следопыт постучал в дверь. С тихим скрипом она отворилась, и из избушки выглянул мужик. Лицо его, изрытое оспинами, при виде Гарольда скривилось как от зубной боли, но захлопнуть дверь перед носом рыбак не посмел.

— Чего хотел, бродяга? — мужик всем своим видом источал презрение и желание поскорей избавиться от непрошеного гостя.

— На тот берег уплыть, да поскорее, — миролюбиво ответил Гарольд, не обращая внимания на недовольную харю рыбака.

— Нешто с печки брякнулся? Али лодку где увидел у берега? Вода уйдёт, так сразу лёд встанет, жди. Завсегда после святого Вонифатия лёд встаёт, — рыбак жестами, словно дурачку, объяснял каждое своё слово.

— Да хоть после самого Уллейна, перевези только. Деньги тебе не лишние, я думаю.

Мужик задумчиво поскрёб по щетинистому подбородку.

— Пять грошиков за тебя, и три за поклажу, и лодку дотащить поможешь, — молвил рыбак, почуяв возможную прибыль. — Могу ещё карасей сушеных продать, полдюжины за грош, вот такие.

Крестьянин показал ладошкой примерный размер.

— Десяток бы взял, — охотник подсчитал расходы. Пока что хватало на всё. — Беги за карасями, да пойдём лодку твою вытаскивать.

Мужик скрылся в избе и через несколько минут вернулся с рыбой. Караси висели на одной верёвочке, как своеобразные бусы. Двенадцать штук.

— Деньги давай сперва, — проворчал крестьянин, похоже, уже наученный горьким опытом.

Гарольд ссыпал медяки в широкую мозолистую ладонь рыбака и бросил связку в мешок, к остальной провизии.

Лодка оказалась неожиданно лёгкой, и ветер без труда качал её на волнах. Мужик правил умело и ловко, как могут только те, кто родился рыболовом. Дождь барабанил по днищу, но вычерпывать не пришлось. Лишь один раз вода захлестнула борт, и окатила мужчин с головы до пят. Следопыт только чертыхнулся вполголоса. Рыбак угрюмо молчал и грёб к противоположному берегу.

Врезавшись в мягкий расплывшийся берег, лодка покачнулась, и Гарольд, порывавшийся встать, с мокрым шлепком сел обратно на скамью. Мужик заржал и велел ему убираться. Охотник с великим удовольствием ступил на землю. Впрочем, землёй назвать это было сложно, скорее, болотистая вязкая жижа. С трудом переставляя ноги, он шагал в сторону леса, к твердой почве. С каждым шагом липкая грязь засасывала едва ли не по щиколотку, и без твёрдого надёжного посоха пришлось бы совсем тяжко.

Сырая одежда прилипала к жилистому телу, забирая последние остатки тепла. Стоило бы развести костёр и немного обсохнуть, прежде чем идти дальше. Было бы глупо замёрзнуть и простудиться, едва отойдя от деревни.

У остатков раскисшей дороги высился столб, изукрашенный гербом с изображением лошади. Пограничный столб, за которым начинались земли бесхозные, дикие и необжитые. Земли, в которых приходилось рассчитывать только на верную сталь в руке. По обе стороны этой нейтральной полосы жили люди, но ни у кого не хватало сил заселить ей и объявить своей территорией. Когда-нибудь в будущем, когда соседним народам не станет хватать земли, непременно объявятся желающие.

В голову, словно непрощенные гости, лезли мысли, в основном, о последних событиях. С подобной магией он раньше не сталкивался. Да и вообще во всю эту чертовщину особо не верил. Но тьма, которая чёрным покрывалом обнимала и опутывала его, эти глаза, от которых никак не получалось оторвать взгляд, голос, звучащий прямо в голове... Похоже, старая ведьма хотела запудрить ему мозги и спасти свою никчёмную жизнь. Не исключено, что знахарка таким образом обманывала всю деревню, ведь за такие ритуалы её давным-давно сожгли бы или утопили в речке. А если в каждом поселении найдётся по такой колдунье? Подумать страшно. Надо было срочно найти способ противодействовать этим тварям. А если они украдут душу и после смерти Гарольд не сможет повидать родных? Нет, это в его планы не входило.

Дождь начал утихать, и Гарольд взбодрился. Когда с неба на тебя непрерывно льётся

вода — не очень приятно. Солнце тускло горело где-то за тучами, с трудом пробиваясь через серое небо. Морозный северный ветер дул ему в бок, тело немело. До лесной опушки идти еще около часа, и приходилось терпеть лишения и невзгоды.

Следопыт шёл, опираясь на палку. Вдалеке сине-зелёными копьями возвышались пихты и кедры. Сосняк остался за рекой, а по эту сторону начиналась настоящая тайга. Просека, прямая как стрела, потихоньку зарастала травой и мелкими кустами. Трава, к счастью для охотника, удерживала почву корнями, не давая размокнуть. Темнохвойный лес забирал последние крохи света, проникающего через пасмурное и мрачное небо. В тени деревьев то и дело пробегала дичь, с ветки на ветку скакали белки, запасующие припасы на зиму, где-то неподалёку трещал дятел. Даже природа готовилась к наступлению холодов, а ему приходилось идти вперёд и вперёд, подумал Гарольд. К айварам, немытым варварам. По слухам, они сажали пленников на еловые колья, чтоб те дольше и сильнее мучились. Дикари.

Охотник подошёл к ближайшему кедру и с силой лягнул мощный ствол. Грязь тяжёлыми комьями разлетелась в стороны. Новые сапоги теперь уже было не отмыть. Испуганная белка ускакала прочь, рядом с Гарольдом упало несколько шишек, уже пустых. Он собрал немного валежника, слегка подсыревшего, расчистил место под костёр, и чиркнул огнём. Ветки никак не хотели разгораться, и пришлось добавить побольше растопки — сухих щепочек, заранее взятых с собой. Наконец, когда пламя с весёлым треском взвилось над землёй, охотник уселся рядом. Блаженное тепло разлилось по телу.

Серый плащ висел на ветке рядом с костром. Где-то вдалеке трещали кусты, судя по звуку, через них пробирался как минимум лось. Гарольд вытащил дорогой арбалет, потянул за рычаг и вложил стрелу. Никогда не знаешь, к чему надо быть готовым. Тихонько положив самострел рядом, охотник принялся за карасей. Мелкие косточки летели в огонь одна за другой. Покончив с едой, он встал, погасил костёр заранее приготовленной дерниной и отправился дальше. Ему предстоял долгий путь.

Последующие дни поражали своим однообразием. Скучный завтрак, дорога, привал, дорога, не менее скучный ужин, ночёвка на дереве или под ним, дорога. Повторить до готовности. Припасы с каждым днём таяли, заплечный мешок уже показывал дно, и Гарольду приходилось охотиться, чтобы прокормить себя. Благо, дичью эти места изобиловали. В одну из ночей к его стоянке вышла стая волков, сверкая из мрака жёлтыми глазами. К костру подойти они не рискнули, но после этого следопыт предпочитал не спать на земле. Тайга становилась всё глуше, просека угадывалась только по возрасту деревьев. Похоже, последний раз этот лес вырубали лет тридцать-сорок назад. Сколько ещё идти до чужих земель, Гарольд даже не представлял.

Холодало, и по ночам иногда шёл мелкий снежок, почти всегда тающий к утру. До настоящего первого снега, который покроет весь мир, оставалось всего пара недель. К удивлению и восторгу Гарольда, однажды утром он обнаружил следы на снегу. Люди уже близко. Стоило решить, выйти к ним открыто, или проникнуть тайком, вызнать всё что нужно, и наконец-то пойти обратно. Оба варианта были чем-то опасны. Языка он не знал, обычаев и устройства тоже, и скрыться в толпе не получилось бы в любом случае. Даже внешностью он близко не напоминал восточных дикарей. По слухам, они носили длинные бороды до пояса и заплетали косы на голове, в зависимости от статуса. Гарольд же всегда коротко подстригал волосы, чтоб никто не схватил в драке. Придётся идти в открытую и выдавать себя за простого путешественника. Посольство было бы надёжнее, но граф никаких верительных грамот не дал.

К вечеру следопыт вышел на опушку леса. Вдалеке курился серый дымок, небольшая речка несла свои воды на север, к далёкому морю. Приземистые избы стояли, наполовину вросшие в землю, покрытые сверху дёрном. Намётанный глаз охотника сразу увидел дома, но беспечный путник мог бы их даже не заметить. Хотя в этих краях не бывает беспечных путников.

Гарольд услышал осторожные шаги сзади. Кто-то старался подкрасться незаметно, но не получилось. Следопыт медленно обернулся и поднял руки над головой. Из-за дерева вышел мужчина с копьём наперевес, готовый метнуть его точно в цель. Одетый в меха, с аккуратно подстриженной бородой, он производил впечатление цивилизованного человека. Румяное широкое лицо обрамляли две тонкие косички, заплетённые у висков.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Кааге ва арстиде? — спокойно спросил он, целясь копьём в Гарольда.

— Я не понимаю, что ты говоришь, — в тон ему ответил следопыт. — Я пришёл с запада.

— Кто есть ты? — с чудовищным акцентом, тщательно подбирая слова, спросил воин.

— Путешественник. Ходить. Пешком, — дополняя слова жестами, охотник пытался наладить контакт.

— Мерге теен, — мужчина показал копьём на деревню впереди. — Идти.

Гарольд кивнул и пошёл туда, чувствуя, как напрягается спина, когда в неё целятся копьём. Конвоир молчал, осматривая незнакомца. Люди с запада не приходили сюда уже очень давно, немногие осмеливались пройти через дикие земли. Но некоторые отчаянные смельчаки всё-таки добирались. Похоже, этот бродяга дошёл без особых приключений. Его счастье, что медведи уже расходятся по берлогам.

Между избышками петляли небольшие тропки, огибая поленницы, загоны для скота и колодцы. Крестьяне, больше похожие на воинов, и дети, больше похожие на взрослых, настороженно поглядывали на чужака. Хмурые, как здешнее небо, лица выражали только одно желание — убирайся. Убирайся поскорее, куда глаза глядят, тебе здесь не рады. В бок Гарольду прилетел мелкий камешек. Девочка, не прожившая ещё и четырёх зим, угрюмо смотрела ему в глаза. И ему стало по-настоящему страшно. Если эти дикари когда-нибудь пойдут войной на запад, то мягкотелые крестьяне и разжиревшие феодалы ничего не смогут противопоставить воинственным племенам.

Длинный дом стоял в центре деревушки. Формой он походил на дом старейшины в деревне, где когда-то жил Гарольд. Хоть в чём-то они не дикари, подумал он. Воин знаками приказал Гарольду сдать оружие. Тот нехотя расстегнул ремень с ножнами, снял с арбалета тетиву и отдал всё сопровождающему. За голенищем оставался нож, и в случае драки у него оставался хоть какой-то шанс. Мужчина что-то сказал толпе напоследок и открыл дверь.

Полумрак разгоняли факелы, развешанные вдоль стен, между диковинного оружия и щитов. Закопченный потолок нависал над головой, и высокий следопыт всё время пригибался, опасаясь стукнуть какую-нибудь балку. За столом в дальнем конце дома, как понял Гарольд, сидел вождь, толстый как бочка. На голове у него были заплетены три косы, лежавшие на плечах. Пахло мясом и незнакомыми специями. Вождь на мгновение оторвался от еды и жестом пригласил обоих к столу.

Следопыт молча ел, слушая неторопливый диалог на незнакомом языке. Похоже, обсуждали именно его персону, конвоир то и дело указывал на Гарольда, что-то объясняя и доказывая. Лишь бы за шпиона не приняли, подумал Гарольд. Через несколько минут в дом

вошёл седой старик и уселся на лавку рядом с охотником.

— Я — толмач, — с чудовищным акцентом, растягивая гласные, вещал старик. — Будешь говорить с нашим риике, нашим вождь.

Гарольд кивнул. Пока что всё складывалось исключительно хорошо. Разделив кров и стол с вождём, пусть и случайно, он уже был защищён законами гостеприимства. А эти законы везде одни.

— Кааге ва? Кто ты? Откуда пришёл? Что тебе нужно на нашей земле, анлейэ, чужак? — старик переводил неумело и тщательно подбирал слова, иногда помогая жестами и словами родного языка. Язык айваров не отличался скоростью произношения, певучие слова приходилось тянуть, чтоб донести нужный смысл. Слушая сначала вождя, а потом переводчика, Гарольд успел заскучать.

— Я путешественник, иду на восток, ищу новые земли, — нагло врал следопыт. Прямо сказать о своей цели, разведке, было бы глупо. Разведчиков и шпионов обычно казнили на месте. Врать Гарольд не любил, но чего не сделаешь ради спасения собственной шкуры.

Старик выслушал и перевёл всё, что услышал. Несомненно, добавляя кучу отсебятины, что было заметно по лицу вождя. Тот хмурился и недовольно поглядывал на охотника, словно Гарольд уже украл его дочь, разрушил его очаг и сломал его любимое копье.

— Как ты прошёл через лес? — толмач хмурился вместе с вождём.

— По старой просеке, — миролюбиво ответил Гарольд, прихлёбывая ароматное варево из большой деревянной кружки. Вкус напоминал какие-то травы из детства.

Айвары некоторое время посовещались.

— Вождь не верит тебе, чужак, — отрезал старик. — Лес нельзя пройти.

— Но я прошёл. Однажды к моей стоянке вышли волки, но утром они ушли, — развёл руками охотник.

— В лесу полно бьорре, медведей. Тебе повезло, чужак.

У Гарольда по спине побежали мурашки. И никто из деревенских не сказал ни слова про медведей! Встреча даже с одним закончилась бы неминуемой гибелью.

— Я хочу пойти дальше на восток, — осторожно молвил следопыт.

Вождь одарил его долгим презрительным взглядом. В глазах так и читалось недоверие и неприязнь к чужаку. Он махнул рукой и процедил что-то старику.

— Вождь говорит, наши земли должны оставаться маархет, тайной, для чужаков, — перевёл толмач. — Дальше тебе нельзя.

Гарольд крепко задумался. Если на восток больше дороги нет, то можно попробовать разузнать об этом заговоре здесь, в маленькой пограничной деревушке. Шансы невелики, но попробовать можно. Не сразу, конечно.

— Тогда я хотел бы пожить среди вас, отдохнуть после долгой дороги, купить еды и отправиться обратно, — отвечал следопыт.

Старик удивлённо поднял брови, но перевёл дословно. Вождь скривил лицо.

— Вождь говорит, уходи сейчас. Мы поменяем твоё серебро на еду.

— Я ранен и устал после долгого пути. Позвольте мне остаться ненадолго, — Гарольд взглянул вождю в глаза. Тот спокойно смотрел, не выражая никаких эмоций. В итоге, следопыту пришлось первым отвести взгляд. Досадно. Вождь что-то спросил у переводчика.

— Вождь говорит, куда и как ты ранен? По тебе не видно, что ты страдаешь от ранения, — старику, похоже, тоже стало интересно.

— Я ранен в ногу, в неравном бою. Я убивал грабителей. Пару недель назад, — охотник

почесал ногу под столом. Рана уже не кровоточила и не открывалась от неудачных движений, но приятного в этом всё равно было мало.

Услышав ответ, вождь расплылся в улыбке и удовлетворённо закивал. Похоже, бандиты здесь не пользовались популярностью.

— Сколько их было? — спросил переводчик.

Гарольд почесал бороду, изрядно отросшую за время путешествия, и честно ответил:

— Одиннадцать, но убил только девятерых.

Соплеменники недоверчиво переглянулись. Чужак не выглядел так, словно способен убить целую ватагу, отделавшись только порезами и ушибами.

— Вождь говорит, что ты лжец.

Гарольд вскочил из-за стола, едва не опрокинув лавку. Рука отточенным движением скользнула к мечу, но верного клинка там не оказалось. Конвоир мгновенно оказался рядом с ним, приставив копьё к шее следопыта.

— Если я лжец, то скажи вождю, пусть проверит моё мастерство, — процедил охотник, краснея от гнева.

Вождь поднял руку. Воин опустил копьё и вернулся за стол.

— Вождь не хотел оскорбить тебя, чужак. Ты не выглядишь кьонне, великим воином, — перевёл старик. — Сядь, чужак.

Охотник нехотя подчинился.

— Великий воин не ищет битвы. Вождь говорит, что тебе просто улыбнулась удача.

— Я не называл себя великим, — бросил Гарольд, снова глядя в глаза вождю.

Воин, который поймал охотника в лесу, что-то сказал переводчику.

— Олле говорит, что ты недостойн биться с вождём. Он сам испытает тебя, чужак. И мы решим, лжешь ты или нет. Если ты лжец — ты будешь казнён. Если нет — мы позволим тебе остаться.

Гарольд опешил. Конвоир выглядел так, будто готов голыми руками побороть льва и у него хватит сил ещё на десяток. Вождь был похож на обрюзгшего папашу, который уже давно не ходил дальше ближайшей корчмы. Лучше было бы подраться с ним.

— Скажи ему, что я готов, — вздохнул следопыт. Чего медлить, если смерть всегда ходит рядом.

— Ты не готов, — ответил старик, не дожидаясь, что скажет вождь. — Тебя не осмотрел кам, шаман, ты не постился девять дней.

Олле злобно ощерился, показав необычайно ровные белые зубы. Похоже, он был уже уверен в победе. Следопыт только широко улыбнулся в ответ. Не то что бы он был рад видеть этого дикаря, но лучше бы показать дружелюбие. По крайней мере, пока.

Вождь встал из-за стола и подошёл к Гарольду. Толстое брюхо покачивалось при ходьбе, но двигался риике совершенно бесшумно и плавно. Словно дикий кот, разжиревший в неволе. Первое впечатление о боевых способностях вождя резко изменилось на противоположное. Этот медведь, наверное, может разрубить человека надвое.

— За мной, — сказал он без всякой помощи, хоть и с акцентом.

На выходе Гарольду отдали арбалет и меч. Похоже, чужеземное оружие даже никого не интересовало. И это даже к лучшему. Его провели в одну из избышек. Олле остался с ним, но прошёл на другую половину дома. Избушка не впечатляла особенным убранством, низкий бревенчатый потолок, грубо сколоченный стол, циновка на полу. Проход на другую половину был закрыт искусно вышитым покрывалом с изображениями битв и оружия.

Похоже, здесь дуэлянты готовились к драке.

Охотник снял с плеча дорожную сумку, уселся на камышовую циновку и положил меч перед собой. Сталь мягко блестела в свете лучин. Как именно ему предстоит готовиться, Гарольд не представлял, и решил заняться своим любимым делом. Проверив острие пальцем, он достал брусок и принялся выставлять нужный угол заточки. Мерный шелест заполнял комнату, привычно погружая охотника в состояние, близкое к трансу. Меч и без того был хорош, но в предстоящей битве придется задействовать все силы. И если из-за недостаточно острого клинка Гарольду придется умереть, это будет только его вина.

Он мысленно взывал к Эйлуду, вечно гремящему, грозному богу-воителю. Отец битв частенько помогал в сече, незримо присутствуя на поле боя. Гарольд надеялся, что Всеотец снизойдёт до одного из своих потомков.

Скрипнула дверь, выводя следопыта из транса. В комнату вошёл коренастый широкоплечий мужик, увешанный различными амулетами. Коса его была странным образом обёрнута вокруг головы, образуя полумесяц, из которого были выпущены ещё девять косичек. И, судя по жирным грязным волосам и торчащим прядям, вся эта конструкция не расплеталась уже очень давно.

Дикарь вытянул руку с амулетом, призывая каких-то своих нечестивых богов. Распевное бормотание слышалось как набор случайных звуков. Гарольд отложил клинок и взглянул шаману в глаза. Зря. Кам поймал взгляд чужака и стал петь ещё громче и быстрее. Следопыт испытал уже знакомое чувство погружения во тьму. Снова чужой голос звучал отовсюду и нигде, снова окружающий мир тонул во мраке. Гарольд понял, откуда эта сила, и почему раньше он не встречал подобных людей. Раньше он не ходил на восток.

Он пересилил себя, крепко зажмурился и тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Шаман стоял перед ним, раскачивая амулет и не оставляя попыток загипнотизировать чужака. Нужно было осмотреть его и не допустить использования враждебной магии. Вождь назвал его лжецом, и этот чужак вполне мог использовать какие-то уловки во время битвы. Вот и сейчас он неведомым образом избавился от цепкого взгляда. Однако, ничего особенного кам не заметил. Похоже, можно допустить чужака к бою.

Пробормотав напоследок что-то себе под нос, он кивнул и скрылся в другой комнате. Вскоре оттуда донесся тот же самый набор звуков. Гарольд облегченно вздохнул, этот гипноз оказался обязательным для обоих. Через полчаса шаман замолк и ушёл, не прощаясь. Наступила ночь.

Следопыт погасил догорающие лучины, не раздеваясь, улёгся на жёсткую циновку и заснул.

Утром ему принесли похлёбку. Станный вкус отдавал лесными травами, но следопыт не смог узнать ни одной. Выйти наружу никто не запрещал, избушка стояла на окраине, а вот приближаться к деревне строго запретили. Дюжий охранник, завидев, что чужак направился к домам, железной хваткой схватил его за плечо и промолвил только одно слово, похоже, единственное, которое знал:

— Нет.

Охотник покорно отправился назад, в заточение, бесцельно ходить кругами по комнате и размышлять над своим положением. Шансы на победу, откровенно говоря, невелики. Дикарь за занавеской ежеминутно упражнялся с копьём и щитом. Мастерски. Наконечник порхал в воздухе, словно смертоносный мотылёк, и различить его можно было лишь по красной ленте, повязанной на древко. При виде Гарольда воин злобно усмехался,

провоцируя и пугая чужака.

Следопыт решил не терять времени, и тоже приступить к тренировкам. Даже стараясь изо всех сил, ему не хватало скорости, чтоб противостоять копейщику. Оставалось лишь два варианта, пойти на хитрость или решить всё одним-единственным ударом. Хитрость здесь была явно не в почёте, да и Гарольд сам, из-за собственной гордости и глупости, ввязался в драку. Придётся бить наверняка и сразу.

Поститься, по обычаю айваров, нужно было девять дней и ночей, но так как они начали с вечера, то уже оставалось восемь. Достаточно времени, чтобы хорошо подготовиться. Олле упражнялся на утоптанной площадке рядом с избой. Чтобы не стеснять движения, он разделся до пояса. На холоде от разгоряченного тела шёл пар, стальные мускулы перекачивались под кожей. Гарольд смиренно уселся на завалинку и наблюдал за своим противником. Дикарь время от времени выкрикивал оскорбления на своём языке, но вскоре перестал, видя, что чужак не обращает на брань никакого внимания. Чужак искал бреши в защите.

Воин отработывал очередную связку ударов, когда услышал, как удовлетворенно хмыкнул следопыт. И снова. И опять. Следопыт обнаружил, что когда Олле бьёт копьём в ноги после пируэта влево, то открывает плечо и шею. Отличная возможность для Гарольда и смертельная ошибка для Олле. Осталось только дожидаться момента.

Все остальные дни Гарольд только и делал, что спал и ел. Потренироваться не мешало бы, но это раскроет его замысел, и поэтому он отдыхал. После долгой тяжёлой дороги это было как нельзя кстати.

В день битвы к ним снова пришёл шаман со своими амулетами. На этот раз с переводчиком. Тихим певучим голосом он обратился к Гарольду, периодически забывая про толмача.

— Кам говорит, что ты должен принести клятву, — старик, казалось, мог объяснить всё это и без помощи шамана. — Клятву биться честно.

— До смерти? — спросил охотник.

— Ты можешь сдать. Ты помнишь, что тебя ждёт, если ты проиграешь. Олле не сдастся, он воин, — объяснил толмач. Похоже, шансов избежать драки не было.

— Хорошо, я клянусь.

Старик перевёл. Кам засвидетельствовал клятву, слегка надрезав Гарольду палец. Густая кровь капнула в деревянную плошку. Следопыт с облегчением подумал, что сделал правильный выбор. Идти на хитрость теперь — всё равно, что идти против собственной крови. Шаман слегка поклонился удивлённому следопыту и ушёл в другую половину, к своему соплеменнику, за такой же клятвой.

Снаружи их ждала уже целая толпа. Все желали поглазеть на чужака. И на то, как Олле, один из лучших воинов, проткнет его копьём. Женщины держали детей на руках, чтоб им было лучше видно, на ближайших деревьях уже расположилась целая орава подростков. Они что-то кричали, но Гарольд не понимал.

На площадке уже стоял вождь со своими лучшими бойцами. Кому ещё быть судьями, как не лучшим из лучших? Народ образовал живую стену вокруг, очертив границы арены. Следопыт встал рядом с вождём и отсалютовал собравшимся. Клинок взметнулся вверх, приветствуя всех, но никакой реакции не последовало. Жест, столь привычный для запада, на востоке оказался попросту не понят.

Толпа загудела, приветствуя своего бойца. Олле, полуобнажённый, вышел из избушки,

горланя что-то и грозно потрясая копьём. Раздался свист, рёв и женские вздохи. Люди расступились, пропуская воина на битву. Боец встал рядом со своим противником и гадко ухмыльнулся.

Вождь поднял руку, гомон постепенно стих. Он тихо заговорил. Толмач шептал перевод на ухо Гарольду.

— Вождь говорит, что ты пришёл сюда и сказал, что ты великий воин, — охотник заскрипел зубами. Он такого не говорил. — Что ты оскорбился, когда тебя называли лжецом и вызвал его на бой, а Олле вступился за честь вождя. Вождь говорит, за этой битвой наблюдают боги, чтобы рассудить, кто прав.

Старик откашлялся и отошёл. Похоже, всё уже сказано. Вождь поднял руки к небу и торжественно сказал ещё что-то. "Да начнётся битва!", понял Гарольд без всякого перевода.

Олле скользнул в сторону едва заметным движением. Копьё просвистело рядом с ухом следопыта, и тот едва успел отшатнуться. Потеряв равновесие, ему пришлось упасть набок и перекатиться подальше от противника. Похоже, дикарь тренировался не зря. Острый наконечник мелькал в опасной близости от Гарольда, и тот с трудом уворачивался и отбивал удары. Оборона пока не была прорвана, но в настоящем бою охотник уже давно бы бежал подальше от этой машины для убийства. Красная лента на древке мелькала в воздухе, словно фонтанчик крови из пробитой артерии.

Следопыту приходилось постоянно отступать и вертеться волчком, чтоб избежать смертельного удара. Поначалу Гарольд хотел измотать противника, но вскоре начал уставать сам, не наблюдая у врага никаких признаков усталости. Тот, словно заколдованный, упрямо наступал. Бил и колол, не жалея сил. Охотник ждал, пока представится шанс, единственный и неповторимый. Но дикарь никак не хотел использовать ту самую связку, во время которой он открывался. Гарольд нанёс первый удар, проверить оборону, но тут же наткнулся на ожесточённое сопротивление и был вынужден снова отступить. Клинок жужжал как пчела, отбивая яростные атаки дикаря. Охотнику стало по-настоящему страшно.

Толпа кричала и бесновалась, поддерживая своего лучшего воина, а тот успевал красоваться перед женщинами и показывать свою храбрость. Олле раскручивал копьё над головой, орудуя одним только щитом, и с яростным рёвом бросался в атаку. Следопыт изредка пытался достать противника мечом, но либо натыкался на щит, либо клинок не достигал цели.

Пот лился ручьём, застилая глаза, руки и ноги тяжелели от усталости, но Гарольд бился за свою жизнь и свою честь. Пока что удавалось избежать ранений, но он чувствовал, что скоро перестанет успевать за врагом. Это и так требовало слишком много сил. Следопыт выкладывался полностью, рискуя головой. Он мог сбежать в одну из ночей, и ему не пришлось бы драться, но честь не позволяла уйти просто так.

Меч со свистом разрезал воздух снизу, возле ног Олле, вынуждая его отскочить. Гарольд из последних сил пошёл в атаку, уже не надеясь использовать свой шанс. Слишком долго они уже бились, и слишком уверенно бился дикарь, чтобы использовать такой ненадёжный приём. Следопыт вложил в удары всю свою ярость, меч глухо стучал об окованный сталью щит, но Гарольд не прекращал атаковать. Наконец, дикарь пируэтом ушёл влево и ударил вниз, по ногам. Охотник подпрыгнул и рубанул по толстой шее.

Хлынула кровь, Олле, не веря ощущениям, упал на колени и зажал рукой страшную рану. Остро отточенный клинок разрубил артерию и мышцы, остановившись только у ключицы. Гарольд отошёл, не в силах продолжать бой. Единственный удар решил его судьбу.

Сегодня боги снова были благосклонны к нему.

Народ молча глазел на случившееся. Невероятно, один из лучших бойцов племени валялся в пыли, поверженный каким-то бродягой. Шаман подошёл к телу и развёл руками. На землю равномерными толчками выплёскивалась алая кровь. Олле всё ещё жив, но его было уже не спасти. Никакая магия не может закрыть такую рану.

Вождь степенно вышел из толпы и что-то крикнул. Толмач, уже готовый переводить, стоял возле Гарольда, поддерживая его за локоть. Сквозь мутную пелену охотник смотрел на всё вокруг, едва держась на ногах.

— Вождь говорит, ты победил. Ты не лжец, чужак.

Но этого Гарольд уже не слышал.

Он проснулся от тёплого влажного прикосновения. Все тело болело, хотя в бою Гарольд не получил ни царапины, только ушибы и синяки от многочисленных падений и перекатов. Остро хотелось пить. Рядом с постелью сидела молодая девушка и осторожно наблюдала за следопытом. Тот попытался приподняться на локтях. На глаза сползла влажная тряпка, и он опустил её обратно. Девушка поправила компресс и тихо проговорила:

— У тебя жар, отдыхай.

Гарольд удивился чистой, почти без акцента, речи и снова провалился в сон. Видения сменялись, как узоры в калейдоскопе. Очень беспокойные и пугающие видения. Белый жеребец, весь в крови, бьётся в предсмертных конвульсиях, виселица посреди реки, длинный тёмный коридор, охваченный огнём. Огонь повсюду, пламя пожирает стены, рушится кровля. Лица, смутно знакомые, искажены страданиями, в огне, безмолвно кричат и умоляют о помощи, но он не успевает, не может успеть, стены пульсируют и сжимаются. Десять фигур стоят над ним, полумёртвым, стоят молча, склонив головы, как мраморные изваяния, застывшие в своей скорби. Скачка, дикая скачка, погоня изо всех сил, не жалея ни себя, ни лошади...

Кто-то тряс его за плечо. Следопыт с трудом разлепил глаза. Снова эта девушка.

— Ты кричал во сне, — она испуганно смотрела Гарольду в лицо.

Потрескавшиеся губы едва приоткрылись, раздалось тихое сипение. Иссохший язык отказывался повиноваться. Девушка прижала к его губам кружку с водой. Живительная влага покатила вниз.

— Где я? Где мой меч? — первым делом спросил Гарольд, вдоволь напившись.

Девушка указала на ножны в углу.

— Я отмыла его от крови. И одежду твою выстирала, — робко улыбнулась она.

Охотник задумчиво кивнул и попытался встать с кровати. Слабость всё ещё одолевала, но волевым усилием Гарольд принял сидячее положение и осмотрелся. Жилище напоминало то, в котором он провёл девятидневное заточение, но было гораздо богаче. Вместо циновки он спал на широкой двухспальной кровати. Стены были увешаны оружием, самым различным, от простых палиц и шестоперов до искусно отделанных булатных сабель. На столе стояли приборы не деревянные, как у обычных крестьян, а из чистого серебра. Хозяина всего этого добра поблизости не наблюдалось. Только девушка, скромно сидящая рядом.

— А вот это всё, — Гарольд показал на оружие. — Это чьё?

Девушка удивлённо захлопала ресницами.

— Как чьё? Твоё, конечно. И я тоже, — добавила она, заливаясь краской.

Теперь уже Гарольд удивлённо хлопал глазами. Неожиданно.

— Обычай такой, испокон веков, — как ни в чём не бывало, сказала девушка.

Всё стало ясно. У некоторых племён, по закону, победитель забирает всё имущество убитого. Судя по богатому убранству, Олле за свою жизнь победил многих и очень многих. Даже не каждый дворянин мог позволить себе обедать на серебре.

— Как звать тебя, девица? — поинтересовался следопыт, с любопытством осматривая новую собственность.

— Йона, — ответила она, снова краснея.

— Откуда язык знаешь? — Гарольд встал и пошёл вдоль стен, любуясь оружием. Похоже, Олле был жутким коллекционером.

— Матушка научила, она тоже с запада. Полукровка я, — смущаясь ещё больше, сказала девушка.

Охотник повернулся к Йоне. Совсем юная, почти девчушка. Ей ещё только предстояло стать красавицей. Русые волосы, собранные в хвост, спускались до плеч, веснушчатое лицо выражало смущение и взволнованность. Словно она не знала, как быть дальше.

— Харальд... — вздохнула она.

— Вообще-то, меня зовут Гарольд. Харальд — это немного другое имя, — привычно поправил следопыт.

— Извини... Гарольд, я теперь твоя жена... Мы должны... — девушка краснела и путалась, ногой ковыряя доски пола. Охотник решительно не мог понять, что она имеет в виду.

— Постой, жена!? Нет-нет-нет, я тебя даже не знаю. Я никак не могу на тебе жениться, — Гарольд на всякий случай принялся одеваться. Чистые штаны сушились возле очага, рубаха, аккуратно зашитая, висела там же.

Йона растерянно смотрела на нового супруга.

— Но я же... Позор... На весь род... — уже сквозь слёзы бормотала она.

Следопыт пожал плечами, натянул куртку и вышел на улицу, не сказав ни слова.

Сезон дождей заканчивался, плавно переходя в жестокую морозную зиму. Тяжёлое серое небо покоилось на верхушках деревьев. Зябко поёжившись, Гарольд заковылял к избушке вождя. Без сопровождения он ходил по деревне впервые, и теперь мог без проблем наблюдать за всем происходящим. Тут и там подростки кололи дрова на зиму, бабы о чём-то перекрикивались у колодца, дети гоняли гусей и бегали друг за другом. Обычная деревенька. Только люди здесь жестче, условия суровее, а природа злее.

Усталость то и дело накатывала тяжёлой волной, к горлу подступала тошнота. Слишком много сил потратил следопыт в этом поединке. Подойдя к длинному дому, он остановился передохнуть. За дверью то и дело слышалась брань на незнакомом языке. Слов Гарольд не понимал, но по интонации было ясно. Вождь на кого-то был очень сердит.

Вскоре из избы выскочил незнакомый парень, окинул Гарольда презрительным взглядом, что-то процедил сквозь зубы и сплюнул.

Вождь раздражённо ходил кругами по комнате. Завидев Гарольда, он подозвал его к себе и велел одной из служанок позвать толмача. Как можно скорее. Старик пришёл через несколько минут. Вождь, не переставая кружить, словно лев в клетке, задал несколько вопросов.

— Вождь спрашивает, как ты убил нашего кьонне, Олле Медведя? Его никто не мог убить, — старик живо перевёл, тоже желая знать ответ.

Гарольд пожал плечами.

— Пришёл, увидел, победил. Так говорил один из древних.

— Да, победил. По праву завладев всем имуществом нашего воина. Теперь многие хотят избавиться чужака от лишней добычи, — старик переводил дословно, старательно вспоминая чужую речь. — С тобой хотят биться все мужчины племени. Вождь говорит, что пока ты слаб — это будет харради, бесчестно. Но как только ты оправишься — поединки пойдут один за другим.

Охотник крепко задумался. Эту битву ему помог выиграть случай. И не факт, что в

следующих такой случай представится. Да и терять столько времени на пост и подготовку — некогда, нужно спешить.

— Что ты предлагаешь? — спросил Гарольд.

— Вождь говорит, ты должен уйти. Ради твоего же блага.

— Ты говорил, если я смогу победить — я смогу остаться. А теперь, по-твоему, я должен уйти, так? — следопыт начинал кипятиться. Так он никогда не разузнает про этих чёртовых заговорщиков. Может, о них тут и не слышали вовсе, а то, что гонец шёл с востока — просто совпадение.

— Ради твоего блага. Ты великий воин, но биться со всеми мужчинами племени даже тебе не по силам, — попробовал убедить его вождь.

Гарольд усмехнулся и пошёл прочь. Обратно, в дом Олле. В свой дом. Туда, где его ждала новоиспечённая жена. Перспектива стать женатым его совсем не радовала, он полагал, что для свадьбы ещё слишком рано. Да и молодая вдова была ещё слишком юная для него. Непонятно, как ей позволили выйти замуж в таком возрасте.

Йона, размазывая слёзы, сидела за прялкой. Нехитрая работа отвлекала от тяжёлых мыслей. Едва выскочив замуж, остаться вдовой, да ещё и отказной! Батюшка не перенесёт такого позора. Если бы этот чужак остался, всё было бы прекрасно, она осталась бы женой лучшего воина, как и была. Если же он уйдёт — Йону с позором выгонят как отказную. От хороших баб не отказываются, а плохие в племени не нужны.

Скрипнула дверь, в дом вошёл охотник, скользнув взглядом по девушке. Йона надула губы и ещё усерднее взялась за работу. Гарольд сел на лавку перед ней.

— Йона, скажи мне, не встречала ли ты людей, носящих серебряные перстни? — решил он начать с малого.

Девушка фыркнула, всем своим видом показывая нежелание разговаривать.

— Послушай, девочка. Или ты со мной разговариваешь, или выметаешься отсюда на все четыре стороны. Поняла?

Йона посмотрела на него взглядом, полным ужаса и безысходности. Губы её дрожали, в уголках глаз стремительно собирались слёзы.

— О чём ты вообще?.. — чуть всхлипывая, пробормотала она.

— Перстни, серебряные. С печаткой "С.В.". Не видела людей с такими? Хотя, о чём я, откуда тебе знать.

Йона переменилась в лице и слегка побледнела.

— Нет, я ничего не знаю, — твёрдым голосом сказала девушка и продолжила прясть.

Гарольд нахмурился. Девка чего-то боится. Он резко встал и уставился на Йону. В глазах сверкали молнии.

— Тебе стоило бы сейчас бояться меня, а не кого-то ещё, — нависая над девушкой, процедил следопыт. Рука сама собой сжалась в кулак. Гарольд не хотел бить девчонку, но припугнуть — запросто.

— Бояться следует тебе, — Йона теперь уверенно смотрела в глаза охотнику. — Кто ты, и кто они. У них шпионы повсюду, готовые на всё, а ты — обычный мужик.

— Вот именно, кто они? — голос потеплел на пару градусов.

— Я не знаю. Честно.

Гарольд хмыкнул. Наверняка в деревне есть люди, которые знают гораздо больше. Но и это уже результат, он уже проделал этот путь не зря.

Вождь снова сидел за столом и жрал. С такой силищей приходится есть много и часто.

Челюсти механически перемалывали толстые шматки мяса, сок капал с бороды. Отвратительное зрелище, подумал Гарольд. Но здесь он не для того, чтоб любоваться чужой трапезой.

Следопыт взял со стола кубик варёной репы и закинул в рот. Сладковато-пряный вкус отдавал горчинкой. Гарольд взял ещё один и спросил, будто невзначай:

— А расскажите мне о тех, кто носит перстни с буквами "С.В."?

Вождь поднял на него тяжёлый взгляд. Добродушное выражение лица мигом сменилось маской злобы и недоверия. Толмач на всякий случай отодвинулся от Гарольда подальше.

— Вождь говорит, что понял, зачем ты пришёл и как победил нашего кьонне.

Дюжие гвардейцы подступили с обеих сторон, железной хваткой взяв Гарольда под руки.

— Пойдите! Я не имею никакого отношения к этим выродкам! — кричал он, но переводчик даже не думал делать свою работу.

Воины потащили охотника во двор.

— Радуйся, ты доживёшь до солнцеворота. Хвала Медведице, теперь нам не придётся приносить в жертву кого-то из племени, — гадко осклабился старик.

Гарольд пытался вырваться, но держали его крепко. Руки в локтях скрутили вожжами, к шее приставили кинжал. Сопротивляться бесполезно. Пинками и тычками его повели в сторону от деревни. Яма, накрытая тяжёлым деревянным настилом, подтверждала самые мрачные подозрения.

Перед тем как бросить чужака вниз, его ещё раз обыскали. В руки дикарей перековывали нож и ложка. Сделать подкоп уже не получится.

В яме было темно и сыро, затхлый воздух бил в ноздри гнилостной вонью. Стражники посмеялись ещё раз, напоследок плюнули в яму и закрыли её. Тюрьма оказалась больше, чем на первый взгляд. Дальше, в темноту, вели несколько ходов, из которых резко пахло нечистотами. Гарольд выбрал один, из которого меньше всего воняло, и медленно, на ощупь, отправился туда. Коридор закончился тупиком. Глаза постепенно привыкли к крошечной тьме, различая некоторые предметы. Вот тюфяк, судя по запаху и виду, набитый гнилой соломой и вшами, вот небольшое деревянное ведёрко в углу, на полу валяется деревянная доска с засохшими остатками еды. После богатого убранства в доме Олле, всё это выглядело как насмешка. Боги смеются над ним.

Мышцы всё ещё болели, и Гарольд устало присел на тюфяк. Вши принялись массово переселяться на новую жертву. Охотник спешно поднялся, стряхивая с себя мерзких паразитов. Провести здесь остаток жизни, пусть и весьма недолгой, совсем не хотелось. Надо было что-то делать.

Он прошёл обратно, к выходу. Сквозь щели в досках пробивались немногочисленные солнечные лучики. До поверхности не достать, даже разбежавшись по стене. Глубокую яму копали не для того, чтоб он мог так легко сбежать. И тяжёлый настил воины перетаскивали вдвоём. Снизу его точно не открыть. Гарольд стиснул зубы и в сердцах ударил кулаком по стене. Сырая земля разлетелась мокрыми ошмётками, забрызгав ему лицо.

— Ах, демоны тебя раздери! — прорычал он, отряхиваясь от грязи.

— Только что прибыл? Смирись, не допрыгнешь. Допрыгаешься, — раздался насмешливый голос сзади.

Следопыт обернулся. В коридоре стоял худой мужик, закутанный в лохмотья. Спутавшиеся волосы висели клочьями, борода, необычайно грязная, торчала жёсткой

метлой. Казалось, крошек в этой бороде хватит на целую булку хлеба. Узник стоял прямо, глядя Гарольду в лицо. В глазах плясали весёлые искорки.

— Ровио из Гулермы, гость и хозяин этого славного местечка, — учтиво поклонился он.

— Гарольд из Йофервика, — буркнул следопыт. Мужик походил на плута и разбойника, а таких он предпочитал видеть мёртвыми. Такая работа.

— Йофервик? Славное место. Было, — заржал бородач. — Бывал там однажды.

Гарольд скрипнул зубами. Если это один из тех дезертиров, что сожгли деревню, то боги точно смеются над ним. Мужик и впрямь похож на человека, который без всякого стыда начнёт резать крестьян, если ему захочется.

— Есть здесь кто-нибудь ещё? — спросил он.

— Вон в том коридоре старик сидит, но он даже имени своего не помнит, — обнажив гнилые пеньки зубов, улыбнулся Ровио. — Я к нему дерьмо сливаю, он не против.

— Давно сидишь?

Узник почесал косматую голову. Вши и гниды повалились мелким чёрным дождиком.

— Ну, почитай, аккурат с конца весны. Ихнего воина зарубил, так меня не на кол, как дружков моих, а сюда. В жертву принесут, сказали.

— И чего не сбежишь? — поинтересовался Гарольд.

— Пробовал, когда жратву принесли первый раз. Потом неделю встать не мог, башку проломили, почки отбили, — снова ухмыльнулся мужик.

Гарольд хмыкнул в ответ и снова посмотрел наверх. Солнце ласково пригревало, пробиваясь через щели, но он понимал, что это ненадолго. Скоро оно уйдёт, и заключённые останутся одни, в темноте, сырости и холоде.

— Жертва — это нехорошо, — протянул охотник, разглядывая своего сокамерника. Тот выглядел вполне надёжным и умелым. — Валить надо отсюда.

Ровио и сам окинул следопыта цепким недоверчивым взглядом.

— Как быстро ты сбежать-то захотел! А если ты с ними заодно? Неее, брат, это ты, вон, старику полоумному впаривай, — бросил узник в ответ.

— Заодно!? — фыркнул Гарольд. — Похоже, это у тебя крыша съехала. Шёл бы я от самых предгорий, только чтоб с тобой тут посидеть!

Мужик присвистнул.

— Далеко забрался, однако. Только зачем? Тут кроме медведей и этих, — Ровио ткнул пальцем вверх, — Ничего тут больше нет. Ёлки и волки.

— А сам-то зачем? Вроде бывалый, а вопросы такие нехорошие спрашиваешь.

Ровио снова почесал косматую бороду.

— Не кипятись, за дело спрашиваю. Вдруг ты из этих, из мятежников, айваров на грабёж позвать хочешь. Или купчишка простой. Хотя нет, на купца не похож. На проповедника тоже. Шпик?

— Ни то, ни другое, ни третье. Выслеживал тут кое-кого, — процедил Гарольд. — Ну так что, сваливать-то будем?

К вечеру сверху послышалось шуршание. Тяжёлый щит отодвинулся в сторону, на верёвке спустили ведро. По яме растёкся кислый запах капусты. Баланда представляла собой жёлто-бурую массу крайне неаппетитного вида. Впрочем, Ровио и неизвестный старик, заросший и грязный как леший, наворачивали ужин за обе щеки. Гарольд воздержался, ведро с баландой поднялось наверх. Щит вернули на место, опустилась кромешная тьма.

На следующее утро оба сидели у выхода, жадно хватая взглядом солнечные лучи. Старик

поскуливал где-то в темноте.

— Нет, Гарольд, ты не прав, — сказал узник. — Вот смотри, у вас графья, герцоги всякие, да? Так а кто их править поставил? Император? А его кто поставил править, скажи?

— Боги, кто ещё-то, — рассеянно ответил следопыт. Он старался избегать политических споров, но настырный сокамерник покою не давал.

— Боги? — рассмеялся Ровио. — Что ж тогда несправедливо правят все твои графья? Тебе хоть один граф чего-нибудь хорошего сделал в жизни?

Гарольд вдруг вспомнил, как ему пришлось пытаться человека из-за чужой прихоти. Ради чужого удовольствия.

— Хорошего? Если серебро и золото считаются хорошими, то да.

— Понятно всё с тобой, — Ровио махнул рукой, словно признавая собеседника совершенно безнадёжным. — Скоро жратву принесут, действуем?

— Рано.

Баланду принесли в полдень. Точно такую же, как и вечером.

— Ты бы пожрал, следующая только на закате будет, — громко чавкая и хлюпя, посоветовал Ровио.

Гарольд попробовал. На удивление, варево оказалось съедобным. Похоже на варёную капусту с чем-то ещё. Доесть он не успел, ложки потребовали сложить обратно в ведро. Логично, подкоп айварам точно бы не понравился. У следопыта была идея получше.

Ровио постоянно надоедал пустой болтовней про политику и военную тактику. Его можно было понять, полгода без общения оставляют свой след. Когда можно побеседовать только с крысами, блохами и безумным стариком — нормальный собеседник необходим как воздух. Поэтому Ровио из Гулермы говорил, не умолкая, а Гарольд просто слушал и иногда поддакивал.

— У нас вот раньше как было, в армии. Командира назначают, сынка какого-нибудь, он в бою в сторонке стоит, а мы в строю. А командует сержант, который с нами стоит и наравне со всеми бьётся. Мы так и подумали, на кой нам командир? — заржал узник.

Гарольд насторожился, но виду не подал. Ровио продолжил.

— Командовать должен лучший! — старый солдат поднял палец вверх. — Вот как у местных устроено, кто сильнее, тот и вождь. Видал вождя у них? Медведя голыми руками порвёт.

— Тот всех умней, у кого усы длинней... — задумчиво пробормотал Гарольд.

— Чего? Ну скажи ещё, что я не прав, — Ровио явно хотелось поспорить. — Меня в нашей ячейке никто переубедить не мог! А вот дальше, там да, конечно. Там один Мельник чего стоит! Хотя с Пастырем никто не сравнится, это да.

Охотник встрепенулся. Надо вытянуть побольше из этого болтуна.

— И много вас в ячейке было? — спросил Гарольд.

— Да я один остался. Остальных по кольям развешали, — мужик приуныл, вспоминая о товарищах.

— А Пастырь это кто?

— Пастырь? Это наш учитель. Не знаю, кем бы я без него был. Гнил бы уже в земле, наверное, или в петле висел. За мелкие грешки, хе-хе. Пастырь нас сюда и послал, рассказать о его учении, но не сложилось. Дикари, — пожал плечами Ровио. — Только им рассказали, что к чему, докончить не успели даже, они сразу за ножи схватились.

Похоже, здесь они тоже хотели захватить власть. Не вышло.

— А он откуда вообще? Пастырь этот ваш.

— Он с востока, ещё дальше. Сам я там не бывал, но ребята говорили, что там люди с головами тигров и города не как здесь, а ввысь тянутся. Тигры кто такие? Ну это как кошки, только большие. А про города Пастырь говорил, там, на востоке, один дом всю здешнюю деревню вместить может.

Гарольд удовлетворённо хмыкнул. Кое-что прояснилось.

— Давай я потом за тебя словечко замолвлю? Ты вроде мужик нормальный, понимаешь. Вместе новый мир строить будем, без горя и несчастий! Без сожалений!

— Нет, спасибо. Мне и в этом неплохо, — отказался Гарольд. — Не завершил ещё кое-что.

— Ну как знаешь, ты бы Пастырю точно понравился, нам такие люди нужны. Ты потом куда, кстати?

— Обратно, на запад. Здесь уже ничего не держит, — Гарольд вспомнил про меч, оставшийся в доме. — Хотя нет, надо ещё к новой жене заглянуть.

— О, ты тут уже и ожениться успел? Поздравляю, поздравляю, — Ровио похлопал собеседника по плечу.

— Да сам не знаю, как так вышло. Я же не знал, что мне вообще всё переходит. Мне, собственно, вооружиться там надо.

— Это не помешает, — согласился Ровио.

На закате щит снова убрали, чтобы спустить баланду. Пора действовать. Ровио, как по команде, завопил:

— Мааннее куоллут! Мааннее куоллут! Старик помер!

Старик и в самом деле лежал, будто мёртвый. Удар по голове надёжнее, чем стговор с безумцем.

Наверху показался один из воинов. Одна жиденьякая косичка сбоку, ещё молодой. Слишком юн и неопытен, чтобы противостоять заключённому. Он заглянул в яму, никого не увидел в темноте и убежал.

— Сейчас вернётся. Не один. Будь готов, — прошептал Гарольд.

В яму спустилась верёвочная лестница. Два молодых воина, с копьями, спрыгнули следом. Подарок судьбы, подумал охотник. После жестокой насмешки боги решили смилостивиться. Айвары явно не знали, что делать, поэтому оба полезли в яму. Отличный шанс для побега.

В полной тишине заключённые прыгнули из тёмных коридоров. Глаза надзирателей ещё не привыкли к темноте, узники застали их врасплох. Завязалась борьба. Дикарей сбили с ног, Гарольд неистово колотил противника деревянным ведром по голове. Совсем ещё мальчик, юный айвар, уже не мог сопротивляться. Красивое прежде лицо превратилось в кровавую массу. Второй надзиратель сумел подняться и теперь кружился с копьём в руках, отбрыкиваясь и пытаясь отцепить Ровио от своего оружия. Закричать он не додумался или не успел, и Гарольд вонзил дикарю трофейное копьё под лопатку.

Труп и бесчувственное тело они оттащили в тёмный коридор, на всякий случай переоделись в трофейную одежду, вылезли и закрыли яму. На айваров они не были похожи совсем никак, но если смотреть издали, одним глазом и не приглядываясь, то сойдёт.

Солнце опускалось медленно, и темнота никак не наступала, но надо было торопиться. Скоро парнишек начнут искать. А следом за ними начнут искать и беглецов.

Гарольд лёг и пополз в деревню, и жестом приказал своему спутнику сделать то же

самое. Земля, всё ещё сырая, прилипла к одежде и пачкала руки, но лучше вымазаться в грязи, чем сгореть на костре. Или как они ещё приносят жертвы. Скармливают диким зверям, или просто режут глотку. Неважно.

Ровио шёпотом матерился, вытирая руку о траву. Гарольд обернулся и увидел позади солдата размазанную собачью колбаску.

— Будь проклята эта псина, мать её колесовать! Вернусь потом и зарежу к демонам всех собак в этой помойке!

— Заткнись, болван. Если нас услышат, то зарежут обоих, — прошипел следопыт.

Дом бывшего чемпиона стоял на противоположной стороне, и беглецам пришлось обходить кругом всю деревню. К счастью, прохожих на улице почти не было. А те, кто были — совсем не замечали две ползущие тени.

Йона готовилась ко сну. Немыслимо, один муж убит, второго принесут в жертву! Её просто преследуют неудачи. На глаза сами собой наворачивались слёзы. И через несколько минут они превратились в рыдания.

Дверь тихо скрипнула, в комнату скользнул Гарольд. Девушка испуганно зажала рот рукой. Следом за Гарольдом ввалился ещё один мужик, заросший и грязный. Йона узнала в нём одного из тех проповедников, что приходили по весне. Эти дураки открыто призывали отказаться от нынешнего вождя и всем миром избрать нового, но вождь приказал посадить всех на кол. Видно, этого тоже оставили для жертвенника. Откуда дикарям знать, что айвары и так выбирают вождей всем миром?

— Йона, ты нас не видела, хорошо? — медоточивым голосом произнёс следопыт, подпоясываясь ремнём с ножнами. — У Олле были какие-нибудь припасы? Сушеное мясо, бобы, сухари? Принеси.

Девушка только хлопала глазами. Чужаки сбегают. В ней боролось два желания, убежать и рассказать всё вождю, и желание уйти с ними. Повидать мир. Быть с мужем, пусть и пока ещё таким чужим.

— Хорошо, — кивнула она и принялась опустошать полки с запасами.

Ровио взял со стены двуручный топор, богато украшенный травлением. Рисунок изображал какую-то из древних битв. Топор солдату не понравился, и он методично снимал оружие со стен, подбирая себе по руке. Наконец, он остановился на боевом копье и щите. На щите тоже имелся рисунок, что-то из мифологии айваров. Бородатые мужи воздели руки к небу, а из облаков выглядывают медведица с медвежатами. Ничего интересного. Ровио сунул щит в кожаный чехол и повесил за спину.

Припасов в дорогу набралось изрядно. Вяленая рыба, мясо, сушёные овощи, крупы, орехи, сухари. В самый раз, чтобы дойти до ближайшего поселения. Йона, складывая продукты в заплечный мешок, спросила дрожащим голосом:

— Гарольд, а можно с вами?

Беглецы переглянулись. Привычка подсказывала идти одному, здравый смысл говорил идти вдвоём с Ровио. Девушка стала бы задерживать их в пути, и, случись что, она может сдать их преследователям. Ровио шёпотом посоветовал прикончить девку.

— Ты станешь обузой, — немного погодя, ответил Гарольд. Негласно он уже стал лидером отряда.

Йона, не говоря ни слова, продолжила собирать вещи. Мужчины терпеливо ждали, изредка поглядывая в окна. Погони ещё не было, но уже скоро их отсутствие обнаружат. Ещё чуть-чуть, и им придётся бежать, не оглядываясь.

— Поживее, — проскрипел Ровио, барабана пальцами по древку копья.

— Будь благодарен, чужак, что я вообще вам помогаю, — ответила девушка. — За вами отправят лучших воинов и охотников. Вам не скрыться.

— Это мы ещё посмотрим, — процедил Гарольд, глядя в окно.

— Я знаю эти леса, возьмите меня с собой, умоляю! Я готова идти наравне с вами, нести вещи наравне с вами! Не оставляйте меня здесь! Мне уже не будет спокойной жизни, после того, что ты сделал!

Гарольд замер. В самом деле, кто она теперь? Вдова, причем, можно сказать, уже дважды. После того, как он сбежит, её просто вышвырнут на улицу, на смерть. К тому же, девчонка и в самом деле могла пригодиться. Кашеварить и ходить за водой может даже ребёнок.

— Хорошо, собирайся с нами. Только быстро, — следопыт задумчиво потёр подбородок.

— Я уже собрала! — радостно защебетала она. — Пойдёмте, нужно спешить, вождь наверняка уже вас ищет!

Ровио ухмыльнулся плотоядной щербатой улыбкой и весело пихнул Гарольда в бок.

Солнце уже зашло, на землю опустилась ночь, тёмная и пасмурная. В деревне промелькнул красный огонёк. Кто-то шёл с факелом в руках. Срочно требовалось уходить.

— За мной, — громко прошептала Йона и устремилась в лес, в темноту. Мужчины побежали следом, стараясь не шуметь. Получалось не очень.

— Куда ты нас ведёшь? — просипел Ровио на бегу.

— Доверьтесь мне, — ровным голосом ответила девушка. — Я знаю эти места лучше вас.

— Приведёшь в лапы к своим дружкам — зарежу на месте, поняла меня? — пригрозил старый проповедник. — Я тебе, девка, ни на грош не верю.

Гарольд бежал, погрузившись в раздумья. Что делать дальше? Вот он, шанс узнать почти всё, у него в руках, пыхтит рядом. Но с каждой минутой всё меньше хотелось сдавать графу своего сокамерника. Слишком злая шутка, вытащить его из одной тюрьмы, чтобы через месяц бросить в другую, на пытки и мучения. Да и идеи он проповедовал в чём-то справедливые.

Троица нырнула под тёмный покров леса, с каждым шагом удаляясь от деревни. Как ни странно, девчонка бежала быстрее обоих мужчин, и Ровио едва поспевал за ней. Позади уже слышались крики. Их пропажу обнаружили.

— Быстрее! — ускоряясь ещё больше, прошипела Йона.

Гарольд изо всех сил молился, чтобы ночью не выпал снег.

— Серо всё кругом, — задумчиво обронил один из завсегдатаев таверны, глядя в окно. Мелкий промозглый дождик противно стучал по крышам, и пепельного цвета тучи закрывали всё небо.

— Это всё, мать их, власть новая, — понизив голос и оглянувшись по сторонам, ответил ему собутыльник. — Как припёрлись в своих рясах, так и дождик мочит. Видать, богов прогневали чем.

— Не, брат, это как графа прирезали, так и боги обиделись. Чай, власть-то у нас от богов стояла, а мы эту самую власть и скинули. Как бы еще большей беды не вышло. Правильно народ этого стражника повесил.

За окном, печатая шаг, прошли четверо бойцов в черных одеяниях поверх доспехов. Собеседники, завидев их, сразу замолкли и уставились в свои кружки.

— Как на прошлой седмице одного типчика в подворотне сталью накормили, так сейчас по четверо ходят, — осклабился первый, не поднимая головы. Второй тихонько рассмеялся.

— Слышал давеча от племянника, что они сейчас по деревням ездят да с каждого двора по мешку зерна требуют. На дальнем хуторе мужики их на вилы поднять решили, так им спалили и хутор, и их самих вместе с бабами, детей разве что в город забрали, на воспитание, — мужик тяжело вздохнул и сплюнул прямо на пол.

Его собутыльник опустошил свою кружку и с грохотом поставил её на стол.

— Герда! Герда, налей мне ещё пива!

Хозяйка таверны оглядела зал. Необычно пусто для этого времени суток, но ничего не поделать. Все сидят по домам, ожидая, пока всё наладится.

— Ты мне как за пиво станешь платить, так и налью! — крикнула она в ответ.

— Да ладно тебе, всё равно никого нет, — улыбнулся ей мужчина.

Герда неохотно взяла кружку из-под стойки, но в это время в таверну вошёл заросший толстяк в засаленном кафтане.

— Вот, он есть! — она поставила кружку обратно, и, перекинув грязное полотенце через руку, отправилась к новому посетителю.

Толстяк сидел, опершись головой на кулак, всем своим видом выражая вселенскую скорбь.

— Что вам принести? — обратилась к нему Герда. — Максимилиан, это вы? Что вы здесь делаете? Что с вами?

— Уйди, — мрачно ответил торговец. — Я разорён. Из-за этих, — он махнул рукой в сторону площади.

Герда стояла, округлив глаза. Пальцы её машинально теребили грязное полотенце. Оба завсегдатая повернулись к ним, чтоб лучше видеть и слышать происходящее.

— Уходи, я тебе говорю, — прорычал толстяк. — Хотя нет, принеси мне самой крепкой выпивки.

Женщина убежала в подсобку, и вскоре вернулась с небольшим кувшином и кружкой.

— Хлебное вино, самое крепкое, какое есть, — поставила она посуду на стол.

Максимилиан жестом отправил её восвояси и одним махом влил в себя кружку вина. И

ещё. И ещё одну.

— А знаете, что самое мерзкое? — слегка захмелев после выпитого, спросил торговец у почти пустого зала. — Знаете? А то, что эти мрази сейчас радуются, пока в городе процветает серость, безбожие и разврат! И они нагревают на этом руки! Словно наш славный Мариград это дойная корова, которую...

Герда в ужасе подбежала к гостю и закрыла ему рот крепкой ладонью. Толстяк еще полсекунды что-то мычал, но быстро сдался.

— Что ты такое говоришь!? Тебя же повесят как изменника! И нас повесят за содействие! Тише с такими разговорами в моём заведении!

Два собутыльника переглянулись, и на их лица синхронно легла едва заметная улыбка.

По стенам кабинета плясали тени. В камине бодро потрескивали сухие дрова, и пламя лишь слегка разгоняло мрак. За столом, подбитым тёмным сукном, сторбился мужчина в чёрной рясе, опираясь на сложенные костяшки пальцев.

— Похоже, всё идёт не так, как мы предполагали, брат, — вполголоса произнёс мужчина, нервно постукивая пальцами. — Народ всё меньше поддерживает наше дело, и всё больше жаждет нас прогнать. Разве об этом мы мечтали?

— Не стоит сомневаться в мудрости Пастыря, брат, — ответил ему собеседник в таком же одеянии. Его смуглая кожа жирно блестела в свете камина, а густые чёрные усы топорщились в обе стороны. — Если так происходит, значит, это угодно богам.

— Оставь эту чушь для неофитов и проповедников, Карббал. Если богам угодно, чтоб в наших людей дети бросали камнями, вместо того, чтоб благодарить за освобождение от феодального гнета, то в пекло таких богов.

— Заткнись, — резко выплюнул тот. — Всё же ты недостаточно умён, чтоб понимать всю суть нашего дела. Твое понимание как раз на уровне неофитов и проповедников. Причем, самых худших проповедников, — Карббал стал нервно мерять шагами комнату. Три шага вперед, разворот, четыре шага и снова разворот. — Мельник, пойми, ты должен меньше думать о людях, и больше думать о нашем деле. Никаких сожалений, помнишь?

— Помню. Без сожалений, — мужчина оторвал голову от кулаков и поднял руку одновременно со словами. Собеседник повторил жест в точности до мелочей. — Я не сожалею о содеянном и всем сердцем хочу приближения полной нашей власти, но ведь такие методы не прибавляют нам сторонников. Как бы чего не вышло.

Карббал расхохотался в ответ.

— А что может выйти? Все влиятельные граждане куплены, стража целиком наша, вооруженные патрули на улицах охраняют спокойствие горожан, — явно кого-то передразнивая, произнес он. — Голозадые крестьяне не представляют угрозы. Больше работайте на местах, с населением, и всё будет хорошо.

— Работайте на местах? — закипел Мельник. — С населением? Поджигая хаты с детьми? То есть, затаптывать лошадьми баб — это работа на местах? А пытать у крестьян, где ухоронки и тайники, это работа с населением? Ты знаешь, в армии у нас это называлось одним простым словом. Разбой. И мы разбойников вешали вдоль дороги, чтоб неповадно было.

— Вступая сюда, ты отринул прошлое. И армию, и свои прошлые заслуги, и поступки. Не забывай, — спокойно ответил Карббал и заученно продекламировал: — Государство есть аппарат насилия в руках господствующего класса.

— Хватит, я прекрасно помню всё, чему нас учил Пастырь, — раздражённо процедил мужчина, разгибаясь от долгого сидения и похрустывая суставами. — Сбросить феодальный гнет, освободить крестьян, горожан и ремесленников, и прочее, и прочее. Только не говорил он о том, что придется для этого тех же самых крестьян убивать. Не для того я высокие посты бросил, чтоб холопов резать. Не для того.

— Что брошено — не вернёшь уже. Не заставляй меня задумываться о возможной измене.

Мельник устало потёр переносицу.

— Не тебе говорить об измене, Карббал, когда у тебя в покоях каждый день служанки новые. Измена как есть. Отступничество от всех принципов аскезы и прямое нарушение устава братства. Так что не тебе говорить об измене. Я доложу о нашей беседе Пастырю.

Карббал побагровел от злости, но сумел промолчать. Мельник поднялся из-за стола, прошёл к камину и подбросил в огонь пару поленьев, размешав чёрно-красные угли.

— До встречи, брат, — сквозь зубы проскрипел Карббал.

— До встречи, — вторил ему собеседник, усаживаясь обратно за стол. Там его ждали бумаги. Он срезал застывшую оплывину воска со свечи, запалил фитиль и принялся за работу.

Максимиллиан проснулся от того, что у него затекла шея. Жутко болела голова, и несколько минут он пробовал понять, где находится. Бревенчатый закопчённый потолок и крик петуха где-то за окном подсказывали, что он в деревне, но толстяк ясно помнил, что из города не выходил. Кое-как сумев разлепить ссохшиеся губы, он попытался сказать хоть слово, но из горла вырвался тихий свист. Нечеловеческим усилием заставив себя повернуться набок, он увидел прикроватную тумбочку и дверь. Таверна, понял он.

Хлебное вино настойчиво просилось наружу, и бывший торговец был вынужден поспешить во двор. Чем и когда он платил за комнату, Макс не помнил, и денег ни в кошельке, ни в поясе не оказалось. Заплатить за ночлег нечем, и за выпивку тоже. Похоже, его ждёт очень неприятный разговор с Гердой.

Почёсывая спутавшиеся волосы, он ввалился в зал. Внутри было пусто, и только одинокая служанка протирала пыль.

— А где Герда? — с недоумением спросил толстяк, тупо уставившись на девушку.

— На рынок ушла, — не отрываясь от работы, ответила служанка. — Велела вам вот это передать, как проснетесь.

Девушка быстро вложила в рыхлую ладонь смятый клочок бумаги.

— Господин, позвольте ещё совет?

Максимиллиан неопределённо кивнул, пряча записку в карман.

— Будьте осторожнее, ради всего святого.

Он снова кивнул и, отойдя от окон, с тихим шуршанием развернул записку. На ней корявым мелким почерком было написано:

Приходи в аптеку Бергтера, спроси микстуру от заворота кишок. Это важно.

Толстяк смял записку и бросил обратно в карман. Служанка, не обращая на него внимания, старательно продолжала свою работу. Макс, источая сивушный запах перегара, отправился на улицу.

Солнце сегодня светило особенно ярко. Тучи куда-то пропали за ночь, и теперь небо сверкало необычной для осени голубизной. Многочисленные лужи покрылись тонкой

корочкой льда, и дети, весело смеясь, бегали по хрустящему льду.

Аптека находилась неподалёку от площади, и сладковатое зловоние разлагающихся висельников, казалось, было повсюду. Бергтер, низкий мужичок с залысинами на седой голове, стоял за стойкой спиной к двери и проверял имеющиеся препараты, ежеминутно сверяясь с толстой тетрадью в кожаном переплёте. Казалось, он уже привык к запаху и не обращал на него внимания. В отличие от Максимилиана, который то и дело подавлял приступы тошноты.

— Послушай, Гвидо... — несколько неприязненно пробормотал толстяк. Он всегда недолюбливал этого скользкого аптекаря, который, по слухам, приторговывал опиум, белилами и полынной настойкой, которые дурманят голову. — Гвидо, мне нужна микстура от заворота кишок.

Аптекарь нехотя обернулся и ощупал Максимилиана липким подозрительным взглядом. Наконец, он повернулся обратно к полкам и нарочито небрежно произнёс:

— Кажется, в подсобке где-то была. Пошли за мной.

Максимилиан протиснулся между стойкой и стеной и прошёл следом за аптекарем, который юркнул в подсобку, словно крыса в нору. Повсюду стояли ящики с пузырьками и бутылками, на верёвках под потолком сушились лекарственные растения и незнакомые Максиму корешки, плоды и ягоды.

Бергтер остановился перед одним из ящиков и ногой отпихнул его в сторону. Взору Максимилиана открылся люк.

— Полезай, — скомандовал Гвидо, мотнув лысой головой в сторону люка.

— Зачем? — недоуменно спросил толстяк, разглядывая дощатую крышку с прибитым кольцом.

— Полезай, а не спрашивай, — устало вздохнул аптекарь, помогая открыть лаз. Внизу было темно, но слышались тихие голоса.

Толстяк подобрался и попытался спуститься вниз. Ступеньки жалобно скрипели, но испытание выдержали достойно. Бергтер закрыл люк, и сверху послышались торопливые шаги.

Внизу оказалось достаточно просторно. На столе горело несколько фитилей, тускло освещая лица собравшихся, которые вели какое-то обсуждение. Вдоль стен, как и наверху, стояли полки и ящики с бутылками, порошками и припарками. Книжный шкаф притулился к другой стене, а рядом с ним на столике стояли реторты, колбы, пробирки и дистилляторы. Пахло травами, особенно выделялся запах полыни. Похоже, здесь у Гвидо была тайная лаборатория.

— Понимаете, надо действовать уже сейчас! — нетерпеливо ворчал широкий бородатый мужик, похожий на портового рабочего. — Пока мы медлим и думаем, они убивают и жгут!

Почти каждое слово он сопровождал резким хлопком ладони по столу. Максимилиан стоял у лестницы и слушал.

— Нужно внедрить к ним своего человека, разведать планы, и только потом переходить к активным действиям, Мирон, — устало повторял долговязый парень с забинтованной головой. Пантей, из цеха сапожников, узнал его толстяк.

— И кого ты собрался внедрять? Кто согласится этим собакам служить? — тихо рычал Мирон.

— Да хоть я сам, неважно. Главное, разузнать побольше, и использовать это правильно, — спокойно отвечал парень.

— Ты? — Мирон даже расхохотался от удивления. — Ты, Пантей? После всего, что они тебе сделали? Тебя же весь город предателем заклеймит, боги проклянут за жену и дочку!

Парень стоял, сжимая кулаки.

— Так я хотя бы смогу отомстить им всем. А если мы просто пойдём убивать каждого чернорясника на улицах, нас быстро схватят и повесят, — процедил он сквозь зубы.

— Мирон прав, медлить нельзя, — раздался звонкий женский голос откуда-то из темноты.

Толстяк с удивлением узнал этот голос. Вот куда, оказывается, ходит Фрида почти каждый день. А не к колодцу, как она говорит.

— И ты туда же? — Пантей нервно повёл плечами.

— Я думаю, нужно дождаться императорских войск, — произнёс Максимилиан, стараясь разрядить конфликт.

— А это ещё кто такой? — со злостью прорычал Мирон, резко оборачиваясь к лестнице.

— Это Максимилиан, самый уважаемый купец города, — подала голос Герда.

— Был купец, — усмехнулся толстяк. — Наши общие "друзья" конфисковали весь товар и взяли с меня, как они выразились, особый налог. Жадные мрази.

— А ты знаешь, купец, что император сейчас воюет с наёмниками своего брата-бастарда? Ему совсем не до нашего захолустного Пограничья, — отверг предложение толстяка Мирон.

— Что!? — у Макса глаза на лоб полезли от удивления.

— А вот что. Слухи давно ползли, а вчера ещё и караван из столицы пришёл. Рассказали.

Максимилиан вздохнул и опустил плечи. Всё пропало. Пантей внимательно оглядел купца и одобрительно хмыкнул.

— Слушайте, а может, его внедрить? Никто не удивится. Жажда наживы, и купец готов хоть самым демонам служить. Торгаши, они такие.

Бывший купец тактично промолчал.

Вечером следующего дня Макс брёл по площади. Трупы наконец-то сняли, но он знал, что это ненадолго, и вскоре виселица опять заполнится. Впереди высилась чёрная громада замка, словно тоже укрытая поганой рясой. Скоро и Максусу придется нацепить одеяние послушника. Каждый вечер захватчики читали во дворе замка свои проповеди. На улицах они тоже проповедовали, но тех, кто заинтересован, звали в замок.

— И возрадовался Отец, ибо равными стали дети его! И старшие, и младшие! Сыновья и дочери!

Толстяк немного опоздал, но никто не обратил внимания. Люди спокойно входили и уходили, послушав лживые речи о равенстве, свободе и всеобщем счастье. Такого не бывает, горько усмехнулся Максимилиан.

Проповедник, худой как жердь, громогласно вещал с перевёрнутой бочки. И как только в таком тщедушном теле умещается такой голос, подумал купец.

— Счастье пролилось на землю, изобилие и процветание! — вдохновенно декламировал проповедник.

— Работать надо, а не баб с мужиками равнять, — вполголоса произнёс кто-то в толпе. На него тут же зашикали, но Максимилиан улыбнулся. Не все здесь одурманенные фанатики.

— И лишь та власть священна, сказал Отец, которая избрана народом и мною! И ни одно государство, ни один царь не устоит перед моей волей и волей моих избранников! Ибо

святость моя дает им силу!

Толстяк со скучающим видом стоял у крепостной стены и разглядывал проходящих мимо чернорясников. Некоторые, по всей видимости, охранники, стояли в толпе и пристально следили за происходящим. Другие сновали из города в замок и обратно. С поручениями от своих "братьев", как понял Макс. Третьи просто стояли и слушали истории об Отце и его учении.

Солнце уже клонилось к западу, а проповедник всё говорил, ни разу не остановившись отдохнуть или попить воды. Наконец, речь остановилась, и Макс даже слегка опешил от внезапно наступившей тишины. Толпа молча расходилась. Купец поспешил к проповеднику.

— Брат! Меня вдохновили твои речи! Могу ли я услышать ещё? — старательно изображая интерес, воззвал к нему толстяк.

— Приходи сюда завтра, и я расскажу ещё, — спокойным глубоким голосом ответил тот.

— Я хочу узнать больше, чем ты рассказываешь толпе! — объяснил свою просьбу Макс. Проповедник почесал небритую шею, осматривая собеседника.

— У тебя знакомое лицо, — произнес он.

— Я был купцом. В цеху состоял. Теперь я стал соблюдать аскезу и отдал все свои сбережения на общее дело, — ответил Макс, нацепив маску дружелюбия. Внутри бурлила ненависть и злость, но он талантливо скрывал свои чувства.

— Пойдём за мной, брат, — добродушно улыбнулся проповедник, и Максимилиан улыбнулся ему в ответ. Годы торговли научили толстяка мастерски контролировать эмоции и уверять явного врага в искренней дружбе. Вот и сейчас он небезуспешно демонстрировал всё своё умение.

С тех пор, как купец бывал в замке в последний раз, изменилось немного. Всё так же на стенах висят картины в богато украшенных рамах, гобелены и гравюры, изящные подсвечники тонкой работы и шикарные люстры. Чересчур богато, до вульгарности, для тех, кто проповедует аскезу и равенство.

Проповедник вёл его наверх, в донжон. Туда, где заседала вся верхушка чернорясников, понял толстяк.

Кабинет казался смутно знакомым. Скорее всего, здесь Хуго принимал высокопоставленных гостей, и торговцу однажды посчастливилось быть среди них. Но сейчас в кабинете расположился один из девяти наместников, новых хозяев города. Он сидел за столом, который ломился от различных яств. Тут и целиком запечённая индейка, и чёрная икра, и даже заморские фрукты, которые Максимилиан видел впервые. Он почувствовал, как слюна заполняет рот, ведь поужинать ему ещё не довелось.

Мужчина за столом рассеянно посмотрел на вошедших. По неопрятной бороде стекала капля вина, маленькие мутные глазки бегали из стороны в сторону. Рыхлое тело утопало в кресле, укрытое чёрным балахоном. В целом, он был похож на пивную бочку, увенчанную маленькой головой. Поглядев на хозяина кабинета, Макс подобрался и тихонько улыбнулся про себя. Оказывается, он ещё не самый толстый в этом городе.

— Ч-ч-чего в-вам надо? Армин, к-к-кто это? — растерянно спросил мужчина, явно стыдясь, что его увидели во время трапезы.

— Он хочет услышать больше. Я думаю, ему стоит показать одну из проповедей Пастыря.

Мужчина задумчиво поворошил редкую шевелюру.

— А ч-ч-чем он з-заслужил такую ч-ч-честь?

Теперь задумались гости.

— Пивовар, он пожертвовал всё своё состояние на наше общее дело. Без сожалений, — выкрутился Армин.

Макс степенно кивнул, зная, что это не так. К нему всего лишь пришли с обыском и под угрозой смерти заставили отдать всё, что он имел. Товары на складе, наличные деньги и драгоценности. Можно сказать, он купил себе жизнь.

Пивовар указал на дверь обглоданной косточкой.

— П-п-пастырь с-с-сейчас в п-подзем-мелье, его т-т-тревожить нельзя, — произнёс он.

Проповедник нахмурился. Макс удивлённо посмотрел на обоих чернорясников.

— Я могу подождать, сколько угодно, — тихо произнёс купец. Подземелья замка были известны дурной славой давным-давно. Граф Хуго и вовсе проводил там большую часть дня. Не хотелось бы оказаться там наедине с этими захватчиками.

— Ладно, придёшь завтра, хорошо? — Армин ласково улыбнулся своему протезе. — Наши двери всегда открыты для тебя.

Максимиллиан кивнул. Всё это очень настораживало, но он пообещал прийти снова.

С каждым днём становилось всё холоднее и холоднее. Утро встречало уже не ласковым солнцем, греющим тело и душу, а стылým ветром и снегом на траве, который таял только к полудню.

Гарольд равнодушно строгал себе посох, мельком поглядывая на своих новых знакомых. Йона разводила небольшой костерок, следя за тем, чтоб не было дыма. Нельзя давать лишний повод себя обнаружить. Ровио нагло досматривал утренние сны, пока остальные занимались делом, на попытки разбудить его отвечая невнятными ругательствами. Впрочем, половина ночной вахты была за ним, и он заслужил право поспать.

Беглецы ушли вглубь леса, двигаясь на север. Йона предложила пойти так, решив, что её соплеменники в болото не сунутся. Тайга медленно превратилась в сборище кривых ёлочек, сплошь поросших мхом. Следопыт её идею воспринял критично, но возражать не стал. Бежать на запад, к реке, было бы глупо. Переправа там только одна, и их там наверняка будут ждать. Пока они пробираются через лес, айвары пройдут по большаку и возьмут их в тиски. А втроём противостоять целому племени не очень-то хотелось.

Закопчённый сотнями костров походный котелок занял своё привычное место. Воду добыть здесь было нетрудно, достаточно просто несколько раз копнуть, но добытую таким образом жидкость пить было невозможно. И там, где до этого можно было обойтись без костра, приходилось каждое утро кипятить себе воду на день. Запасённые бурдюки кончились через пару дней похода.

— Йона, далеко нам ещё до реки? — поинтересовался бородач, устало потягиваясь после долгого сна.

— Смотря какой реки, — ответила девушка. — Если до Сосновой, то дня четыре. Если до Золотой, то она уже ближе, до вечера можно успеть.

— А ты откуда так хорошо лес знаешь? — спросил, в свою очередь, Гарольд.

— У нас в племени все охотятся, и мужики, и бабы, и дети, — улыбнулась она.

Следопыт нахмурился. Это было их спасением и их проклятием. Без девушки они бы не смогли так далеко оторваться от преследователей, но и насовсем запутать следы не получалось. Проклятые дикари никак не хотели оставить их в покое, всё время находясь на

шаг позади. Это изматывало похуже всякой пытки. Постоянное нервное напряжение ни на минуту не исчезало, и даже в редкие минуты сна Гарольд вздрагивал и просыпался, озираясь по сторонам.

Вода наконец-то закипела, и Йона бросила в котелок несколько листочков кипрея, душистой травы, чтобы отбить торфяной вкус. Через несколько минут отвар был готов, и можно было продолжать путь. Растоптав и прикрыв сырым мхом кострище, Гарольд повесил котелок на палку и пошёл замыкающим. Лишние следы им ни к чему. А завтракать беглецы уже привыкли на ходу.

Под ногами начало хлюпать. Болото приветствует новых гостей. Ровио заметно оживился, увидев красные ягоды.

— Это ж журавлинка! Погодите, я сбегая, собираю! Вкусно же! — заулыбался он, но Гарольд покачал головой.

— В другой раз пособираешь. Нам, знаешь ли, некогда. Где-то там, — следопыт махнул рукой себе за спину, — Где-то там ходят очень злые на нас люди, и пока ты жрёшь ягоды, они идут. Ты спишь, а они идут. И не с подарками идут, — Гарольд, обычно молчаливый и мрачный как грозовая туча, заметно нервничал.

Ровио понуро кивнул и оставил свою затею. Девушка обернулась и с беспокойством взглянула на мужа.

Впереди открывался мрачный пейзаж торфяного болота. Кочки, усеянные мелкими ягодками и травой, окна чёрной воды и редкие деревца, непонятным образом выживающие на редких клочках твёрдой почвы. Казалось, даже небо нахмурилось ещё сильнее. От близости к воде похолодало ещё сильнее, и путникам пришлось закутаться в плащи.

Один только бородач не терял присутствия духа, и тихим голосом травил похабные истории. Йона краснела, а Гарольд только хмурился, пока вовсе не попросил тишины. Отношения с бывшим солдатом после побега не клеились, и Ровио только раздражал его своими глупыми шуточками, подколками и постоянными историями. Следопыт привык быть наедине с природой, и постоянное присутствие сразу двоих людей выводило его из себя. Порой даже сильнее, чем преследование айварами.

Йона резко остановилась, вскинув руку в предупреждающем жесте. Мужчины разом схватились за оружие, нервно переглядываясь.

— Дальше придётся по кочкам прыгать. Я первая, две кочки пройду, затем вы, — обречённо сказала девушка, проверяя следующий островок растительности палкой. Кучка мха и травы легко ушла под воду. Только третий сгусток зелени оказался надёжным.

Дикарка легко оттолкнулась от земли и приземлилась точно на намеченное место, сразу намечая себе дальнейший путь. Брызги мутной воды попали на плащ Ровио, и без того грязный, но бородач всё равно тихо выругался.

— Думаешь, получится болото пройти и сухим остаться? — засмеялась девушка. — Проще, наверное, птицей обернуться.

Прыжок бывшего проповедника такой грацией, как у дикарки, похвастаться не мог. Нога соскользнула, и Ровио едва не плюхнулся в бочаг целиком. Рассерженные лягушки тревожно квакали и урчали, а в небо из зарослей неподалёку вспорхнули несколько птиц. Гарольд усмехнулся, переливая отвар из котелка в бурдюк и ожидая, пока бородач отойдет подальше. Скакать по болоту с ведром воды за спиной — не лучшая идея.

Уже через пару часов все трое стояли посреди болота, мокрые и усталые. Границы топей даже не было видно. Позади, в лесу, беглецы увидели белый дымок. Айвары уже и не

думали скрываться. Оставалось только надеяться, что они не станут их преследовать дальше.

На опушке леса дикари устроили привал, справедливо считая, что добыча никуда не денется, ведь на западе топкие места плавно превращаются в озеро-исток Золотой реки, а до северного края болот не доходил никто. По крайней мере, никто не возвращался.

Беглецы тоже страстно желали отдохнуть, но останавливаться было нельзя. Да и негде остановиться, когда вокруг только холодная вода, а редкие твёрдые места имеют размер чуть меньше тарелки. Уже давно впереди не виднелись островки надёжной земли, а кочки, которые выбирала Йона, всё хуже выдерживали вес человека.

— Да когда же это всё кончится, — выругался Ровио, в очередной раз выливая воду из сапог.

— Можешь вернуться, — холодно бросил Гарольд, терпеливо дожидаясь, пока бородач перепрыгнет на следующий участок суши.

— Нет уж, спасибо, — в тон ему ответил бывший солдат, прыгая дальше.

— Не туда! — закричала Йона, глядя, как над головой бородача смыкаются чёрные воды трясины.

Гарольд опешил. В голове вспыхнула вся та злость, что накопилась за время путешествия. Порой так хотелось придушить назойливого попугайчика, а тут сама судьба даёт ему шанс избавиться от надоедливого Ровио.

— Да не стой же ты! Тяни его! — крик девушки вывел следопыта из ступора.

Гарольд отбросил сомнения и быстро ткнул посохом в воду. Пальцы бородача крепко сжали палку, и охотник потянул его на себя. Трясина никак не хотела отпускать своего пленника, но вскоре Ровио с шумным вдохом вынырнул на поверхность, перемазанный в грязи и тине. Гарольд помог ему взобраться на кочку.

— Раздевайся и выжимай всё, — посоветовал опытный следопыт.

Бородач кивнул, дрожа от холода и пережитого ужаса. Мокрый и грязный, он был похож на дворового кота, облитого помоями. Коченеющими руками Ровио стянул с себя одежду, попутно отрывая присосавшихся пиявок.

— М-м-мешок п-п-потерял, — стуча зубами, произнес он.

Гарольд равнодушно посмотрел в воду. Болото, покрытое мелкой рябью, едва колыхалось. Последние лягушки урчали, словно в насмешку.

— Который с припасами? — уточнил следопыт.

Ровио кивнул, снова выливая воду из сапога.

— Придётся затянуть пояса потуже. Особенно тебе. Одевайся и дальше пошли.

Йона нервно теребила край плаща. Похоже, они всё-таки попали в западню. Перед ней расстилалась водная гладь с редкими зарослями камыша. Озеро, будь оно проклято. Назад пути тоже не было, они измотаны и ослаблены, а на берегу ждёт засада. Придётся повернуть на север, и только боги ведают, как далеко им ещё идти.

Солнце поднялось в зенит, немного согревая усталых путников. На противоположном берегу виднелись редкие деревья, и это внушало надежду, что скоро они выйдут на сушу. Летом можно было бы попытаться переплыть озеро, но сейчас это привело бы к неминуемой гибели. Ровио после своего купания всё ещё дрожал от холода.

— Т-ты точно знаешь, к-куда идти? — голос бородача перемежается со стуком зубов.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Раньше здесь можно было пройти... А теперь... — нахмурилась она.

— Т-точно надо было тебя п-прирезать, — буркнул Ровио.

— А тебя надо было оставить в болоте, — обиделась девушка.

Гарольд цепким взглядом осматривал местность, пропуская мимо ушей болтовню дикарки и проповедника. Обострившееся чувство опасности кричало о том, что за ними следят. Или это просто паранойя.

Топкие места сменились мшистыми полянками, поросшими ягодами, но под ногами по-прежнему ощутимо хлюпало. Однако, им не приходилось прыгать по скользким кочкам, и за это путники благодарили всех богов. Выйдя на место посуше, Гарольд скомандовал привал, и все трое устало повалились на землю.

— Демоны бы это болото побрали, — выругался бородач, горстями закидывая в рот мелкие ягоды журавлилки и морщась от кислого вкуса.

— Не накликай, — мрачно произнес Гарольд, прикладываясь к бурдюку. Отвар по-прежнему отдавал противным запахом торфа. Утолив жажду, Гарольд передал бурдюк дальше.

— Костерок бы сейчас, — не обращая внимания на следопыта, протянул Ровио, кутаясь в насквозь мокрый плащ.

Йона и Гарольд одновременно фыркнули, выражая презрение. Переглянулись, и так же одновременно рассмеялись непонятно чему. Проповедник нахохлился и отвернулся.

Долгого отдыха беглецы себе не могли позволить, и через несколько минут двинулись дальше. Гарольд клятвенно пообещал себе, что в ближайшей таверне напьётся до потери памяти. Если выберется из этой передраги.

Как назло, над болотом начали сгущаться тучи. Лягушки, словно по команде, заквакали ещё громче.

— Ливень зарядит, сильный, — предсказала Йона, немного ускоряя шаг. Ей, как и всем остальным, хотелось бы добраться до леса как можно скорее.

— А я думал, хуже уже не будет, — буркнул Ровио, сплёвывая в мутную болотную жижу.

— Будет. Взгляните туда, — произнёс следопыт, указывая куда-то на запад. Там, вдалеке, на поверхности озера виднелись две чёрные точки.

Все трое скверно выругались. Лодки в этом богами забытом месте не могли предвещать ничего хорошего. В каждой наверняка сидит по паре-тройке злых вооружённых дикарей, которые так и жаждут посадить беглецов на кол. Гарольд на всякий случай проверил, как меч выходит из ножен.

— Быстро гребут, сволочи, — прошипел бородач. — Может, подальше в болото уйти? Им придется из лодочек вылезать, а мы их в трясине и похороним.

— Нет. Идём дальше, — скомандовал Гарольд. — Если ливень будет, вода подняться может. И сами заперты окажемся, и на лодках до нас доберутся.

— Разумно, — согласился старый солдат.

Йона молча вела отряд вдоль топкого берега. Грядущая схватка с соплеменниками наводила на мрачные мысли. Одно дело, помочь мужу сбежать от неминуемой смерти, и совсем другое — биться против родных, друзей и соседей.

— На меня в драке можете не рассчитывать, — приглушённо сказала она.

Ровио послал испепеляющий взгляд ей в спину.

— Ну и зачем ты нам нужна? Дикарка, демоны тебя раздери. В который раз уже убеждаюсь... — начал было он, но Гарольд грубо прервал своего спутника.

— Без неё мы бы из деревни даже не вышли. Так что будь добр заткнуться, — прорычал

следопыт, с удивлением замечая благодарный взгляд жены и злобный — Ровио.

Кажется, этого он долго не забудет. Поводов нервничать становится всё больше, если не хочется однажды стать заколотым во сне.

Небо, прежде пепельно-серое, теперь наливалось чернотой. Первые капли не заставили себя долго ждать, маленькими снарядами падая в воду. Уже через несколько минут ливень сплошной стеной хлестал по головам путников. Гарольд с тяжёлым вздохом снял тетиву с арбалета. При такой погоде использовать его было невозможно. И если их догонят, то теперь придётся положиться только на верный меч. Вдвоём против пяти-шести дикарей, проворных как белки, и опасных, словно змеи. Не самый хороший расклад. Если прозевать момент высадки, то и вовсе смертельный. А при таком дожде видно было только спину идущего впереди Ровио.

Путники ощутимо замедлились. По щиколотку в воде, Йона уже не могла видеть, куда идти, и каждый шаг приходилось проверять тычком посоха. К счастью, берег озера как раз поворачивал на запад, и можно было надеяться, что вскоре они выйдут к истоку реки. А там недолго и до твёрдой земли.

Гарольд постоянно прислушивался к плеску воды, пытаясь определить, где находятся лодки, но из-за шума дождя и шлёпанья сапог ничего не получалось. К тому же, они продвигались слишком медленно. Слишком громко. Слишком заметно, даже под прикрытием ливня и зарослей камыша.

— Стойте! Тихо ложимся на землю и не двигаемся, — тихим голосом приказал он, опускаясь прямо в жидкую грязь.

— Чтоб тебя демоны разорвали... — едва слышно пробормотал Ровио, неохотно выполняя приказ. Йона, в отличие от него, молча припала к земле.

Холодная болотная жижа немедленно просочилась сквозь одежду, но это было приемлемой ценой за жизнь. Лучше полчаса полежать в грязи, чем остаться здесь навечно.

Вскоре слева от них послышался плеск вёсел. Лодки медленно проплыли мимо, унося смертельную угрозу с собой. Едва слышные голоса раздражённо переговаривались на айварском, очевидно, проклиная дождь, болото и этих злополучных беглецов, из-за которых они в такую погоду попёрлись на это самое болото.

Когда плеск стал затихать, Гарольд осторожно поднялся и выглянул из-за камышей. Две лодки из кожи и деревянного каркаса, большая и чуть поменьше, прочёсывали заросли чуть впереди. Три воина и два гребца, спиной к нему. Арбалет сейчас бы очень пригодился, существенно повысив шансы на выживание, но ливень испортил все планы.

Ровио крупно дрожал, лёжа в холодной воде. Нужно срочно выходить к людям, иначе до зимы он не доживёт, подумалось Гарольду. Не для того он вытаскивал бородача из трясины, чтоб тот умер от простуды.

Ливень немного затих, и следопыту пришлось снова затаиться. Лишь когда лодки отплыли на расстояние выстрела, он приказал идти дальше. На этот раз первым пошёл он сам, быстро проверяя почву перед собой. Йона двигалась позади, присматривая за Ровио. Тот едва тащился следом за охотником, иногда оступаясь и поскользываясь. Простуда не заставила себя долго ждать, и бородач снова стучал зубами от холода. Впрочем, на вопросы о самочувствии он только отшучивался.

Земля под ногами становилась всё прочнее, и если бы не лодки, то уже через час или два беглецы вышли бы на твёрдый берег, но при малейшем признаке опасности Гарольд приказывал лечь. Это изрядно замедляло и вдобавок злило. Радовало только то, что ночевать

на болоте уже не придётся.

Лодки, похоже, собрались развернуться и прочесать берег ещё раз. Как назло, заросли кончились, и спрятаться стало гораздо тяжелее. Почти невозможно.

Гарольд присел и начал судорожно копаться в сумке, отыскивая тетиву. Если схватки не избежать, то арбалет станет очень хорошим подспорьем в грядущей битве. Если их не заметят, то перестраховаться всё равно не мешало. Следопыт натянул тетиву и наложил болт. Ровио злобно выругался, поудобнее перехватывая трофейное копьё и оглядываясь назад.

— Ты уверен, что она мне в спину не ударит? — громким шёпотом спросил он. Йона фыркнула, заслышав такое.

Гарольд посмотрел на жену и задумчиво кивнул, заслужив ещё один благодарный взгляд.

В голову пришла безумная идея потопить лодку, пробив шкуры метким выстрелом, но следопыт отнёс её, как неосуществимую. Да и враги уже слишком близко, чтоб добраться до них и без лодки.

Йона едва слышно юркнула в камыши и затаилась. Айвары приближались, но заметить беглецов ещё не успели. С шумом втянув воздух, Гарольд встал.

Первый болт ударил в гребца, который замертво повалился в воду, так и не выпустив из рук короткого весла. Его лодка накренилась и перевернулась, оставив пассажира барахтаться в ледяной воде.

Дикари закричали что-то на своём языке, и вторая лодка заметно ускорила, идя прямо на беглецов. Гарольд на пределе возможностей перезарядил арбалет и выстрелил снова. Болт просвистел рядом с головой дикаря, и следопыт грязно выругался. Ещё один выстрел он сделать уже не успеет.

Лодка ткнулась в берег неподалёку от укрытия Йоны, и трое дикарей с рёвом кинулись в драку. Гарольд обнажил меч, краем зрения наблюдая за бывшим солдатом. Тот умело выставил копьё перед собой, чуть покачивая остриём. В его действиях чувствовалась сноровка, стало быть, помощь ему, в случае чего, не потребуется.

Дикарь, широко размахнувшись, опустил топор, целясь в голову следопыта, и Гарольд легко увернулся. Айвар был открыт для удара, но грязь под ногами предательски хлюпнула, засасывая сапог, и следопыт не рискнул атаковать. Ещё один дикарь держался чуть позади первого, готовый прикрыть товарища копьём. Третий, по всей видимости, гребец, уверенно наседавал на Ровио, который стойко держался, изредка ударяя в ответ.

Айвар делал скупые выпады, экономя силы, и это было разумно. Измотать беглеца, заставить ошибиться и, наконец, прикончить — такой тактикой и сам Гарольд не раз пользовался. Особенно, если противник превосходит тебя воинским умением. Следопыт несколько раз попытался контратаковать, но каждый удар приходилось останавливать, иначе он рисковал напороться на копьё. Обойти тоже не удавалось, с одной стороны дикарей прикрывала трясина, а с другой — озеро.

Гарольд взмахнул мечом, приближаясь к воину. Копьё мелькнуло справа, и охотник стремительно бросился в противоположную сторону, толкая дикаря и закрываясь от ударов второго противника. Атаковать, сбить с толку, привести в замешательство! Только так можно выжить, сражаясь с множеством врагов, ведь любую оборону рано или поздно удастся вскрыть.

Топор мелькнул прошёл над головой следопыта, и тот ударил дикаря в пах. Айвар

согнулся, оседая на землю, и Гарольд едва успел отскочить от копья, метящего ему в грудь. Меч с противным звуком вонзился в лицо беспомощного дикаря, и следопыт поморщился. Дрянная смерть.

Копейщик завыл по-волчьи, делая несколько быстрых выпадов, в голову, в ноги и в живот. Гарольд увернулся, широко ухмыляясь сопернику. Битва превратилась в смертельный танец, и ведущим в танце был следопыт. Он попытался ухватиться за копьё, но дикарь этого ожидал, и резко ударил Гарольда древком в колено. Парализующая боль, и теперь уже айвар сверкает злобной улыбкой.

Йона тихо сидела в камышах, не зная, что делать. Если помочь вернуть беглецов, ей могут позволить остаться в племени. Червь сомнения закрадывался в сердце, и она вздрагивала каждый раз, когда Гарольд снова уходил от удара в последний момент.

Инициативу перехватил дикарь, и наконечник копья сверкал в воздухе в попытках найти уязвимое место. Колено нестерпимо болело, и уворачиваться от смерти становилось всё труднее. Гарольд с жалостью подумал об отсутствии щита, но в походах он обычно становился обузой. Несмотря на холодный осенний ветер, становилось жарко.

Мысленно проклиная всё на свете, Гарольд в очередной раз прыгнул в сторону. Копьё проткнуло рукав, оцарапало плечо и запуталось в складках куртки. Следопыт мгновенно среагировал, резким ударом отправляя дикаря в страну вечной охоты. Небольшим фонтанчиком брызнула кровь, и копейщик повалился вниз.

Следопыт огляделся. Ровио из последних сил защищался, отступая всё дальше в болото, но споткнулся о кочку и повалился на спину. Его противник издал ликующий вопль, и занёс топор над головой, но Гарольд метким броском копья прервал его радость. Ровио с шумом выдохнул, когда из груди дикаря показался окровавленный наконечник.

— Сзади! — раздался крик Йоны, и следопыт обернулся.

Из зарослей камыша показалась мощная фигура, облепленная грязью и водорослями. Последний дикарь заревел как буйвол и бросился в атаку. Гарольд с ужасом узнал его, этот айвар был одним из лучших воинов племени. Гарольд помнил, как презрительно кривилось его лицо во время битвы с Олле.

Топор дикаря, тяжёлый на вид, порхал словно бабочка, вынуждая следопыта отступать. На помощь рассчитывать не приходилось, этот здоровяк порубит на куски всех троих, даже не запыхавшись. Тем более сейчас, когда беглецы измотаны предыдущей схваткой.

Гарольд отбивал умелые выпады, отходя всё дальше в болото. Сапоги погружались в грязную жижу, замедляя движение. Дикарь знал, что делал. Он злобно вращал топором, показывая мастерство, и выкрикивал боевые кличи, распаляя себя и пытаясь испугать Гарольда.

Ровио глядел на обезумевшего айвара. В драке с ним у него нет никаких шансов, но кое-чем помочь следопыту он ещё может. Копьё прожужжало совсем рядом с головой дикаря, но тот даже не обратил внимания, как не обращают внимания на играющих детей. Ровио выругался, и выдрал ещё одно копьё из спины гребца. Оно уже спасло одну жизнь сегодня, может быть, спасёт ещё. Бросок, и снова мимо. Проклиная собственную меткость, Ровио лихорадочно осматривался в поисках оружия, пока следопыт отбивался от ударов гиганта.

Затрещал камыш, и из зарослей, наконец, выбежала Йона. На бегу подобрав топор, она помчалась на помощь к мужу, выкрикивая что-то на родном языке. Дикарь обернулся на крик, и это его сгубило. Клинок одним движением рассёк могучую шею, и айвар с хрипами упал на колени. Девушка подошла к соплеменнику, произнесла несколько слов, и

милосердно добила раненого.

Гарольд подставил окровавленное лицо струям дождя и закрыл глаза.

— Что ты ему сказала? — спросил он.

Йона смутилась.

— Пожелала хорошей охоты. Он славно бился сегодня, — ответила она и Гарольд кивнул, не открывая глаз.

Через несколько мгновений он тряхнул головой, словно избавляясь от наваждения, вытер клинок полкой плаща и огляделся.

— Пойдёмте, — глухо произнес он. — Я знаю, где тут есть неплохая лодка.

Максимиллиан нервничал. Через полчаса ему предстояло побывать на проповеди главы чернорясников. Как было бы здорово, если бы он был мастером фехтования, мрачно думал толстяк. Одним ударом решить почти все проблемы. Но купец всегда полагался на чужие клинки, предпочитая покупать свою безопасность. В том числе и у Гарольда.

Он сидел в одном из залов графского замка, ёжась от холода. В углу сиротливо стояла жаровня с углями, но этого было мало, чтоб согреть большую комнату. К тому же, из-за множества щелей в стенах, здесь постоянно гуляли сквозняки, холодные, как снежные шапки Облачных гор.

На скамейке рядом сидели ещё несколько "братьев", негромко переговариваясь о выпивке. Аскеза у большинства захватчиков оказалась только показной.

— Яблочный сидр у меня матушка делала, — облизнувшись, рассказывал молодой парень в капюшоне. — Я завсегда этот сидр с друзьями пил, кто больше выпьет. А потом эти пришли, императорские. И нет ни матушки, ни сидра, — судя по вздоху и улыбке, он больше горевал о выпивке.

— А я тут в одной таверне морозное пиво обнаружил, — в свою очередь, рассказывал другой. — У нас такое только в самые холодные зимы делают, а здесь, видать, каждый год. Крепкое, как дубинкой по башке.

Толстяк усмехнулся. Местные зимы давно уже перестали его удивлять. Когда в самые морозные дни плевки застывает на лету, только и остаётся, что сидеть дома и топить очаг. И снимать лёд с пива, делая его крепче.

В зал вошёл один из уличных проповедников и устало присел рядом с жаровней, протягивая заочиненные руки к тлеющим уголькам.

— Как они тут только живут, не представляю, — пробормотал он, ни к кому особо не обращаясь. — Холодно, как у ледяных великанов в...

Следующие несколько минут прошли в непрерывных обсуждениях местного климата, дрянной погоды и местного населения. Максимиллиан молча сидел, не вслушиваясь в пустую болтовню чужаков. Хотя он и сам не из этих мест, но большую часть жизни провёл в Мариграде. И многого здесь добился. А захватчики нагло отобрали всё нажитое, и ещё были недовольны местными условиями. В крови чёрными волнами разливалась злость, но толстяк сидел, ничем не выдавая эмоций. Только сжатые в кулак костяшки пальцев побелели в кармане плаща.

— Ну что, все в сборе? — раздался зычный голос из дверей зала. — Пастырь уже вас ждёт. Идите за мной.

Максимиллиан встал одновременно с остальными "братьями", направляясь к выходу. Чужаки шли, беспечно разговаривая, а те немногие местные, которым посчастливилось оказаться здесь, боязливо осматривались вокруг. Проводник вёл их тёмными коридорами замка, длинными и запутанными. Приблизившись к лестнице, ведущей в подвал, толстяк немного испугался. Недобрая слава ходила об этих казематах. Но, глядя на остальных, бесстрашно спускающихся вниз, купец отбросил свои опасения.

Длинный мрачный коридор освещался несколькими факелами, непрерывно коптящими низкий потолок. Чёрные провалы решёток по бокам, тихие стоны заключённых и острый, бьющий в нос запах нечистот создавали не самое приятное впечатление. Толстяк

недоумевал, зачем их сюда привели, но коридор вскоре закончился массивной дверью, за которой оказалось некое подобие святилища. С алтарём, чашей на нём, неизвестными символами, вырезанными в камне, и прочими атрибутами. Макс только не мог понять, было ли это одной из причуд графа, или же чернорясники принесли сюда ещё и свою веру.

Пастырь стоял посреди зала, внимательно рассматривая каждого из вошедших. Пристальный взгляд словно ощупывал неофитов и послушников, выискивая потенциальных изменников. Не укрылся от этого взгляда и толстяк, кожей ощущая чужое внимание.

Все вошедшие явно были здесь впервые, словно стадо баранов толпясь в проходе. Наконец, порядок был установлен, и прибывших разместили по периметру зала, создавая неровное кольцо вокруг алтаря.

— Братья мои! — тишину прорезал скрипучий голос наставника. — Сегодня вы вошли сюда, чтобы услышать слово! Слово истины!

Максимиллиан попробовал незаметно осмотреться. Большинство послушников в религиозном экстазе ловили каждое слово Пастыря, некоторые слушали, о чём-то задумавшись, двое или трое дюжих парней следили за происходящим, особенно внимательно приглядываясь к неофитам. Купец снова заметил на себе чужой взгляд и попытался изобразить что-то похожее на транс или полную вовлечённость в происходящее. По спине пробежали холодные мурашки. Если его раскроют, то смерти не избежать.

— Мы многого добились за эти дни! Никогда ещё братство Священной Власти не добивалось такого успеха! И это во многом именно ваша заслуга! Не моя! — почти выкрикивал Пастырь. — Не тех девяти владык! А ваша! Вы, лучшие из лучших достойнейшие послушники!

Несколько фанатиков упали на колени, бормоча молитвы и хвалебные песни своему учителю. Тот был уже вынужден перекрикивать шум, возникший в небольшом зале.

— Сегодня вы будете избраны, братья мои! Избраны, чтоб отринуть прошлое и увидеть будущее! Мир без греха, без страданий! И вы избавитесь от всего, что связывало вас с прошлым! Без сожалений! — голос наставника громыхал, отражаясь от стен.

— Без сожалений! — единым порывом выкрикнули послушники и Максимиллиан вместе с ними.

Жилистая рука взметнулась вверх, указывая на одного из неофитов, который в экстазе валялся в пыли, восторженно глядя на своего кумира.

— Ты! Ты избран стать первым среди нас сегодня! Подойди ко мне! — воскликнул Пастырь, обращаясь к фанатику. — Испей из этой чаши и узри истинное будущее! Но помни, без сожалений! Отринь всё, что было!

Послушник неверящим взглядом уставился на алтарь и осторожно, будто величайшее сокровище, взял в руки черпак. Зачерпнув из простой деревянной братины свою порцию, он не решался попробовать священный напиток.

— Пей! — непререкаемым тоном приказал старик, и неофит немедленно подчинился. Наставник внимательно проследил за реакцией, и едва заметно улыбнулся.

— Сегодня ты узришь будущее! — пророкотал он. — Теперь ты!

Другой избранный робко подошёл к чаше.

— Пей! Не заставляй других ждать! — выругался Пастырь.

Неофит сделал несколько коротких глотков и поперхнулся. Максимиллиан с ужасом наблюдал, как лицо послушника становится пунцовым, и он в судорогах падает на пол, задыхаясь в кашле. Едва заметный знак наставника, и неудачника выносят за дверь.

— Он не отринул прошлое! Он замыслил измену и поплатился за это! — выкрикнул Пастырь, призывая следующего.

Указующий перст показал на Макса. Толстяк отшатнулся в страхе, но "братья" вытолкнули его из круга.

— Не бойся, брат. Забудь всё, что было, — тихим голосом посоветовал старик, протягивая ему черпак с жидкостью.

Купец трясущимися руками принял священный напиток. Перед глазами в один момент предстала сцена, как он задыхается, валяясь на грязном полу.

— Пей, — мягко, но не допуская возражений, сказал Пастырь.

Максимиллиан сделал первый глоток, покатав жидкость во рту. Вкусом она напомнила горький отвар, которым поят детей от простуды, но с какими-то добавлениями. Терпкий напиток прошёл по пищеводу, вызвав спазм, от которого у толстяка начался очередной приступ ужаса. Пастырь жестом приказал пить ещё.

Второй глоток прошёл легче, принося телу необычайную невесомость. От третьего глотка потемнело в глазах.

Лодка плавно скользила по водной глади, унося беглецов всё дальше от злосчастливого болота. Гарольд орудовал веслом, поочередно загребая с каждого борта, а его попутчики сидели, высматривая опасность. После того, как трупы айваров поглотила трясина, все трое единогласно решили двигаться дальше озером. Заодно разжились несколькими топорами, небольшим мешком припасов и тёплой меховой одеждой. Пусть окровавленной и грязной, но тёплой.

Потревоженные утки гневно кричали вслед путникам, на что Гарольд отреагировал соответственно — подстрелил одну и положил в мешок. Припасы припасами, а свежая дичь всегда вкуснее. Теперь осталось только добраться до берега и развести костёр. Как говорила Йона, на той стороне можно было уже не опасаться преследования, к счастью для них, земли айваров кончились. Можно было даже слегка расслабиться. Жаль только, что теперь путь на восток закрыт навсегда.

Да и незачем теперь на восток. Если вытянуть из Ровио все сведения о заговорщиках, то граф наверняка будет доволен. Шанс успешно выполнить задание есть, если бородач не умрёт в дороге от простуды. Сейчас он лежал, скрючившись на дне лодки, укрытый шкурами, изредка кашляя.

Вода становилась всё чище, берега круче, и вскоре Гарольд увидел протоку, которая соединяла озеро с речкой. Небольшое течение увлекло лодку за собой, и следопыт позволил себе короткий отдых. Дождь давно кончился, и короткая вечерняя заря освещала небо кроваво-красным. Лучи заходящего солнца мазнули по воде, и Гарольд понял, отчего река получила своё название. Он несколько мгновений любовался золотыми отблесками, пока не набежала очередная туча.

День близился к концу, и следовало выбрать место для ночлега, достаточно сухое, чтоб развести костёр и достаточно пологое, чтоб вытащить лодку на берег. Наконец, Гарольд причалил на небольшом пятачке у очередного поворота реки. Узкая и извилистая, она напоминала пьяную ползущую змею.

Солнце уже село, и все дела пришлось улаживать в сумерках. Пока Ровио выбирал место для кострища, Гарольд потрошил пойманную утку и обмазывал глиной, а дикарка собирала валежник. Через некоторое время язычки пламени весело плясали на радость замёрзшим и

промокшим путникам, а утка покоилась в земле под костром. На ветки развешали промокшую одежду, Ровио, больше всех продрогшего, посадили поближе к огню.

Бывший солдат непрерывно шмыгал носом, нервно посмеиваясь над своим состоянием.

— Раньше вот, бывало, в прорубь зимой нырял, — рассказывал он. — После баньки, самое то, в прорубь нырнуть, или в сугроб. У нас как раз банька на берегу стояла.

— Ну ты после проруби обратно в баню шёл, наверное, — бросил Гарольд, осматривая верный клинок в свете костра. — Я бы и сам сейчас сходил.

— Это да, — понуро согласился Ровио.

Йона поставила котелок в костёр. Теперь с водой проблем не было, и речная годилась для любых целей. Девушка высыпала небольшую порцию крупы в котёл и теперь помешивала варево ножом.

— Ну слава богам, сегодня хоть не сушёное мясо, — с облегчением вздохнул бородач, придвигаясь поближе к дикарке.

Та вопросительно посмотрела на мужа, но следопыт был слишком занят поиском ржавчины на клинке. После такого ливня даже в ножнах сыро, а это губительно влияет на сталь. Полупрозрачные пятнышки немедленно счищались аккуратными движениями бруска. О возникновении рыжиков и речи быть не могло, столь дотошно и внимательно ухаживал следопыт за своим оружием.

Солнце село окончательно, погрузив мир во тьму. Чёрная безлунная ночь властвовала над миром, выпуская на охоту всех своих детей. Где-то в лесу ухнул филин, с востока послышался отдалённый волчий вой. Последние ночные бабочки слетались на пламя, бессмысленно погибая в огне. Ровио отрешённо наблюдал за ними, полностью погрузившись в свои мысли.

— А ведь они как и мы, — задумчиво протянул он. — За идею умирают.

Гарольд на мгновение остановился и посмотрел на спутника. Йона тоже удивлённо взирала на бородача, представшего перед ними в столь непривычном образе. Тот сидел, совершенно не обращая внимания на своих слушателей.

— Есть у них идея, желание. Огонь. Они летят и умирают ради него. Прямо как люди. Только людям гораздо меньше требуется.

— А если человек не готов умереть? Или не хочет, — спросил охотник.

— То и не человек он вовсе, — категорично заявил Ровио.

Гарольд хмыкнул в ответ.

— А если его идея — жить как можно дольше? — поинтересовалась Йона, помешивая кашу в котелке.

— Скотская идея, — отрезал бывший проповедник.

— А ты почему за свою идею не умер? — неожиданно спросил Гарольд. — Когда соратников по кольям развешали, ты почему-то в яме оказался.

Йона нахмурилась, вспоминая прошлое. Ровио напрягся, уставившись в пламя и ломая сухие веточки, в изобилии лежащие на земле.

— Оглушили меня, — глухо произнёс он, покосившись на Йону. — Я бы побольше дикарей с собой в могилу забрал, но меня оглушили.

Следопыт пожал плечами.

— Как скажешь, — сказал он, и на берегу повисло тягостное молчание.

— Вот и ужин готов! — с напускной радостью прощбетала девушка, пытаясь разрядить обстановку, но мужчины просто достали ложки и принялись за еду.

Горячая ячменная каша обжигала горло, но все трое поглощали её с наибольшей скоростью. Каждому хотелось поскорее закончить с едой и лечь спать. День выдался трудный, и никто не мог сказать, что следующий будет другим.

— Кто первый дежурит сегодня? — спросил охотник, и Йона помахала ложкой. — Ровио, потом ты.

Бородач кивнул. Гарольд опять взялся сторожить лагерь под утро, в самое тяжёлое и сонное время, когда веки слипаются, а тело коченеет от холода.

Закончив с едой, Ровио тут же повалился спать, забравшись под шкуры. Гарольд сходил к реке и, сполоснув котелок, улёгся рядом с ним. Бородач ощутимо дрожал и трясся, хоть и укрытый тёплым меховым одеялом.

Гарольд подумал было, что сделает граф, если он вернётся с пустыми руками. Наверное, будет долго и мучительно пытаться самого Гарольда на глазах у Фриды, а потом пытаться Фриду на глазах у измученного Гарольда. Печальная выйдет у них судьба. А ведь всё зависит от этого проповедника, Ровио, который сейчас мучился от болезни. Можно было бы попытаться вытянуть информацию из него, но вряд ли он станет сейчас говорить. Слишком не доверяет.

Усилием воли следопыт прогнал мрачные мысли. Не время сейчас думать. Время спать. Одно мгновение — и он уже погрузился в глубокий сон. Ещё одно — и Ровио легко трясёт следопыта за плечо.

— Вставай, твой выход, — шепнул он, убедившись, что Гарольд проснулся, и сам улёгся на его место.

Вокруг словно разлили банку чернил. Только догорающий костёр слабо мерцал в ночи. Гарольд подкинул в огонь остатки дров, и уселся спиной к костру, давая глазам привыкнуть к темноте. Холод, казалось, пронизывал до самых костей, быстро прогоняя сонливость.

В темноте постоянно что-то шуршало, стрекотало и шелестело, придавая ночному бдению острую нотку возможной опасности. По спине приятно растекалось ощущение тепла. Следопыт сидел неподвижно, всматриваясь в темноту, и лишь раз промелькнувшая между деревьев тень потревожила его.

Близился рассвет, и вскоре из-за леса показалась полоска розового неба. Повсюду серебрился иней, а река покрылась небольшой коркой льда. Если бы лодку оставили в воде, к утру её бы просто раздавило.

Гарольд по очереди разбудил своих спутников и разметал пепел костра. Из-под слоя золы и земли он вытащил глиняный саркофаг, в котором запеклась вчерашняя утка, и разделил мясо на всех. Завтрак прошёл в молчании, изредка перемежавшимся надрывным кашлем бородача.

— Йона, ты знаешь, где тут есть селения поблизости? — спросил Гарольд. Девушка в ответ пожала плечами.

— Если по реке спуститься дальше, то наверняка деревни будут, — вставил Ровио, растирая замёрзшие пальцы.

— Река вроде как на северо-запад течёт. Нам ровно на запад надо. Там по пути есть деревушка одна, но я бы там не хотел оказаться, — задумчиво протянул следопыт.

— Тогда по течению пойдём, раз лодка есть, — решила за всех Йона, с молчаливого одобрения мужчин.

Лёд перед собой иногда приходилось разбивать веслом и отгонять от бортов. Кожаная лодка хоть и была крепкой с виду, но всё равно не хотелось ненароком распороть шкуры и

пойти ко дну. Из-за этого они двигались со скоростью медленно идущего человека, но жаловаться было не на что. Лучше уж сидеть в лодке, чем тащить всё на собственном горбу.

Постепенно русло становилось всё шире, и путники выплыли на середину. Течение подхватило лёгкую лодочку и повлекло за собой. Гарольду только оставалось немного подруливать веслом, а спутники его и вовсе бездельничали, рассматривая хмурую осеннюю природу.

— Смотрите, лось, — громким шёпотом произнесла Йона, указывая куда-то в заросли ивняка.

Сохатый бесстрашно стоял на отмели и утолял жажду.

— Подстрели-ка его, — потребовал Ровио. — Глянь, какие рога, трофеей отличный будет.

— Сам его по лесу потащишь? — процедил следопыт.

Лось, словно чувствуя, о чём идёт речь, встрепенулся, тряхнул ушами и скрылся в лесной чаще. Бородач вздохнул, провожая гордое животное взглядом.

— А могли бы свежатинки опять поесть, — прокашлявшись, сказал он. — На всю дорогу хватило бы.

Гарольд покачал головой, осуждая жадность бывшего солдата. Йона молча смотрела вперёд.

— Ну и зря вы так, — бросил Ровио, снова захлёбываясь кашлем.

Его всё больше бил озноб и одолевала слабость. Порой он сидел на дне лодки с отсутствующим взглядом, изредка кашляя и сморкаясь в воду.

— Слово углей насыпали, — озабоченно высказала дикарка, прикоснувшись к голове больного. Сам Ровио на это никак не отреагировал. — Болото из него силу тянет.

Следопыт вопросительно посмотрел на девушку. Та немного смутилась.

— Он же там что-то своё оставил. Мешок, вроде бы. В трясине. Вот болотники через мешок силу крадут, — немного краснея, поделилась своими рассуждениями она.

— Ты предлагаешь вернуться? — спросил Гарольд, хмурия брови.

— Шамана найти поскорей надо, — ответила девушка. — Чтоб злых духов прогнать.

— Да где ж его тут найдёшь, — задумчиво протянул следопыт.

В ближайшей деревне единственную знахарку он убил собственным мечом. Впрочем, после того, что она сотворила, доверить жизнь Ровио в её руки было бы очень глупо. Лучше бы найти другую деревню и другого целителя.

Примерно к полудню на берегу стали попадаться человеческие следы: пеньки деревьев, рыбацкие схроны, остатки скошенной травы. Ниже по течению Йона заметила белый печной дым, и путники заметно оживились, предвкушая домашнюю пищу и тёплую постель.

Деревенька была похожа на тысячи таких же деревень в этих краях. Несколько приземистых избышек, крытых дёрном, рыбацкие лодочки, кверху дном лежащие на берегу. Между домами бегали дети, шлёпая по лужам и гоня боязливых куриц и прочую живность.

Гарольд направил лодку к берегу, и из деревни навстречу уже спешили мужики, вооружённые вилами и топорами. Гостеприимство здесь было не в почёте. Особенно к чужакам, пришедшим из верховий реки, где никогда никто не обитал.

— А ну, вы кто такие будете? — грозно завопил самый храбрый крестьянин, потрясая вилами. Остальные нестройным гулом поддержали своего представителя.

— Путники мы простые, — спокойным тоном ответил Гарольд. — По болоту заплутали, к реке вышли.

— Ври, да не завирайся! Отродясь никто с болота не выходил! — крикнул мужик.

— Никто не выходил, а мы вышли, — отрезал следопыт. — Детям рассказывать теперь будешь.

— А это с вами кто, дикарка что ли? — недоверчиво спросил мужик, свободной рукой сотворив знак-оберег. — Микишка, а ну, знахаря зови! Небось, демонов принесли на себе вместе с этой девкой.

Паренёк торопливо кивнул и побежал к дальней избушке.

— Вот нам знахаря как раз и надо, — кивнул Гарольд. — Простыл у нас товарищ, сильно простыл.

— Ещё и лихоманку принесли! А ну, отчаливайте! — попытался крестьянин ткнуть вилами охотнику в грудь, но тот легко уклонился. — Отчаливайте, говорю!

Мужичьё, потрясая нехитрым оружием, приближалось к лодке, вынуждая путников уходить, но тут нестройное гудение голосов перекрыл раскатистый бас.

— А ну, разойдитесь! Дайте-ка взглянуть на чужаков, — раздался глубокий сильный голос из-за крестьянских спин.

Мужики поспешили выполнить приказ, и перед путниками оказался щуплый невзрачный дед. Даже не верилось, что в таком тщедушном теле может быть такой голос.

— Издалека идёте? — с ехидцей в голосе спросил старик. — Али бежите от кого?

— Издалека, отец, — улыбнулся деревенскому знахарю Гарольд. Старик вызывал доверие. — От айваров ушли, болотом.

— Давно никто к нам с болота не приходил, давно, — погрузился дед в какие-то воспоминания. — Ну чего стоять, лодку вытаскивайте, да за мной идите.

Путники с радостью исполнили приказание знахаря, глядя на ошеломлённых крестьян.

— Дед Некрас, а вдруг демоны... — растерянно пробормотал мужик с вилами.

— Вот за это теперь не беспокойся. Пойди-ка лучше кашу свою проверь, — подмигнул ему старик. Мужик, словно что-то внезапно осознав, бросил вилы и припустил к избе.

— Пойдемте, ребятки, в дом. Нечего на холоде стоять, — многозначительно посмотрев на Ровио, промолвил знахарь.

Деревня с виду оказалась даже беднее, чем они предполагали. Гарольд намётанным взглядом запоминал расположение домов, Йона удивлённо рассматривала необычные для неё вещи, а Ровио просто брёл позади. Старик бодро шагал, насвистывая смутно знакомую мелодию.

— Ну и зачем вы на восток вообще попёрлись? — полушутя спросил он. — Как-то у вас не очень получилось, что болотами уходить пришлось.

Гарольд усмехнулся, почёсывая короткую бороду.

— На восток шёл только я, остальные там сами нашлись, — уклончиво ответил следопыт.

— А в болото чего полезли-то? Всяк знает, что нечисть там. Милая твоя, вон, точно знать должна, — произнёс дед. — Повезло вам, что живые пришли.

— А могли бы мёртвые? — хохотнул Гарольд.

— Могли бы и мёртвые, — серьёзно сказал знахарь, оставив путников в недоумении. Гарольд вопросительно посмотрел на Йону, но та только пожала плечами.

Дом старика стоял на отшибе, разительно отличаясь от остальных избушек чистотой и ухоженностью. Если крестьянские лачуги, покосившиеся и гниющие, казалось, развалятся от неосторожного чиха, то дом знахаря мог бы пережить еще сотни зим.

Внутри резко пахло травами. Как и у любого знахаря, здесь можно было найти снадобье почти от каждой болезни. Убранство дома, скромное и аскетичное, тоже выглядело надёжным и крепким. Прямо как сам старик.

— А ну, на лавку кладите его, — скидывая сапоги, приказал Некрас.

Бывший солдат покорно дал себя раздеть и уложить на твёрдые доски, моментально свернувшись калачиком. Его снова знобило, и он лежал, тихо кашляя в кулак.

— Вовремя вы приехали, — опытным взглядом посмотрев на больного, заявил дед. — Ещё бы чуть-чуть, и совсем бы погас.

Гарольд и Йона кивнули, присаживаясь на лавку рядом с бородачом.

— Мира, а ну выходи, на гостей посмотри! — негромко крикнул знахарь.

Из соседней комнатки робко вышла белокурая девочка лет девяти, держа в руках пяльца с вышивкой.

— Как звать-то вас хоть? — с улыбкой поинтересовался старик.

— Гарольд, — показал на себя следопыт. — А это Йона и Ровио.

— Я бы и сама представиться могла, — обиженно шепнула ему девушка, хмуря брови.

— Ну вот и славно, вот и познакомились. Ступай, внученька, — ласковым тоном произнёс дед Некрас. — Голодные поди?

Путники снова переглянулись и единодушно выразили согласие.

— Ну, тогда помочь придётся. Ты воды неси, а ты лук нарежь, — поочередно выдал задания хозяин. — Я пока вашим другом займусь.

Гарольд взял в сенях деревянное ведро и отправился искать колодец. Поблизости такого не оказалось, и он отправился в деревню. Местные перешёптывались, со страхом глядя на него.

— Дядя, а меч у вас настоящий? — спросил его какой-то чумазый парнишка, и следопыт кивнул в ответ. — А вы на болоте кикимор видели?

— Видел, — усмехнулся Гарольд, показывая руками что-то большое и бесформенное. — Вот такие кикиморы, с медведя ростом.

Мальчишка обиженно фыркнул и устремился прочь.

Единственный колодец в деревне оказался почти в центре. Высокий журавль надрывно заскрипел, когда следопыт привязал ведро и опустил вниз.

— Чужак, — раздался за спиной знакомый голос.

Гарольд обернулся. Крестьянин, радушно встретивший их на берегу, теперь стоял, сердито глядя на него.

— Колодец нам потравить решил, небось, — предположил мужик.

Следопыт в ответ только достал ведро с водой, отвязал и пошёл назад, к дому. Крестьянин долго глядел ему вслед, а затем внимательно осмотрел колодец.

— Проклятые чужаки, — пробормотал он.

Йона, вытирая слёзы краем рукава, дорезала последнюю луковицу, когда вошёл Гарольд. Бородач лежал на лавке, тихо кашляя. Старик куда-то подевался.

— А знахарь где? — спросил охотник, наконец-то раздеваясь.

— Собрался и вышел, — шмыгая носом, ответила девушка. — Сказал, чтоб ты ему помогать шёл, к лесу. А я пока с Ровио посижу.

Гарольд тяжело вздохнул и отправился на поиски знахаря. Похоже, дело серьёзное, если понадобилась помощь.

Старик рубил на опушке молодые сосенки, делая из них длинные жерди и складывая на

полянке. К выбору дерева он подходил тщательно, прислушиваясь к чему-то перед первым ударом.

— А вот и ты, — удовлетворённо протянул Некрас. — Пойди валежника насобирай, да побольше.

Тон знахаря не допускал никаких возражений, и следопыт понуро отправился в лес. На сбор ушло гораздо больше времени, чем он предполагал. Все сухие ветки исправно собирались местными и пришлось изрядно углубиться в лес. Когда Гарольд вернулся на опушку, старик уже составил жерди в некое подобие купола и теперь откуда-то таскал большие камни. Следопыт понял его замысел.

— А почему бы его просто в бане не попарить? — спросил он, скидывая топливо на землю.

— А кто про баню вообще говорит? — вопросом на вопрос ответил старик. — Духов буду изгонять. Можно это и в бане сделать, конечно, да кто ж его в свою пустит. Иди ещё дров тащи.

— Тебе, может, лучше с камнями помочь? — глядя на тощего знахаря, спросил Гарольд, но тот лишь помотал головой в ответ.

Следующий этап поиска затянулся ещё на пару часов, и к опушке следопыт вернулся только к вечеру, злой и голодный. На поляне уже стояла палатка, обтянутая шкурами. Через отверстие в крыше курился белый дым, но палатка оказалась пуста. Свалив дрова рядом со входом, Гарольд пошёл к дому. Желудок недовольно урчал, требуя пищи.

В доме он обнаружил Йону, мирно сидящую рядом с внучкой знахаря. Дикарка быстро нашла общий язык с ребёнком, и теперь о чём-то ей тихо рассказывала. Ни самого знахаря, ни Ровио в доме не обнаружилось. Гарольд подкрепился остывшей похлёбкой, слушая незамысловатую женскую беседу о жизни.

— Куда они пошли? — поинтересовался следопыт.

— Деда его к речке повёл, — ответила девочка.

Гарольд поблагодарил её и снова пошёл на улицу. Уже темнело, и, кроме одинокой лохматой собаки, он никого не встретил. Со стороны реки слышался плеск воды.

Знахарь стоял по пояс в ледяной воде, нараспев произнося заклинания и периодически окуная Ровио с головой. Тот стучал зубами от холода, но молча выполнял все приказы старика. Гарольд ошеломлённо уставился на происходящее. После такого переохлаждения бородач точно умрёт, и никакая магия тут не поможет.

— Ты чего творишь!? Добить его решил? — закричал Гарольд, но знахарь не обратил никакого внимания, продолжая держать больного под водой.

Старик за шиворот вытащил окоченевшего Ровио, и поволок за собой. Тот едва переставлял ноги, и большую часть пути Некрас просто тащил его. Гарольд следовал за ними чуть поодаль.

На полянке уже всё было готово. Знахарь быстро сорвал мокрую одежду с бородача и занёс его в жарко натопленную палатку. Следопыт не рискнул заглядывать внутрь, но вскоре из-за тонких стен послышались плеск воды и негромкое пение старика. Из отверстия в крыше с шипением вырвалась струйка белого горячего пара. Гарольд принюхался. Из палатки доносился резкий запах неизвестных трав. Прождав ещё несколько минут, следопыт отправился в дом.

— Ну что, лечат его? — обеспокоенно спросила Йона, увидев стоящего на пороге мужа.

— В бане парит, — кисло ответил Гарольд. — В бане я и сам его погреть могу, без

всякой магии.

— Деда не парит, деда злых духов прогоняет! — обиженно произнесла девочка. — И это не баня!

— Мира, а что там? — ласково поинтересовалась Йона.

— Место силы, конечно, — ответила девочка так, словно это вселенская истина.

— Палатка с костром и камнями, — пояснил Гарольд, усаживаясь на лавку.

— С заговорённым костром и заговорёнными камнями! — топнула ножкой Мира, защищая деда.

— Как скажешь, — пожал плечами следопыт. — Куда спать-то нас положите?

— Деда только к утру придёт, так что на печке можно, наверное, — произнесла девочка.

Гарольд прямо в одежде забрался на тёплую печку, наслаждаясь позабытым комфортом. Сон в тепле, под крышей, после длинного перехода... Как мало нужно для счастья человеку. Йона легла рядом, прижавшись к мужу. Следопыт немного опешил, но отстраняться не стал. Он просто закрыл глаза и провалился в сон.

Утро выдалось необычным. Солнце уже близилось к полудню, как в дом, наконец-то, ввалился усталый знахарь, поддерживая Ровио за плечи.

— Долго бился, — вздохнул старик, залезая на печь. — Старый становлюсь. Но хворь прогнал.

Ровио сел за стол рядом с охотником.

— Пожрать бы, — слабо улыбнулся он.

Мира быстро подогрела в печи вчерашнюю похлёбку, и бородач жадно накинулся на еду.

— Ну теперь вижу, жить будет, — усмехнулся Гарольд. — Чем отплатить тебе, ведун? С деньгами туго, а вот если работой подсобить, это без проблем.

— Работы-то полно, да только нельзя тебе задерживаться тут. Плохое случится. Вообще задерживаться нельзя, — свесился с печки Некрас. — А если все вместе уйдёте, хворь к нему вернётся. Чай, не лето на дворе.

— Ну тогда останусь и помогу, — пожал плечами Ровио. — Потом догоню вас, в Мариграде. Скажи только, как вас там найти.

Гарольд нахмурился. Надёжнее будет связаться через Макса. Его там знают почти все.

— Спросишь Максимилиана, купца. Найдёшь его, а там, глядишь, и сами свидимся, — задумчиво протянул он.

— Добро, — бывший проповедник хлопнул Гарольда по плечу и улыбнулся. К нему возвращалась прежняя жизнерадостность.

— Ну тогда не будем задерживаться, раз нельзя, — вздохнул следопыт, завязывая плащ. — Пойдём, Йона.

Уже на пороге, словно что-то вспомнив, Гарольд обернулся.

— Ты только в городе о своём прошлом не говори. И про Пастыря тоже, — посоветовал он. — Граф твоих соратников ищет.

— Кстати, о прошлом... — задумался Ровио. — Ты же вроде из Йофервика?

— А это здесь причём? — удивился охотник.

Свою родную деревню он вспоминал нечасто и крайне неохотно. Слишком горькие воспоминания.

— Да спросить хотел, его же потом отстроили? — глядя в тарелку, смущённо произнёс

бородач.

Пробуждение оказалось болезненным. Сначала яркий свет резанул по глазам, затем от резкого подъёма в ушах загудело так, будто где-то в глубинах мозга били в огромный колокол. Такого тяжёлого похмелья Максимилиан ещё не испытывал.

— Что ты видел? — раздался знакомый скрипучий голос откуда-то сверху. — Расскажи. Торговец закрыл глаза и крепко задумался, пытаясь вспомнить сон, с каждым мгновением ускользавший из памяти.

Огонь, много огня. Тени пляшут на пепелище, и вороны кружат над землёй, превращаясь в чёрный вихрь. Вся земля выжжена, и из пепла тянутся ввысь дивные цветы.

Максимилиан пересказал увиденное. В ответ раздался довольный смех.

— Ты видел будущее, брат мой! Всё будет именно так! Чтобы построить новый мир, нужно разрушить старый, — Пастырь улыбался, подставляя лицо осеннему солнцу.

Купец огляделся. Он лежал на кровати в одной из многочисленных спален замка. Через узкое окно проникали ласковые солнечные лучики. Рядом с окном стоял Пастырь.

— Ты замечательно проявил себя, друг мой. Вставай, — произнёс он.

Подъем с кровати потребовал значительных усилий. Толстяка мутило, и ему пришлось опираться на стену, чтоб принять вертикальное положение. Голова кружилась, а во рту стоял незнакомый мерзкий привкус.

— Это скоро пройдёт, — обнадёжил его Пастырь.

Но, судя по текущему состоянию, произойдёт это нескоро, и Максимилиан издал тихий горестный вздох.

За окном виднелись крыши города, припорошённые снегом, который блестел на солнце. Улицы казались покинутыми, и лишь изредка можно было заметить вдалеке патрули чернорясников. Впрочем, Макс сейчас был одним из них. Чёрный вытертый балахон скрывал мощную фигуру и скрадывал движения. Купец с удовольствием обменял бы его на простую рубаху, но требовалось соответствовать новому статусу. Он успешно влился в организацию, и теперь было необходимо вытянуть оттуда как можно больше сведений. Но это потом. С таким похмельем не то что шпионить, до нужника дойти трудно.

— Ну, я пойду? — сиплым от жажды голосом спросил купец, и Пастырь равнодушно кивнул, продолжая смотреть в окно.

Максимилиан с трудом разобрался в хитросплетениях коридоров, и вскоре вышел на улицу. Морозный осенний воздух забрался под тонкую рясу, и толстяк зябко поёжился. Жутко хотелось пойти домой и завалиться спать, но прежде следовало посетить аптеку. Неплохое прикрытие, подумал купец. У Бергтера наверняка найдётся что-нибудь от похмелья.

Виселица на площади опять заполнилась. Макс даже узнал некоторых "преступников", и постарался выглядеть безучастным. В душе господствовала смесь негодования, скорби и отчаяния.

Аптека неприветливо встретила его табличкой на двери. "Закрето", прочитал по слогам купец и постучал. Внутри послышались какие-то шорохи, но никакой реакции не последовало. Пришлось постучать ещё раз, и тогда из-за двери послышался невнятный раздражённый вопль Гвидо.

— Открой! Слышишь? — толстяк настойчиво колотил по дубовым доскам, морщась от головной боли.

— Кого там опять демоны принесли? Написано же, закрыто, болван неграмотный! — раздался сердитый крик хозяина аптеки, но ключ скрипнул в замке, и в проёме показалась лысая голова Бергтера. — А, это ты. Сразу бы сказал. Проходи давай.

Максимиллиан недовольно хмыкнул.

— От кого закрываешься? В городе всё спокойно, — нарочито громко сказал купец, заходя внутрь. — Есть от похмелья что-нибудь? А то после этого питья голова как между молотом и наковальней.

— Какого ещё питья? — спросил Гвидо, закрывая дверь.

— Расскажу, всё расскажу, только пожалей, дай хоть микстуру какую, — застонал толстяк.

Аптекарь порылся в многочисленных ящиках и шкафчиках, и, наконец, поставил на стойку пузырёк с красной пробкой.

— Вот, выпей. Эта штука мёртвого подымет. Заметь, даже бесплатно отдаю, — с кислым видом протянул Бергтер.

— Тогда лучше бы на площади её разлить, — вздохнул Максимиллиан, одним махом проглатывая содержимое.

В глотку словно залили расплавленное железо, и раскрасневшийся купец забегал по аптеке, сирым голосом требуя воды. Гвидо с некоторым садистским удовлетворением наблюдал за страданиями Макса, и, в конце концов, подал ему стакан.

Заливая пожар во рту, толстяк с удивлением обнаружил, что голова чиста, как дева в ночь перед свадьбой, и сухо поблагодарил аптекаря.

— Там кто-нибудь есть? — кивнул он в сторону подсобки, понизив голос.

Аптекарь молча повёл его в подвальчик, где они собирались в прошлый раз. При виде чёрной рясы Мирон крепко выругался и вскинул арбалет. На этот раз больше в подвале никого не было.

— Эй, успокойся. Это я, Максимиллиан, — поднял руки купец.

— Ты бы хоть лохмотья эти снял, а то мне так и хочется тебя пристрелить, — процедил Мирон и положил самострел на стол перед собой.

Купец пожал плечами, мол, твои проблемы, и принялся рассказывать соратникам о тайном ритуале, необычном сне и волшебном напитке.

Мирон недовольно хмурился, слушая долгий пространный рассказ.

— Слушай, если они такие напитки используют, то они совсем тебя одурманить могут, — задумчиво произнёс аптекарь. — Ты же не помнишь, что потом было.

Толстяк в недоумении смотрел на товарищей. Действительно, последнее, что он смог вспомнить — чувство необычайной лёгкости в теле. Потом кусок памяти словно вырезали. Мало ли что он мог натворить за это время.

— Наверное, мне стоит быть осторожней с этим, — протянул Макс. — Не хотелось бы стать одним из них.

— Ты уже один из них, — раздражённо бросил Мирон, хрустя костяшками пальцев. — Надо было просто собрать народ и ударить по замку!

— Я их ненавижу не меньше, чем ты, — рыкнул купец. — Это даже не моя идея была, стать шпионом. Так что лучше бы тебе заткнуться, Мирон.

— Хватит, — аптекарь поднял руки в примиряющем жесте. — Бойня ничего бы не решила. Они бы просто скинули свои рясы и затерялись в толпе, как они любят делать. Нам ещё много работы предстоит сделать.

Мужчины вздохнули, прикидывая масштаб будущей операции. С каждым днём недовольство горожан росло, но ждать, пока толпа выйдет на улицы, тоже было нельзя. Чернорясники не теряли времени зря, убирая своих самых опасных противников. Тех, кто мог бы повести народ за собой. Тех, кто осмеливался открыто возражать против методов Пастыря и его приближённых. Тех, кто искренне желал смерти захватчикам. Поэтому все встречи проходили в сырых подвалах и тёмных складах. Поэтому все храбрецы затаились в ожидании наилучшего момента для атаки.

Наверху раздался ритмичный громкий стук. Бергтер знаком приказал хранить молчание и быстро вылез наверх. Через некоторое время он вернулся обратно в подвал. Не один. Следом за ним спустилась Фрида, держа в руках какой-то свёрток. Она приветливо улыбнулась Максу и положила свёрток на стол.

— Я вам поесть принесла, — снова улыбнулась девушка.

На столе рядом с арбалетом появились краюха хлеба и несколько яблок.

— Откуда яблоки? — удивлённо спросил купец. В городе сейчас сложно было найти еду. Торговцы не рисковали лишней раз появляться на улицах, а крестьяне сидели по деревням, убегая в лес при первом признаке опасности.

— Из замка, конечно. Пробралась на кухню, пощипала запасы.

Макс хрюкнул от смеха. Живо вспомнились те времена, когда они втроём бродяжничали по городам и им частенько приходилось красть. Особенно хорошо получалось у Гарольда.

Мужчины скопом набросились на еду, и очень скоро никаких следов преступления не осталось, кроме нескольких крошек на столе.

— Теперь можно и делами заняться, — ухмыльнулся Мирон, поглаживая брюхо. — Или остальных подождём?

— Слишком заметно будет, что у меня столько людей собирается, когда аптека закрыта, — Гвидо помотал головой. — Давайте начнём.

— Что начнём? — растерянно спросил купец.

— Продумаем следующий шаг, болван, — сердито буркнул Мирон, глядя на багровеющего от гнева толстяка.

Фрида взяла купца за локоть, шёпотом советуя ему успокоиться. Незачем чинить распри между собой, когда общий враг так силён.

— Итак, своего человека мы внедрили, — покосился на купца Мирон. — Я думаю, нужно, чтоб ты подобрался к Пастырю и убил его. Без главаря они никто.

— Но я в жизни никого не убивал! — пробормотал Максимилиан. — У меня не получится! Я даже драться толком не умею!

— Гвидо какой-нибудь яд составит, и драться тебе не придётся, — успокоил его Мирон.

— Я мог бы попробовать, но не ручаюсь за его действие, — сложил руки на груди аптекарь. — Да и наверняка кто-нибудь пробует пищу этого Пастыря. Не думаю, что это лучшая идея.

Купец благодарно посмотрел на Бергтера.

— Ну и что ты предлагаешь? — рыкнул Мирон, нервно барабаня пальцами по столешнице.

Аптекарь лишь пожал плечами в ответ.

— Вот видишь! Ты не знаешь, что дальше делать! А я знаю! Нужно убивать! — разозлился Мирон. — И чем больше мы убьём этих гадов, тем легче будет для города! И

первым делом нужно убить их вожака, без него они и шагу не смогут ступить!

— Смогут, — обронил толстяк. — Не зря же он себе девятерых приближённых выбрал. Они хоть и подонки все, но не глупцы. Найти убийц и отомстить за Пастыря точно попытаются.

Мирон сердито прошёлся по подвалу, измеряя шагами его длину.

— Если хочешь прогнать захватчиков, то тебе наверняка придётся убивать, Максимилиан, — немного успокоился он. — Сами они не уйдут, а надеяться на кого-то уже бесполезно.

— Нам нечем убивать. Нужно вооружиться не хуже, чем эти чернорясники, — задумчиво произнесла Фрида. — Пока у них есть мечи и копья, а у нас только камни и дубинки, то ничего хорошего не получится. Я понимаю, что рано об этом думать, но готовиться уже пора.

— Да где ж нам его взять, — горько усмехнулся Мирон. — Все кузнецы у них под колпаком. Да и покупать оружие нам не на что.

— Есть у меня кое-какая идея, где можно оружие найти, — пробормотал Максимилиан, словно что-то вспоминая. — Вооружиться это дело хорошее, конечно.

В голове чёрной змеей сидела постыдная мысль о том, что ещё пару месяцев назад он вооружал тех, с кем сейчас борется.

В душе бушевали чувства. Ненависть. Гнев. Ярость. Страстно хотелось вернуться и зарубить подонка. Но Йона настойчиво заставляла идти вперёд. Именно она первой заметила изменившееся лицо Гарольда и не дала свершиться праведной мести. Девушка буквально вцепилась в своего мужа и вытащила его на улицу прежде, чем он бросился на врага, которого так давно искал.

Ровио всё это время молчал, из-за страха, что случится именно такая вспышка ярости. И трусливый дезертир открылся только при расставании. Гарольд остро сожалел, что не утопил его в болоте, и не дал айвару насадить его на копьё. Надо было оставить его умирать в лесу. Хотя нет, сначала надо бы выпытать сведения об остальных дезертирах. Тех, кто когда-то лишил их родного дома. Какая ирония, трижды спасти жизнь тому, кого поклялся найти и убить.

Йона вела следопыта за руку, не давая ему вернуться в деревню. Тому оставалось только надеяться, что Ровио не побоится найти их в Мариграде. Хоть и надежда на это была совсем призрачной.

Под ногами хрустел свежесыпавший снег, а изо рта вырывались облачка пара. Зима подступала всё ближе. Птицы улетели на юг, а деревья сбросили остатки листвы, превратившись в искорёженные голые палки. Всё это отнюдь не добавляло веселья.

Дорога, по которой они шли, оказалась скорее широкой полузаросшей тропинкой. Одна телега по такой ещё сможет проехать, а вот разойтись с другой уже не получится. Места здесь были безлюдные, дикие, и ночью вполне можно было встретить оголодавшую стаю волков, или ещё кого похуже. Например, росомаху. А если росомаха выберет себе жертву, то станет преследовать её до самого конца.

Путники шли молча, и редкие попытки Йоны поговорить встречались безжалостным равнодушием. Гарольд был озлоблен на весь мир за свою неудачу. Мысли его постоянно возвращались к событиям прошлого, и он корил себя, что не смог узнать Ровио в лицо. Хотя, если бы он его узнал, то всё сложилось бы по-другому. Гарольд по-прежнему сидел бы в яме, покорно ожидая смерти за то, чего не совершал.

Погружённый в раздумья, он даже не заметил, как кусты впереди зашевелились и раздался негромкий свист. На тропинку не торопясь вышли трое коренастых мужичков, грязных и заросших. Что именно лесные братья забыли в такой глуши — непонятно. Путников на такой дороге можно было ждать неделями.

— А ну-ка, кто тут у нас? — поигрывая кистенём и сально улыбаясь, спросил щербатый бандит. — Вы тока гляньте, какая цыпочка! И с ней петушок! Давай-ка ты нам свою бабу отдашь и иди себе дальше спокойно. Пока мы тебя на куриный суп не пустили!

Разбойники переглянулись и заржали.

— Даю вам ровно один шанс извиниться и убежать, — произнёс Гарольд, поглаживая рукоять меча. Йона нервно схватилась за топор.

— Постой, я ж тебя знаю! — заявил один из разбойников, постарше. — Ты же этот, мать его, Харальд! Охотник за головами!

— Моё имя — Гарольд, — скрипя зубами от злости, процедил следопыт.

— У него по любому золото с собой есть! А ну, вали его, братцы! — договорились между собой бандиты, и медленно пошли вперёд, выставив перед собой оружие. Кистень,

дубинка и ржавый тесак. Гарольд с усмешкой отодвинул девушку к себе за спину и обнажил клинок.

Щербатый осмелился атаковать первым, резким движением руки высылая кистень вперёд. Следопыт легко уклонился от летящего свинцового шарика и молнией приблизился к противнику. Добрый удар головой, и щербатый бандит кулём валится на снег, лишившись ещё нескольких зубов.

Старый разбойник широко размахнулся тесаком, но недостаточно быстро. Гарольд даже успевает заметить, как тяжело дышит враг, хотя драка только началась. Короткий укол в горло отправляет старика на тот свет почти без мучений.

Парень с дубинкой в ужасе уставился на следопыта, даже не пытаясь защищаться. Развернуться и бежать со всех ног ему мешал дикий животный страх, парализовавший всё тело. Он даже не поднял дубинку, когда Гарольд сильным ударом меча разрубил его почти до груди.

Последний бандит лежал на снегу, держась за челюсть.

— Извинись, — прорычал следопыт, пинком переворачивая разбойника.

— Прошу прощения, — прошамкал тот, взглядом умоляя о пощаде.

— Перед ней извинись! — заорал Гарольд, остриём меча указывая на жену. Капля крови сорвалась с клинка и врезалась Йоне в лицо.

— Прошу прощения... Миледи... — чуть не плача, просипел бандит.

Йона в ответ кивнула, принимая извинения.

— Ты жалок, — презрительно бросил следопыт, ударом в живот добивая беспомощного разбойника.

— Зачем ты убил его? — обескураженно глядя на труп, спросила дикарка.

Дикий взгляд следопыта послужил достаточно ясным ответом. Йона тяжело вздохнула и принялась обыскивать трупы.

Гарольд стоял посреди лужи крови, тяжело дыша. Злоба захлестнула его с головой, превратив в бешеного зверя. В того, за кем он обычно охотился. Осознание словно окатило его ведром ледяной воды. По спине пробежали холодные мурашки, и он выронил меч. Клинок с лязгом упал на землю.

— Прости, — сдавленно произнёс следопыт.

— За что? — Йона удивлённо посмотрела мужу в лицо.

Оставив вопрос без ответа, Гарольд тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и поднял окровавленный меч. Его нужно было протереть насухо.

Трофеями стали несколько кусков хлеба, пара медных монеток, неплохой нож и фляжка эля. Бандиты шли налегке, а значит, где-то рядом должно быть их логово. И пусть за них никто не назначил награды, профессиональная жилка следопыта требовала найти и уничтожить остальных разбойников. Дороги, даже столь отдалённые должны быть спокойны для всех путников. Гарольд в очередной раз задал себе вопрос, зачем промышлять разбоем в такой глухомани. Тем более в начале зимы, когда дороги становятся почти ненужными и все путешествуют по рекам. Но никаких идей в голову не пришло.

— Где-то здесь у них должна быть берлога. Надо бы найти, — устало сказал охотник.

Девушка пожалала плечами, готовая последовать за мужем хоть на край света. Ведь больше у неё не осталось никого.

Гарольд даже обрадовался внезапной встрече. Бандиты отвлекли его от мрачных дум, и всё внимание следопыта переключилось на поиск врага. Особо утруждаться не пришлось,

ведь свежий снег запечатлел все следы. Гарольд читал их как открытую книгу. С книгами ему было даже тяжелее.

Цепочка следов вела на север, в глубину лесной чащи. Разбойники даже не подумали как-то обезопасить себя, путая следы. Обломанные ветки на пути говорили следопыту, что этой тропинкой пользуются довольно давно и часто.

Ветер донёс до них слабый запах дыма. Логово уже близко, подумал Гарольд, и от предвкушения славной битвы улыбнулся. Йона заметила его улыбку и улыбнулась тоже.

Путники бесшумно скользили между деревьями, настороженно прислушиваясь к звукам, доносящимся из бандитского лагеря. Оттуда доносились собачий лай и приглушённые голоса.

Гарольд прижался спиной к толстой сосне, знаками показывая Йоне сделать то же самое. Разбойничье логово укрылось среди чащи, надёжно спрятанное от случайных прохожих. Но сегодня выпал снег, сохранивший все следы, и по лесной дороге шёл профессиональный охотник за головами. Не повезло вдвойне.

Лагерь представлял собой небольшую обжитую полянку, на которой разместились две приземистые лачуги. В центре полянки горел костёр, над которым на вертеле жарилась оленина, аппетитный запах которой заставлял рот наполниться слюной. Две собаки дрались между собой из-за требухи, а чуть поодаль какой-то бандит растягивал шкуру на деревянной раме, чтобы просушить.

Следопыт с некоторым разочарованием поглядел на дерущихся псов. Хороший сторож давно бы почуял их и прекратил драку. А ведь Гарольд даже не озаботился подобраться к лагерю с подветренной стороны.

Дверь одной из избушек со скрипом открылась, и в проёме показался полуголый мужик. Он по-хозяйски оглядел полянку, и раздражённо похрустел шеей.

— Где эти сволочи? — лающим мерзким голосом спросил он.

— К дороге ушли, — равнодушно бросил разбойник, всё ещё возившийся с оленьей шкурой.

— Какой ещё нахрен дороге!?! — разразился бранью мужик. — Они в лес должны идти! За дровами! А ну, иди за ними, возвращай сюда!

— Ты слепой, что ли? Я занят, сам иди, — огрызнулся разбойник.

Гарольд усмехнулся, притаившись за деревом. Никакого порядка. А значит, и большого сопротивления не будет. Он взвёл арбалет и быстро посмотрел в сторону бандитов. На щелчок механизма никто даже не отреагировал, даже собаки. Следопыту даже стало немного жаль этих людей. Но угрызений совести он не испытывал. Если они выходят на большую дорогу в поисках наживы, то по всем законам их ждёт только одно наказание.

Быстрый разворот из-за дерева, и арбалет посылает летящую смерть точно в грудь полуголому бандиту. Главарь с хрипом повалился на землю, вцепившись в болт, появившийся словно из ниоткуда. Второй разбойник, вытаращив глаза, уставился на лежащего поделника. Собаки, наконец, почуяв врага, с лаем бросились на следопыта и дикарку, но их уже ждали.

Псы не были обучены драться с человеком, и простодушно бросились на подставленную руку. Кулак поглубже в пасть, и собака задыхается, не в силах что-либо предпринять. Пара ударов, и животные больше не представляют опасности.

Разбойник проворно забежал в избушку, крича о нападении. Значит, они тут были не одни. В домах послышалась какая-то возня, и вскоре на улицу вышли трое, держа в руках

щиты. Гарольд выругался сквозь зубы. Этого он не предвидел. Если бандиты будут работать слаженно, то ему придётся туго.

Йона вскинула окровавленный топор и побежала на врагов, выкрикивая проклятия на родном языке. Гарольд снова выругался и побежал за ней. Против троих у неё нет шансов.

Девушка один за одним наносила яростные удары, и Гарольд понял её замысел. Щепка, отколовшаяся от хлипкого щита, больно ударила по щеке, но следопыт не обратил внимания. Он сосредоточился на том, чтоб отражать удары, которые могли бы достать Йону.

Разбойники стояли, почти прижавшись к стене избушки, не давая Гарольду зайти с фланга. Но это им не помогло. Как только первый щит превратился в обломки, следопыт чётко выверенным движением выпустил кишки одному из бандитов. Те попытались перейти в атаку, но умения им не хватало. Каждый удар вовремя блокировался, и разбойники рисковали сами напороться на меч или топор.

Глухая оборона тоже была бесполезна, и через несколько мгновений один из бандитов бросил оружие и упал на колени, умоляя его пощадить. Второй рассерженно сплюнул и попытался прорваться к лесу, но повалился на снег, сражённый топором Йоны. Сильный удар раскроил ему череп.

— Это все? Где остальные? — угрожающе спросил Гарольд, покачивая окровавленным клинком перед лицом последнего разбойника.

— Трое ещё, — он дрожащей рукой указал в сторону дороги. — За дровами пошли.

— Чем вы здесь занимались? — устало спросила девушка.

— Жили, охотились... Не убивайте меня, прошу, пожалуйста! — заголосил разбойник.

Гарольд слегка приложил его по лицу плоской стороной клинка, чуть повернув руку в конце удара. На щеке бандита появилась тонкая красная линия.

— Не вздумай нам лгать, — кисло произнёс охотник.

— Ладно, ладно, не убивайте только! — дрожащим голосом зачастил бандит, выставив руки перед собой. — Мы тут белила варим.

— Чего? — обескураженно спросила девушка.

— Наркотики, — объяснил ей следопыт.

Теперь всё встало на свои места. И логово в самой глуши, и забитый собачий нюх, и откровенно плохие боевые навыки. Это были всего лишь безобидные "алхимики", как они себя обычно называли. Хотя в любом случае, они заслуживали смерти.

— Показывай, где что лежит, — приказал Гарольд.

Разбойник закивал и повёл их в избушку. Внутри царил хаос. Повсюду валялись тряпки, остатки пищи и прочий мусор. Похоже, алхимики и сами были не прочь попробовать своё зелье. В ноздри бил сладкий приторный запах, от которого начинала кружиться голова. Йона с отвращением смотрела на весь этот бардак.

Несколько свёртков с порошком лежали на столе, как главная ценность. Гарольд покатал на руке серые гранулы и бросил обратно.

— Это всё? — спросил он.

— В другой избе варим, там ещё есть, — испуганно произнёс бандит.

— Йона, возьми свёртки, — равнодушно попросил Гарольд.

Девушка растерянно посмотрела на следопыта. Этого она никак не могла ожидать.

— Я бы поняла, если бы это Ровио предложил... — начала она, но замолчала под обжигающе злым взглядом Гарольда.

Йона покорно взяла порошок и пошла вслед за мужем. В другой лачуге обстановка была

на порядок лучше. На столах стояли банки, котлы, реторты, дистилляторы, ступки и прочее оборудование. Здесь порошок лежал большой кучкой прямо на деревянном блюде, ожидая расфасовки. Гарольд взял блюдо и вышел на улицу.

Оленина на костре уже с одной стороны обуглилась. Следопыт снял мясо с вертела, положил в сторонку и швырнул наркотик в огонь, знаком приказывая Йоне сделать то же самое.

— Не вдыхай дым, — посоветовал он, закрывая лицо.

Девушка послушно отвернулась, чтоб не нюхать этот приторно-сладкий запах. И чтоб Гарольд не заметил, как она покраснела от стыда.

Разбойник, чуть не плача, смотрел, как несметное богатство исчезает в пламени. Краем взгляда он увидел следопыта, мрачного как туча, и что-то подсказало ему, что нужно бежать. Бандит, петляя, словно заяц, припустил в лес. Гарольд взвёл арбалет и прицелился в сторону разбойника, мелькающего между деревьями, но девушка своей ладонью накрыла ладонь мужа.

— Не надо, — попросила она.

Гарольд медленно опустил арбалет.

Заснеженные тёмные переулки сегодня оказались необыкновенно пустынными. Даже редкие патрули не рисковали вечером отходить от безопасных улиц и площадей. Ночной город подчинялся совсем другим законам. Чернорясники пытались изловить всех бандитов и очистить все притоны, но начали каждую ночь находить трупы своих людей в колодцах и дворах. Однажды ночные мстители даже повесили захватчика на главной площади, прибив на грудь табличку "Убирайтесь". Пастырь рвал и метал, но пока ничего не мог поделать.

Максимиллиан шёл по городу, будто специально выбирая менее освещённые участки. Сердце выпрыгивало из груди при каждом шорохе. Его могли прирезать только за то, что он шёл, одетый в чёрную рясу. Впрочем, в прежние времена его здесь тоже могли с лёгкостью прирезать.

Добравшись к нужному дому, он трижды постучал. Двухэтажное старое здание смотрелось особенно невзрачно и серо. На уровне глаз с шорохом открылось небольшое оконце.

— Чего надо? — прозвучал угрюмый голос из-за двери.

— Я от аптекаря, — задыхаясь от страха, ответил толстяк.

Скрипнули засовы, и дверь рывком открылась. Привратник выглянул на улицу, огляделся и впустил Максимиллиана.

Изнутри дом выглядел не лучше, чем снаружи. Тёмная небольшая комната, пропахшая дымом и выпивкой. За крепко сбитым столом сидели несколько человек, играя в кости, но при виде толстяка вскочили и схватились за ножи.

— А это ещё кто такой? — прорычал один из игроков.

— От аптекаря. Влас меня предупредил, все нормально, — спокойно ответил привратник. — Давай, он ждёт.

На ватных от ужаса ногах купец пошёл куда сказано. Даже в обществе чернорясников он не испытывал такого страха. Каждый из сидящих здесь людей мог убить хоть императора, даже не моргнув глазом. Грабители, насильники, убийцы и контрабандисты. Самое дно городского общества, и Максимиллиан спустился туда почти добровольно.

Второй этаж оказался гораздо роскошнее. Просторный кабинет был заставлен

книжными полками, на полу лежала густая медвежья шкура, а под потолком висела люстра как минимум на полсотни свечей. Торговцу даже стало немного завидно. Даже в лучшие годы он не мог себе позволить такие излишества. А уж в то время, когда караваны не ходят и все прилавки пусты, тем более.

За столом сидел широкоплечий мужчина, раз за разом перечитывая какие-то списки и делая пометки на полях. Толстяк стоял в дверях, ожидая, пока на него обратят внимание.

Наконец, хозяин кабинета посмотрел на гостя. Удивительно, но он даже сидя в кресле умудрялся смотреть на посетителя сверху вниз.

— Говори скорее, — потребовал он.

Максимиллиан нервно кашлянул.

— Я от Гвидо, — начал он, но мужчина раздражённо перебил его.

— Давай сразу к делу.

— Мы планируем восстание и нам нужна ваша помощь. В качестве бойцов, — высказал самую суть купец.

Влас презрительно фыркнул.

— Сейчас о нём не мечтает только ленивый. Что вы хотите нам предложить? В обмен на помощь, — сложив руки на груди, медленно проговорил он.

— То же, что и остальным. Вам простят прошлые грехи. Позволят пограбить замок. Поделите тамошние богатства между собой. Ну и месть, разумеется, — зло улыбнулся толстяк.

— И что нам мешает пойти грабить замок прямо сейчас? Без вас. Я, между прочим, постоянно об этом думаю. И я думаю, что сил у меня хватит, — Влас откинулся на спинку кресла.

— Не хватит, — покачал головой Максимиллиан. — Я изнутри знаю, что там творится. Захватить, может быть, получится, а удержать — точно нет.

Мужчина хмыкнул, обдумывая слова торговца.

— Прямо сейчас наши люди договариваются с другими бандами. Если бы ты попытался взять замок в одиночку, они бы точно ударили тебе в спину. А в союзе с нами они не рискнут этого сделать. К тому же, мы поднимем горожан, — убеждал собеседника толстяк. — Если ты откажешься, то для нас ничего не изменится. А ты потеряешь отличную возможность поживиться. Подумай о своих людях, они тебе этого не простят.

— Ты прав, демоны тебя раздери, — выругался Влас. — Но это нужно обсудить всем вместе. Вы у аптекаря собираетесь?

Максимиллиан колебался с ответом. Выдавать тайное место не хотелось. Но бойцов катастрофически не хватало, и ему пришлось сказать правду.

— Мой человек зайдет завтра вечером. Пусть остальные тоже там будут, — спокойно произнёс мужчина. — Обсудим детали. До встречи, купец.

Торговец сдержанно попрощался и вышел из кабинета, чувствуя на себе пристальный взгляд главаря одной из самых влиятельных банд города.

Идея попросить помощи у городских отбросов принадлежала аптекарю. Как и предполагал Макс, он имел обширные связи в воровском мире. Как минимум, половина наркотиков в городе проходила через руки Гвидо.

В это же время Мирон и Пантей искали помощи в других местах. Мирон, как коренной обитатель портового района, отлично знал многих тамошних "знаменитостей" и мог с ними договориться, а Пантей пытался убедить простых горожан. Бергтер же занялся вербовкой

уличных наркоторговцев. Как бы ни было гадко от сотрудничества с такими отбросами, но в борьбе за правое дело годятся любые средства, думал купец, незаметно для себя повторяя слова Пастыря.

Максимиллиана мягко, но настойчиво выпроводили на улицу, заодно посоветовав забыть дорогу к этому дому. Но он не собирался возвращаться в это место. Он торопился убраться из неблагополучного квартала до того, как его увидят и зарежут. Тёмные узкие переулки не пугали его. Торговец страшился людей, которые могли бы там прятаться.

Он выбрался к площади и облегчённо вздохнул. Виселица снова была полна, окоченевшие тела раскачивались на ветру, но их общество оказалось гораздо приятнее, чем общество Власа и его дружков. При одном воспоминании об этих лицах толстяка кидало в дрожь.

Купец огляделся, и, никого не обнаружив, поплёлся в замок, где теперь обычно ночевал, среди так называемых "братьев". Так он не привлекал лишних подозрений и мог постоянно получать информацию. Условия там, конечно, были хуже, чем в любой из таверн города, и гораздо хуже, чем в старом доме торговца. Но на таверны не было денег, а из дома его бесцеремонно выкинули эти самые "братья". Максимиллиан про себя ещё раз помянул их недобрым словом.

На входе он перекинулся парой слов с охранниками, посетовав на то, что улицы с каждым днём становились всё опаснее. Привратники зябко поёжились в тонких шерстяных рясах и ответили, что лучше уж бегать по опасным улицам, чем стоять весь день на холоде. Макс засмеялся вместе с ними и прошёл в замок. Там его ждала горячая еда и тёплая постель, и это хоть немного поднимало настроение.

Толстяк прошёл в казарму, пропахшую солёным потом и дымом, попутно здороваясь с местными.

— Куда ходил? — с невинным видом поинтересовался молодой послушник, не отрываясь от починки сапог.

У Максимиллиана по спине пробежали холодные мурашки.

— В патруль, — с трудом поборов волнение, выпалил торговец первый попавшийся ответ.

Послушник удивлённо посмотрел на собеседника, широко раскрыв глаза.

— Без оружия? — с коротким смешком воскликнул неофит, и остальные поддержали его дружным смехом.

— Я его уже сдал, — сдавленно произнёс Максимиллиан, пробираясь к своей постели.

Он обессиленно упал на тонкий соломенный тюфяк и провалился в беспокойный сон.

Эта комната замка отличалась своей простотой. Под потолком горело несколько лучин, едва разгоняя тьму. Голые стены, на которых висело несколько полочек, циновка в углу и грубый деревянный стол. Жилище Пастыря отличалось своей аскетичностью. Пастырь сидел в полумраке, читая очередной философский трактат. Прямо напротив него сидел Мельник, покачиваясь на деревянном табурете.

— Меня волнует происходящее, брат, — безжизненным голосом произнёс Мельник, потирая квадратную челюсть.

— И ты пришёл ко мне, чтобы об этом сообщить? — проскрипел старик, не отрываясь от чтения.

Мельник вздохнул.

— Я волнуюсь за успех нашего дела. Народ недоволен, — продолжил он.

— Наше дело обречено на успех, — равнодушно ответил ему Пастырь. — Народ просто не знает, чего он хочет. Народ нужно направлять и поддерживать.

— Вот именно! Направлять, а не развешивать по столбам!

— Они сами виноваты в том, что не захотели принять истину. Мы не можем их за это винить, — начал объяснять старик.

Одна из лучин догорела и погасла. Пастырь поднялся с жёсткой лавки и запалил новую, небольшой прищепкой закрепляя её на место прежней. Закончив с освещением, он уселся поближе к Мельнику.

— Чем сильнее наказание, тем крепче вера в то, что закон силён. А когда народ верит в закон, то никакие беды не страшны, — продолжил он. — Давным-давно, на моей родине был закон, что если солдат бежит, то казнят весь десяток. Если бежал десяток, то казнили всю сотню. И наша армия была самой могучей во всём мире. Ты, как воин, должен это знать.

Мужчина понуро кивнул. Он даже не заметил, как мастерски Пастырь вывернул тему беседы.

В дверь осторожно постучали.

— Заходите, — произнёс старик, снова принимаясь за чтение.

В комнату вошёл один из молодых послушников, из тех, что были набраны в близлежащих деревнях. Из таких получались отличные слуги и посыльные, неграмотные, но преданные до глубины души.

— Пастырь, — начал он с благоговением в голосе. — Там пришёл какой-то человек, говорит, что у него есть важное сообщение.

— От кого? — поинтересовался Мельник.

— Он не назвал имени, но сказал, что это очень важно. Сказал, что ищет встречи с Пастырем, или с кем-нибудь из Девяти, — охотно поделился информацией неофит.

— Приведи его, — распорядился старик.

Послушник быстро скрылся в коридоре. Через несколько минут за дверью снова послышались шаги, и в комнату вошёл невзрачный мужичок в серой куртке и капюшоне.

— Добрый вечер, — поздоровался гость, закрывая за собой дверь.

Пастырь с Мельником одновременно подняли руки в знак приветствия.

— Чего ты хотел от нас, брат? — вкрадчивым скрипучим голосом спросил Пастырь, откладывая книгу в сторону.

— У меня есть для вас кое-какие сведения, которые будут вам интересны. Что вы можете мне за них предложить? — посетитель задал встречный вопрос.

— Зависит от сведений, — равнодушно бросил Мельник. — Будут полезны — заплатим, не будут — не заплатим.

— Я знаю о крысе. У вас, здесь, в замке, — мужик выдал кусочек информации.

Пастырь крепко задумался. Напиток обычно не ошибался, но случалось всякое. Так что среди них вполне мог затесаться предатель. Эти сведения стоило проверить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И сколько ты хочешь? — наконец спросил старик.

— Пять сотен монет серебром, и я называю его имя.

— Это очень большая сумма, — произнёс Мельник. — Нам придётся выдать её по частям.

— Нет, — отмахнулся Пастырь, царапая какие-то слова на клочке бумаги. — Отдашь

это Пивовару, он выдаст деньги. Послушник тебя проводит. Но сначала имя.

— Максимилиан из цеха торговцев, — с каким-то злым удовлетворением выдал посетитель.

Старик отдал записку гостю, и тот исчез за дверью. Пастырь задумчиво посмотрел на своего соратника. Тот пожал плечами.

— Думаешь, он нам наврал? — спросил Мельник.

— Не знаю, — улыбнулся старик. — Мы это проверим.

— А деньги? — немного удивлённо поинтересовался мужчина.

— Какие деньги? — засмеялся Пастырь. — В записке сказано, чтоб никаких денег этот проходимец не получил. Чтоб его вышвырнули на улицу. Вряд ли он умеет читать, чтобы это понять. Как думаешь, чем можно проверить его слова? Ещё раз напоить торговца зельем?

— Нет. Есть одна идея, брат, — довольно усмехнулся мужчина.

Мельник попрощался и вышел. В голове уже складывался блестящий план по поимке всех предателей разом. Заодно с теми горожанами, кто никак не мог принять для себя лучшую власть.

Для начала нужно было набрать добровольцев для "очень ответственного задания", и Мельник отправился в казармы, где ночевали многие из послушников. Ночь выдалась особенно холодной, и большая их часть осталась в тёплой казарме, вместо того, чтоб патрулировать. Мужчина с сожалением подумал о том, что в его нынешней армии дисциплина совсем никудышная. В предыдущей, где он командовал сотней, их муштровали от рассвета и до заката. Здесь же послушники спали, сколько хотели, уходили, когда хотели, и тренировались как хотели. Точнее, как попало, и это очень злило отставного офицера.

— Подъём! — рявкнул Мельник, и послушники неохотно начали просыпаться.

Кто-то заворчал насчёт того, что ещё глубокая ночь, и командир может пойти куда подальше, но Мельник ястребом подлетел к говорившему и одним ударом отправил его досматривать сны.

Наконец, все построились в неровную шеренгу, и бывший офицер смог начать свою речь.

— Завтра на закате из города отправится подвода с золотом. Мне потребуется десяток бойцов, чтобы её сопровождать. Добровольцы есть? — сохраняя бесстрастное выражение лица, чётко проговорил он.

Несколько человек вышли вперёд. Новички и ветераны, молодые и старые. Некоторых он знал, некоторых видел впервые, но все они выглядели так, будто только и мечтают о том, чтоб помочь общему делу. Мельник взгляделся в лица остальных. Максимилиан с сонным видом стоял на месте. Мельник кивнул, и отправил всех спать.

Теперь оставалось только найти телегу с хламом и сформировать отдельный отряд всадников для прикрытия ложной цели.

Утрами, в ясную погоду, лес казался одной большой сокровищницей, полной серебряных украшений. Иней покрыл всё, от раскидистых сосновых ветвей до волос и бороды Гарольда. Это было бы очень красиво, если бы не было так холодно. Каждую ночь путники разводили два костра и спали между ними, крепко прижимаясь друг к другу, чтоб сохранить хоть какие-то крупинцы тепла. Зима ещё не успела толком начаться, и выпавший снег таял к полудню, но долгие ночи стали для Гарольда и Йоны настоящим испытанием.

В бандитском логове они забрали припасы и кое-какую одежду, но всё равно беглецы

оказались одеты слишком легко для таких морозов. Йона ещё хоть как-то держалась, меховая куртка отлично хранила тепло, а вот следопыт не рассчитывал застрять в лесу в начале зимы. По его плану, он уже давно должен был быть в Мариграде. Но боги решили иначе, и драка с дикарями надолго задержала его в пути.

Теперь они каждый вечер подолгу беседовали, абсолютно обо всём. Гарольд рассказывал о своей прошлой жизни, о своей семье и друзьях, избегая только упоминать родную деревушку в своих историях. Душевные раны от того, что Ровио, которого он трижды спас от смерти, оказался дезертиром и убийцей, были ещё слишком свежи. Девушка, в свою очередь, рассказывала про обычаи и традиции своего народа, про суровую лесную природу, про то, как тяжело жить полукровке там, где её считали только за половину человека. Дикарка была счастлива наконец-то вырваться на свободу, пусть и таким путём.

И без того долгая дорога затянулась из-за того, что припасы заканчивались, даже те, которые им дал с собой Некрас. Приходилось каждое утро охотиться на мелкую дичь, и это тоже не прибавляло скорости.

Но, к удивлению Гарольда, это его вовсе не беспокоило. Он наслаждался приятным обществом своей жены, первой и единственной. К великому своему удивлению, многие его знакомые оказались не правы, описывая женитьбу как худшее, что может случиться. Пусть это вышло случайно, но следопыту невероятно повезло. И он отмечал для себя, что ничуть об этом не жалеет.

— Гарольд, что ты собираешься делать, когда в город придём? — спросила девушка, широким ножом разделявая тощего зайца.

Сухо потрескивал костёр, и язычки пламени радостно танцевали на горящем валежнике. Вечерний привал плавно переходил в ночёвку.

Следопыт почесал давно небритые щёки. Жёсткая щетина неприятно колола пальцы.

— Побреюсь, наверное, — задумчиво произнёс он.

Йона что-то недовольно промычала.

— Перед графом как-то объясниться надо, — неохотно произнёс Гарольд. — Придумаю чего-нибудь, не впервой. Всё-таки, хоть немного я же узнал.

— А если не поверит? — настороженно спросила девушка.

— Пытать будет, — Гарольд пожал плечами, подкидывая ещё несколько веточек в огонь. Пламя жадно взметнулось вверх и довольно затрещало.

— Может, лучше где-нибудь в другом месте разведать? — предложила дикарка, но Гарольд покачал головой в ответ.

— Слишком долго. Да и все следы на восток тянутся, а туда нам дороги нет, — отмахнулся он.

Йона вздохнула, ощущая, как сердце наполнилось лёгким сожалением. Как бы то ни было, как бы её там не любили, но племя — это её родина, и тосковать по ней придётся всю оставшуюся жизнь.

— Главное, чтоб с Фридой ничего не случилось, — произнёс следопыт с некоторой грустью. Сестру он искренне любил, и каждый раз беспокоился, когда оставлял её надолго одну.

Дикарка удивлённо почувствовала укол ревности. Следопыт много рассказывал о своей сестре, и все его рассказы были исполнены глубокой нежности.

— Почему ты с собой в походы её не берёшь, если так волнуешься? — спросила Йона, погружая пальцы в выпотрошенного зверька и бросая ребуху в костёр.

Гарольд коротко рассмеялся.

— Чтобы волноваться ещё больше? Нет, лучше уж так. Да и сейчас за ней Макс присматривает, а ему я в этом доверяю, — ответил он, добродушно улыбаясь.

Девушка отрезала несколько кусков мяса и бросила в закопчённый котелок. Хотелось добавить ещё и остатки крупы, но Гарольд запретил. Нужно было экономить, хотя бы до тех пор, пока они не подберутся поближе к обжитым местам. Сегодня на ужин была похлёбка, простая до невозможности. Следопыт только добавил в неё несколько съедобных кореньев, чтоб разнообразить уже начинающий надоедать вкус.

Солнце скрылось за верхушками деревьев, и на землю опустились сумерки. Костёр слабо разгонял приближающуюся тьму. Гарольд перенёс огонь на ещё одну кучку дров, и они быстро вспыхнули, щедро одаривая усталых путников теплом и светом.

Котелок залили водой и поставили в огонь. Теперь оставалось только ждать. Желудки громко урчали, но терпения, чтоб дождаться готовности, хватило. Гарольд, обжигаясь и матерясь, жадно хлебал почти кипящий суп. Йона аккуратно остужала варево своим дыханием, и только потом ела.

Насытившись, беглецы залили пустой котелок остатками воды и уселись на брёвнышко у костра. Где-то вдалеке гулко ухнул филин, эхом отвечая самому себе. Больше настораживающих звуков не было. Осенний лес здесь хоть и не был безопасным местом, но и не заставлял вздрагивать от каждого шороха.

— Прекрасный вечер, — улыбнулся следопыт и девушка кивнула ему в ответ. — Хотя лес уже немного поднадоел.

— Я всю жизнь прожила в лесу, — равнодушно произнесла дикарка.

— Значит, тебе ещё есть на что посмотреть.

— А города сильно большие бывают? — в который раз уже поинтересовалась Йона.

— Всякие бывают, — зевнул охотник. — В столице, говорят, пятьсот тысяч человек живёт.

— Не ври! — шутливо ударила его по руке девушка. — Не бывает такого. Им же есть нечего будет!

— Да я и не вру, пересказываю, — улыбнулся Гарольд. — Сам-то там не был, не довелось.

— Интересно, мы когда-нибудь там побываем? — мечтательно посмотрела в небо дикарка.

Гарольд слегка опешил. Слишком быстро она перешла из разряда "я" в разряд "мы". Но с лёгкостью отпустил эту мысль, взглянув на жену.

— Может и побываем, — ответил он и зевнул снова. — Давай-ка лучше спать.

Девушка встала, мило улыбнулась мужу и расстелила шкуру между костров так, чтоб стреляющие угольки не падали на мех и чтоб от огня доходило хоть какое-то тепло. Сверху ещё одну, чтоб было чем укрыться от холода и снега.

Следопыт поблагодарил её и, не раздеваясь, улёгся на импровизированную кровать. Достаточно жёстко, но лучше, чем на голой земле. Девушка примостилась рядом и укрылась почти с головой, плотно прижавшись к Гарольду. Тот лежал на спине, о чём-то размышляя.

— О чём думаешь? — шепнула она на ухо.

— Ни о чём. Спи, — улыбнулся ей Гарольд и впервые за всё время поцеловал.

Толстяк проснулся рано, но в отличном расположении духа. Ночное объявление

привело его в тайный восторг. Глупые чернорясники рискнули отправить золото в сопровождении всего лишь десятка бойцов. Такие силы можно было уничтожить даже без помощи бандитов. Вся казарма гудела от такой новости, Её следовало держать в строгой тайне, и послушники клялись друг перед другом, что ни одно слово о золоте не вырвется за пределы этой комнаты. Максимилиан тоже поклялся, нарочито громко и помпезно, призвав в свидетели солнце и гром. На всякий случай он скрестил пальцы в кармане, чтоб отвести наказание, но купец уже твёрдо решил стать клятвопреступником. Такой шанс нельзя было упускать.

Подождав, пока большинство послушников разойдётся на проповеди и патрулирование, Макс выскользнул наружу. Снег, больше похожий на мелкий песок, больно царапал кожу, а порывы холодного ветра пробирали до самых костей. Улицы были пусты, и только ветер гонял мёрзлые жухлые листья и мусор по земле. Толстяк закутался в тонкую рясу и почти бегом припустил к аптеке. Радовало только то, что идти было недалеко.

Аптека, как и всегда в последнее время, оказалась закрыта. Максимилиан нервно стучал по двери, мечтая о том, как расскажет об уникальной возможности вернуть все богатства. И ещё больше мечтая попасть в вожделенное тепло.

За дверью слышались неторопливое шарканье, и вскоре аптекарь отпер все замки, о чём-то ворча. Бергтер стоял, всё ещё одетый в пижаму и ночной колпак и сварливо глядел на посетителя. Видимо, торговец пришёл слишком рано.

— Чего тебе опять? — раздражённо спросил Гвидо, поёживаясь от стылого ветра.

— Можетпустишь уже? — пробормотал толстяк.

Аптекарь отошёл в сторону, а Максимилиан сразу направился к очагу. Угли жарко светились багровым цветом, и от контраста температур по телу купца табуном пробежали мурашки. Засовы в двери вернулись на место, и Бергтер повернулся к гостю, сложив руки на груди.

— Говори, — потребовал аптекарь.

— Там кто-нибудь есть? — толстяк мотнул головой в сторону подвала.

Гвидо покачал головой.

— Рано ещё. Утро же. Вечером приходи, — процедил он.

— Всех зови сюда. Новость важнейшая есть, — загадочно улыбнулся купец.

— И что это за новость? — недоверчиво произнёс аптекарь.

— Золото, — ухмыльнулся Максимилиан. — Много золота.

Через пару часов пятеро повстанцев сидели в подвале Бергтера и неторопливо завтракали, обсуждая свежие сплетни. Срочность вызова многих подняла прямо из постели, как и самого аптекаря.

— К чему такая спешка? — спросил Пантей, прихлёбывая отвар из ромашки и мёда.

В честь такой новости аптекарь не поскупился на угощение.

— До заката успеть нужно, — пояснил купец. — На закате телега выйдет. Но я пока не знаю, из каких ворот. Скорее всего из Закатных. Иначе куда ещё можно золото везти, как не в столицу?

— Сколько точно охраны будет? — раздался голос Мирона, как всегда до жути воинственного.

— Десяток послушников, возница, плюс пара-тройка человек на самой телеге, я думаю, — ответил Максимилиан.

— Ишь, думает он! А если их полсотни окажется вместо десятка? — недоверчиво

вскрикнул рабочий, но Фрида попыталась его успокоить.

— Если Максимилиан так говорит, то я ему верю, — миролюбиво сказала девушка. — Но, наверное, стоит позвать ещё кого-то из горожан. Если ты, конечно, оружие достал. Бандитам я не доверяю.

Толстяк с благодарностью посмотрел на подругу.

— Что насчёт обещанного оружия? — процедил Бергтер, с сожалением глядя, как уничтожаются его съестные припасы.

На дне реки покоилась ладья, полная высококачественной стали. Там были первоклассные клинки, которые сейчас так быгодились. Но торговец так и не нашёл того, кто рискнул нырнуть в грязную ледяную воду за ту скромную плату, которую он мог предложить. А сразу после пожара достать груз он не рискнул, опасаясь навести на себя подозрение.

— Эту проблему я пока не решил, — расплывчато ответил купец.

Мирон вполголоса выругался.

— Ты теперь предлагаешь брать обоз, используя булыжники и кулаки? Против мечей. Нет, я ни за какие богатства на такое не соглашусь, — рубанул он рукой по воздуху.

— Позовём горожан, у них должно быть хоть что-то, — выкрутился торговец.

— Пока ты пропивал остатки состояния, всё зарегистрированное оружие конфисковали, — равнодушно напомнила Фрида. — Графские списки нашли и использовали. Сказали, что теперь защитой города займутся профессионалы. Ублюдки, демоны их разорви.

Пантей поморщился от грязной брани, звучащей из уст хрупкой девушки.

— Придётся у бандитов помощи просить, — вздохнул он. — Наверняка свою долю потребуют.

Толстяк нахмурил лоб. Снова идти в это жуткое место очень не хотелось. Да и существовал риск, что бандиты попросту заберут всё золото себе. Скорей всего, так бы и случилось.

— Если кто-то отважится нырнуть в Маревку, то оружие будет, — вздохнул Максимилиан, решаясь, наконец, выдать тайну. Фрида, заслышав эти слова, многозначительно улыбнулась.

— В Маревку? Сейчас? Зачем это вообще? — посыпались вопросы со всех сторон.

— На дне лежит столько оружия, что хватит на роту солдат. В ладье, причал напротив "Речного дракона", — сознался купец.

— Постой, это ладья, которую сожгли не так давно? — уточнил Мирон, и толстяк кивнул в ответ.

— И как ты собирался его достать вообще? — растерянно спросил Пантей.

Максимилиан пожал плечами.

— Хотел заплатить кому-нибудь, — вздохнул он.

— Да в такую погоду на улицу выйти страшно, не то что в реку прыгнуть, — вставил аптекарь.

— Надо спешить, — заявил Мирон, вставая из-за стола. — Я достану оружие.

В полдень все пятеро стояли на причале, дрожа от холода и промозглого ветра. Ещё больше дрожи придавал вид грязной мутной воды, покрытой корочкой тонкого льда.

Мирон скинул одежду, оставшись в одной тонкой рубашке до колен. Он несколько секунд постоял на берегу и побежал в воду, громко матерясь от холода. Из окон таверны

пялились глумливые рожи местных посетителей, показывая пальцами. Больше наблюдателей не было. Чернорясники не хотели лишней раз появляться в портовом районе.

Мужчина взломал тонкий лёд и нырнул вниз. Максимилиан примерно описал, как найти свертки с оружием, так что он знал, куда плыть. Наблюдатели на берегу затаили дыхание.

К ним подошёл один из местных.

— Это он что, на спор, что ли? — хохотнул он.

— Да, на спор, — отмахнулись повстанцы, с надеждой ожидая, когда, наконец, вынырнет Мирон.

Секунды тянулись словно густая патока, и с каждым ударом сердца они всё больше боялись, что Мирон замёрзнет насмерть в ледяной воде. Река бурлила вокруг свай причала, и Максимилиан опасался, что Мирона попросту утащило течением.

Через несколько мгновений над водой показалась мокрая голова. Ломая тонкий лёд, Мирон слепо шагал к берегу, торопясь выбраться из реки. В руках он держал холщовый тяжёлый свёрток.

Фрида быстро сорвала мокрую рубашку с мужчины и насухо обтёрла его полотенцем, спешно уводя Мирона в тепло таверны.

Толстяк развернул холстину и увидел чуть поржавевшие клинки, украшенные клеймом известного столичного мастера. Оставшиеся повстанцы переглянулись и заспешили обратно в аптеку. Мирону предстояло сделать ещё несколько заплывов.

Закат окрасил башни и стены города в багрово-красный цвет, словно предвещая беду. Рядом с западными воротами уже стояла высокобортная телега, закрытая холстом. Зеваки переглядывались и менялись догадками, что таится внутри. Вести о золоте уже покинули пределы казармы, не только с помощью Максимилиана, и каждый второй сходил в мнении, что из города вывозят драгоценности.

Чернорясники ревниво оберегали повозку, но об истинном назначении груза знали только сам Мельник и несколько его приближённых. Бывший офицер, скрывшись под капюшоном, лично управлял лошадьми, которые сейчас переминались с ноги на ногу в ожидании.

Наконец, солнце коснулось горизонта, одна из лошадей вывалила кучу навоза прямо на мостовую, и Мельник оглянулся. Пока никаких признаков опасности не было видно. Но проверка есть проверка, и нельзя этим пренебрегать.

— А ну, пошли! — мужчина легонько хлестнул лошадей вожжами, и повозка со скрипом тронулась.

Следом за ней, вышагивая, словно на параде, пошёл десяток всадников, вооружённых мечами и копьями.

Западная дорога вела в предгорья, и за перевалом Вьюги начинались уже обжитые земли, издавна принадлежавшие империи. Впереди можно было встретить несколько деревень, но ближайший крупный посёлок находился уже по ту сторону горного хребта.

Но Мельник и не планировал идти так далеко. Достаточно было проехать несколько часов и вернуться в Мариград под покровом ночи. И если по пути их никто не атакует, то вчерашний посетитель оклеветал члена братства, и заслуживает смерти. Если кто-то попытается захватить груз, то Максимилиан — предатель, и тоже заслуживает смерти. Мельник допускал и другие варианты, например, что крысой окажется кто-то другой, но если уж назвали одно имя, то нет смысла искать кого-то ещё.

Городские стены оказались позади, и теперь они шли по хорошей широкой дороге. Наверное, единственной хорошей дороге в этих краях. Бывший граф не слишком-то заботился о своих подданных, и Мельник не преминул это отметить. В будущем нужно будет заняться развитием дорожной сети, подумал он.

Вдалеке были видны туманные силуэты Облачных гор, и Мельник с ностальгией вспомнил армейскую службу. Где-то там, за ними, всё ещё сражались его братья по оружию, защищая корону от посягательств императорского бастарда. Порой бывшему офицеру хотелось вернуться туда, но он поклялся без сожалений отринуть всё, что связывало его с прошлой жизнью. А нарушать клятвы он не любил, и клятвопреступников люто ненавидел.

Впереди стал виден поворот, скрытый за холмами. Отличное место для засады. Один из всадников ринулся было на разведку, убеждённый, что охраняет несметные богатства, но Мельник жестом остановил его. Сегодня они должны ехать особенно безопасно.

Ложбины между холмами скрывали небольшой отряд мятежников. Мирон знал местность, и решил устроить засаду именно здесь, когда узнал, что враги пойдут этой дорогой. Против десятка чернорясников он привёл почти четверть сотни горожан. Бывшие стражники, солдаты и просто сорвиголовы были рады вспомнить ремесло войны.

После купания в Маревке он всё-таки отважился возглавить атаку, несмотря на все

признаки надвигающейся простуды. С ним был Пантей, напряжённо вглядывающийся в горизонт. Аптекарь и торговец перед лицом опасности струхнули, сославшись на то, что они не бойцы, а Фриду взять на дело попросту отказались. Девушке на войне не место, как бы она туда ни стремилась.

Когда на дороге стала видна телега, Мирон приказал всем готовиться к битве. Большинство воинов уже были готовы. Новые мечи блестят, песком отчищенные от ржавчины, свежие рукояти из бечёвки врезаются в ладонь. Всё готово к резне.

— Как-то они странно едут, — прошептал сапожник, всматриваясь в порядок чернорясников.

Телега шла впереди, всадники неспешно ехали сзади, пересказывая друг другу анекдоты и сплетни. Мельник специально приказал ехать так, несмотря на протесты бойцов. Некоторые из них уже водили караваны, и такой способ наверняка приводил к гибели в случае нападения.

Когда повозка достигла холмов, Мирон призвал проклятие на голову врага и с диким рёвом побежал в атаку. Остальные повстанцы ринулись следом, с обеих сторон дороги, пытаясь взять караван в клещи.

Мельник удовлетворённо улыбнулся. План сработал. Рывок верёвки, и холстина падает на землю, во всей красе показывая груз. Два десятка отборных рубак, закованных в сталь, прыгнули вниз, обнажая мечи. Всадники с гиканьем поскакали на врага, размахивая оружием.

Повстанцы не отступили. Вид одоспешенных воинов поначалу обескуражил их, но горожане храбро кинулись в бой.

— Это ловушка! — выкрикнул Пантей, уворачиваясь от копья всадника.

— Я вижу! Надо уходить! — тяжело дыша, ответил Мирон, пытаясь отыскать брешь в обороне латника.

Чернорясники методично перемальывали сопротивление мятежников, двигаясь ровным строем. Всадники проносились мимо, насмешливо улюлюкая. Горожане сумели убить нескольких захватчиков, но численный перевес, выучка и внезапность были на стороне сектантов.

Мельник носился по полю боя, словно демон, стремительно уничтожая врагов. Он ликовал, с головой погрузившись в упоение схваткой. Сегодня он снова был счастлив. Он убивал и приказывал убивать, он играл со смертью, часто давая вражескому оружию просвистеть совсем рядом с его головой или шеей. Но каждый раз он оставался невредим.

Мирон сражался так, как не сражался никогда. В крови бурлила ярость. Они позволили заманить себя в ловушку, хотя сами пытались устроить её. Охотник стал дичью. Но Мирон не позволял себя убить, стараясь дорого продать свою жизнь, успевая ещё и прикрыть соратника. Пантей не обладал боевыми навыками, но был храбрым мужчиной. Однако, этого было недостаточно, чтоб выжить. Нужно было убежать.

Когда один из всадников в очередной раз проносился мимо Мирона, тот просто швырнул свой клинок ему в лицо. Сталь с противным звуком рассекла плоть, и враг повалился на землю. Мирон подобрал с земли первое попавшееся оружие и, схватившись за уздечку, ловко запрыгнул на коня. Развернувшись к Пантею, он попытался вытащить его из гущи битвы, но увидел, как латник разрубает его, словно мясник. Победоносная битва превратилась в бойню.

Удар плащмя по лошадиному крупу, и он уже мчится назад, в город. Позорное бегство и

гибель всего отряда разъедали его душу. Хотелось завывать от отчаяния. Взгляд Мирона упал на окровавленный меч, который он держал в руке. Мирон взял его с вражеского трупа, и совершенно такой же сегодня он вытащил из реки. А это означает только одно. Предательство.

Мирон во весь опор скакал к воротам, моля всех богов о том, чтоб они оказались не заперты на ночь. Если ворота закрыты, придётся либо ночевать где-то в посаде за стенами, либо платить страже, которая наверняка осведомлена о нападении на караван. А чем дольше задерживается Мирон, тем больше вреда может нанести предатель.

Одинокий всадник прибыл вовремя. На небе уже показались звёзды, но сегодня привратники не спешили. Мельник предупредил караульных о скором возвращении. Мирона даже не успели окликнуть, и он галопом промчался мимо. Нужно было скорее предупредить всех.

К счастью, ночные улицы были пусты, и вскоре он добрался до нужной аптеки. Мирон спрыгнул с коня и хлопнул его по крупу. Животное умчалось куда-то в сторону замка.

Аптека снова оказалась закрыта, но Мирон громко забарабанил по двери. Едва Бергтер успел отпереть засовы, мужчина влетел внутрь.

— Всё пропало! Это конец! — Мирон трясся от нервного напряжения.

— Что произошло? — спросил Гвидо.

— Этот ублюдок... Торговец. Он нас предал. Мы думали, что это наш агент, а оказалось наоборот! Я убью его! — заорал мужчина. — Пантей убит, Третьяк убит, Милонег убит, все мертвы!

— Тише. Ты всю улицу разбудишь, — процедил аптекарь. — Какие есть доказательства измены?

Мирон развернул полу куртки. Окровавленный меч с грохотом упал, царапая паркет.

— Не узнаёшь клеймо? — с издёвкой спросил Мирон.

— Мастер Эрвин, имперский оружейный двор, — Бергтер рассмотрел замысловатый вензель на клинке. — Все его знают.

— Этот меч я подобрал с трупа. Чернорясника. Днём вытащил точно такие же из реки, — Мирон грязно выругался и ударил кулаком по стойке. — Этот говнюк нас предал! Заранее снабжал их оружием!

— Успокойся, — сказал Гвидо. — Это ещё ничего не доказывает. В городе было достаточно таких мечей. В графской оружейне точно бы нашлись.

— Разве? Тогда почему он так долго скрывал, где можно достать оружие?

— Может, не хотел подвергать нас риску? — развёл руками аптекарь.

— Ты сам в это веришь? — горько усмехнулся Мирон. — Ты же всегда с ним враждовал, почему теперь защищаешь?

— Я не хочу его смерти. Враг моего врага — мой друг. Он искренне ненавидит сектантов, это заметно. Да и служить им он не вызывался.

— А я думаю, что он служит только золоту, — злоба заставляла голос Мирона дрожать. — Видел, как у него глаза горели, когда он про караван рассказывал?

— Все мы чему-то служим, — вздохнул Бергтер. — Я предлагаю поговорить с ним. Мы всё поймём по его виду.

Сегодня Максимилиан заночевал в "Весёлой пинте", чтобы сразу узнать о результатах ограбления. Любопытство сжирало его, и толстяк мерил шагами маленькую комнатку на втором этаже. Солнце уже давно село, и караван ушёл, но известий так и не было.

Раздался настойчивый стук в дверь. Купец посмотрел в щель, но ничего не смог разобрать, и открыл задвижку. В комнату по-хозяйски ввалились Гвидо и Мирон.

— Ну, что, как всё прошло? — толстяк сгорал от нетерпения.

Бергтер о чём-то прошептал своему спутнику, но тот отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Рассказывай, — приказал Мирон.

— О чём? — удивился купец.

— Всё рассказывай, с самого начала, — сказал Мирон, играя желваками.

— Что рассказывать? — не понимал Максимилиан.

— Как ты нас предал, гнида! — заорал мужчина и попытался ударить купца, но аптекарь крепко взял его за локоть.

— Но я... Никогда... — лепетал толстяк.

— Нападение провалилось, все погибли. Пантей погиб, Мирон чудом спасся, — объяснил аптекарь.

Максимилиан в ужасе бухнулся на кровать.

— К-как... — прошептал он.

— На засаду нарвались, — прорычал Мирон. — Все мертвы, ты понимаешь?

— Но я не знал, клянусь!

— Тогда может объяснишь, почему у них было точно такое же оружие? Абсолютно одинаковое, в твоей ладье и у них, — Мирон скрипел зубами от гнева.

Торговец устало прикрыл глаза, проклиная тот день, когда польстился на выгодное предложение контрабандистов.

— Да, я продавал им оружие, — выдохнул он. — Но я клянусь, я не знал, кто они и зачем им это оружие!

Мирон сплюнул на пол в знак презрения. Аптекарь потемнел от злости, разом истратив весь запас доверия к Максимилиану.

— Если по-хорошему, то тебя следует убить, — прорычал Мирон. — Но Бергтер очень просил оставить тебя в живых, и я оставлю. Чтобы ты, ублюдок, мучился осознанием того, что сделал.

— Можешь нас больше не искать, — процедил Гвидо, источая презрение. — Я скажу Фриде, чтобы не говорила новое место встреч. Хотя я не думаю, что она захочет с тобой общаться.

Толстяк только хлопал глазами, не в силах что-то сказать в своё оправдание. Он молча смотрел, как уходят бывшие соратники. Хлопнула дверь, и смятение Максимилиана сменилось ощущением полного бессилия и отчаяния. Сегодня он лишился последних шансов отомстить.

Он встал и дрожащими руками открыл ставни. В комнату ворвался морозный ночной воздух, заставляя торговца дрожать ещё сильнее. Его озарила безумная идея, как можно вернуть доверие повстанцев. Сегодня ночью он убьёт Пастыря.

Ночь встретила его тёмными объятиями. Максимилиан шёл, не разбирая дороги, при виде прохожих нервно хватаясь за кинжал. От страха тряслись колени, но толстяк упрямо шёл к своей цели. Замок возвышался над городом чёрной громадой, и торговец видел, как горит свет в одной из башен. Именно там всё решится.

Дозорные у ворот даже не окликнули его, посчитав, что это один из ночных патрульных возвращается в казарму. Максимилиан натянул капюшон, сгорбился и спрятал кинжал в

рукаве. Он прошёл мимо казармы, и проскользнул в донжон. Мрачные коридоры нависали над ним, внушая ещё больший страх. Предки графа грозно смотрели со стен. Чернорясники не стали сжигать портреты, посчитав их произведениями искусства. В ряду портретов недоставало только последнего.

Максимиллиан поднялся по винтовой лестнице, прошёл ещё по одному коридору и остановился возле двери. В комнате Пастыря слышались приглушённые голоса. Толстяк встал в дальнем конце коридора, до боли в пальцах сжимая рукоять кинжала.

Минуты ожидания тянулись, словно густая смола. Громкие чеканные шаги прогрохотали по направлению к лестнице, и всё затихло. Толстяк постарался как можно тише прокрасться обратно к двери. Прямо перед его лицом дверь открылась.

— Максимиллиан? — раздался голос Пастыря.

Толстяк стоял, дрожа перед лицом своего врага.

— Не бойся, заходи, — улыбнулся старик. — Не надо робеть перед лицом своей судьбы, брат.

Купец покорно вошёл в полумрак комнаты. Колени предательски тряслись.

— О чём ты хочешь рассказать, брат мой? — проскрипел голос позади.

— Повстанцы... — просипел толстяк.

— Что?

— Смерть захватчикам! — завопил Максимиллиан, беспорядочно нанося удары кинжалом.

Пастырь, несмотря на видимую старость, проворно увернулся от каждого взмаха клинка.

— Ты выбрал дорогу к тьме, — вздохнул старик. — Но свет даёт мне силу направить тебя на путь истины!

Толстяк всё ещё пытался заколоть противника, прижимая его к стене, но тот легко уходил от ударов.

— Вернись к свету, умоляю тебя, — сказал Пастырь. — Твои прежние желания снова завладели тобой. Отрекись от них, без сожалений, и ты вернёшься.

— Скорее, я без сожалений убью тебя! — заорал Максимиллиан.

В коридоре послышался грохот.

— Мне очень жаль, — вздохнул старик.

Комната быстро заполнилась людьми, и чернорясники выбили из рук толстяка кинжал. Несколько дубинок одновременно опустились на его плечи и голову. Торговец упал, закрываясь от ударов, но его продолжили бить до тех пор, пока Пастырь знаком не потребовал прекратить экзекуцию.

— Меня многие пытались убить, — проскрипел он. — Как видишь, безуспешно. Все теперь мертвы, но немногим я давал ещё один шанс. Отрекись от прошлого, и тогда я прощу тебя и назову своим братом.

Максимиллиан выплюнул сломанный зуб. Тело болело так, словно по нему пробежал табун лошадей. Кажется, ему сломали несколько рёбер. Окровавленные пальцы перед лицом неестественно вывернулись.

— Будь ты проклят... — прохрипел он.

Старик взмахнул рукой, и дубинки снова обрушились на несчастного толстяка. Тот неуклюже закрывался и сыпал проклятиями, завывая, словно раненый зверь.

— Может, теперь ты готов? — сказал Пастырь, и чернорясники закончили избиение.

Торговец вздрагивал, ожидая следующих ударов, и хрипел, не в силах сказать и слова. — Тащите его вниз. Там он точно передумает, — проскрипел старик.

Сектанты, не говоря ни слова, вчетвером подняли тучного купца, и вынесли из комнатки, словно уже тысячу раз проделывали это.

Максимиллиан проснулся от прикосновения. По лицу бежало что-то мохнатое, острыми коготками царапая кожу, но торговец не мог даже пошевелиться. Он глухо застонал, и ощущение с возмущённым писком пропало.

— О, проснулся, что ли? — раздался голос неподалёку. — Здорово они тебя отделали. Жить будешь, а вот встать ещё долго не сможешь.

В ответ купец мог только застонать. От слабости тошнило, а голова казалась набитой ватой. Даже неизвестный голос слышался так, словно Макс находился под водой. Ощущения подсказывали ему, что он лежал в луже собственной мочи, не в силах даже перевернуться. Изломанное тело требовало прекратить мучения.

— Ну, в первый раз всегда так, — вздохнул голос. — Тебя за что?

Торговец не ответил, снова проваливаясь в глубокий целительный сон.

В новом штабе восстания грянул гром.

Фрида носилась по комнате словно разъярённая львица, поливая соратников отборной бранью.

— Как вы вообще додумались до такого!? — кричала она, размахивая руками. — Кто вас надоумил? Болваны, идиоты, ублюдки, сволочи!

Мирон и Гвидо пристыженно стояли, слушая, как их поносит обычная служанка. Остальные повстанцы затаились по краям комнаты в страхе попасть под раздачу.

— Ты, поганый идиот, возомнил, будто Максимиллиан предал нас? — девушка ткнула Мирона пальцем в грудь. — Я его знаю дольше, чем всех вас остальных вместе взятых!

— Но Фрида... — промямлил аптекарь и стушевался под грозным взглядом.

— А ты, лысый поганец! Ненавидел его всю жизнь, и теперь избавился от врага, да? Пока мы тут решаем, как прогнать этих уродов, ты решаешь личные проблемы? Разве ты не предатель?

Зал одобряюще загудел. Бергтер здесь многим не нравился.

— У нас есть оружие, у нас есть люди! Мы должны вызволить Максимиллиана! Пока вы здесь жуёте сопли, он наверняка сидит в подвале, и только боги знают, что там с ним могут сделать!

— Откуда ты знаешь, что его вообще схватили? — спросил Мирон. — Ночью он всего лишь ушёл в замок. Может, он просто в казарме сидит.

— Я сегодня на замковой кухне была! Все только и говорят, что ночью там схватили какого-то предателя! — фыркнула девушка. — И если это не наш Максимиллиан, то мы всё равно должны его вызволить!

В комнате повисло тягостное молчание. Все переглядывались друг с другом, страшась взять на себя ответственность.

— Мерзкие трусливые бабы! Да у вас яиц не больше, чем у меня под юбкой! — крикнула Фрида и сплюнула, выражая крайнюю степень презрения.

Мужчины в комнате стыдливо молчали.

— Фрида, не делай поспешных решений, — сказал Гвидо.

Девушка сердито посмотрела ему в глаза.

— Однако, вы сделали! И к чему это привело? Идиоты!

— Успокойся, прошу тебя, — елеиным голосом произнёс аптекарь. — Полагаю, Максимилиан сам найдёт выход.

Фрида громко рассмеялась ему в лицо.

— Я живу здесь уже несколько лет. Не помню ни одного случая, чтоб кто-то сумел сбежать из графской темницы.

— Тогда мы ничем не сможем ему помочь.

— Сможем! Если мы застанем их врасплох и ударим быстро! — настаивала она.

— Мы уже попытались, — процедил Мирон.

— Если бы вы оказались чуть храбрее... — начала Фрида, но Мирон её перебил.

— Тебя там не было! Я видел, как погибали лучшие наши люди! Ты не понимаешь! — сорвался он. — Им невозможно было противостоять, мы попали в ловушку! Из-за твоего драгоценного Макса!

Девушка, словно разящая молния, подлетела к Мирону и вlepила обжигающую пощёчину.

— Он невиновен! — прорычала она. — Невиновен, тупая твоя башка! Ловушку приготовили и для нас, и для него!

— Но как же мечи... — сказал Мирон.

— Забудь про мечи! Я лично читала бортовой журнал той ладьи! Он и понятия не имел, с кем торгует! — Фрида всплеснула руками, почти отчаявшись вразумить соратников. — Разве у вас нет за душой мелких грешков?

Многие потупили взор, некоторые сердито взглянули на аптекаря, который стоял, как ни в чём не бывало.

Мирон не знал, что и думать. Доводы Фриды казались разумными. Но гибель всего отряда стояла перед глазами, напоминая о ловушке. Мышеловка захлопнулась. Всего один точный удар, и восстание почти разбито.

— Ну так что, вы со мной, или будете прятаться за юбки ваших мамаш? — рявкнула девушка.

Повстанцы снова переглянулись. Гробовое молчание.

— Это вы предатели! Вы, все! Поганые трусливые сволочи! — почти заплакала Фрида от ярости. Хотелось крушить всё на своём пути. А ещё лучше взять меч и снести парочку вражеских голов.

— Прости... Мы не можем рисковать ради одного человека... — произнёс кто-то в толпе.

— Но готовы рискнуть ради золота! — девушка снова плюнула.

Ответить ей никто не рискнул.

— Что ж, если здесь нет настоящих мужчин, придётся мне самой пойти, — махнула она рукой. — Прощайте, бабоньки. А я иду выручать друга.

Грязная мокрая солома вместо лежанки, ведро в углу и небольшое окошко под самым потолком. Максимилиан осмотрелся, с великим трудом разлепив глаза. Каменный мешок, в котором сгнили заживо многие. В постели копошились крысы, а в принесённой баланде плавали мелкие белые червячки. Толстяка чуть не стошнило от одного вида, но желудок уже давно был пуст. Запахов, к своему счастью, он не ощущал. Нос сломали, и кровь свернулась внутри, забивая ноздри. Дышать было трудно, но не только поэтому. С каждым вдохом

внутри что-то свистело и клокотало, причиняя мучительную боль. Торговец прислонился к заплесневелой каменной стене и сидел, проклиная своих палачей.

По словам неизвестного соседа, ночью к нему приходили, но будить не стали, а просто поставили миску баланды. Разговаривать было трудно, пересохшая глотка требовала воды, но молчать и оставаться в одиночестве было страшно.

Сосед находился в камере напротив, и железные решётки вместо дверей позволяли свободно общаться. До тех пор, пока охранник не прикрикнет на них.

— За что тебя? — прохрипел купец.

— Сам дурак, доверился им, — вздохнул неизвестный. — Денег потребовал, мне не дали, я одного из них в челюсть ударил. Челюсть набок, меня в темницу.

Максимиллиан усмехнулся, поморщившись от боли.

— Били? — спросил он.

— Конечно, — ответил сосед. — Не так, как тебя, но тоже встать не мог. Тебя сейчас родная мама не узнает.

От одной мысли о том, чтобы встать, кружилась голова и накатывала слабость. Толстяк с сожалением помечтал о горячей ванне и тёплой постели, понимая, что больше никогда их не увидит.

— Тебя-то за что сюда, сосед? — спросил неизвестный.

— Пастыря... Убить... — просипел толстяк, подбирая как можно более лаконичный ответ. Говорить было больно.

— Ранил хоть? — с надеждой в голосе спросил сосед.

— Нет.

— Жаль, — с искренним сожалением ответил неизвестный, и Максимиллиан понял, что в камере напротив сидит кто-то из союзников-повстанцев.

— Ты... Восстание... — толстяк попытался проверить свою догадку.

— Восстание? Нее, — фыркнул сосед. — Просто ненавижу этого старикашку.

В соседней камере пискнула крыса, и послышалась какая-то возня.

— Душить этих мерзавцев надо, — буркнул неизвестный.

Максимиллиан не ответил. В коридоре раздался звук шагов и металлический звон ключей.

— О, у нас гости, — процедил сосед.

Напротив камеры торговца остановились две тёмных фигуры, заслоняя и без того тусклый свет факелов. Скрипнул замок, решётка отворилась, и на Максимиллиана выплеснули ведро холодной воды.

— Взбодрился? — хохотнул один из мучителей.

— З-з-знаешь, ч-что у нас делают с п-п-предателями? — заметно нервничая, спросил второй.

Ледяная вода словно вытягивала последние силы. Максимиллиан собрался с духом и плюнул кровью на сапог палачу. Немедленный удар, и торговец откидывается назад, скрючившись на полу.

— Т-ты уже м-м-мертвец, — хихикнул палач.

Толстяк узнал этот голос. Один из богомерзкой девятки чернорясников. Кажется, Пивовар. Второй палач, скорее всего, тоже один из девяти. За покушение на своего кумира почти все были готовы вспороть глотку Максимиллиану.

— Не понимаю, зачем Пастырь дал тебе возможность вернуться, — усмехнулся сектант,

тяжёлым пинком перекатывая узника к стене. — Даже если ты снова будешь одним из нас, тебя попросту разорвут.

— М-может это оч-чередной хитрый п-п-план?

— Может быть, — фыркнул палач, делая ещё несколько ударов.

Купец неуклюже закрывался искалеченными руками.

— Пастырь велел нам тебя помыть и накормить, — процедил сектант. — Так что жри, свинья.

Липкая холодная каша с мерзким хлопьяющим звуком приземлилась рядом с головой толстяка, обдав его брызгами.

— В-в-всё, п-пошли, — Пивовар дёрнул товарища за рукав.

— Кажется, мы выполнили просьбу в точности, — заржал палач. Второй поддержал его своим хихиканьем. — Можно идти, принять горячую ванну и отведать рябчиков. Ты бы тоже смог, если бы не был жалким предателем.

Напоследок Пивовар отвесил узнику несколько пинков и чернорясники скрылись в коридоре.

— Так ты предатель? — удивился сосед, когда шаги затихли вдали.

Стальной клинок неприятно холодил кожу. Пришлось привязать его к ноге, чтоб незаметно пронести в замок, и из-за этого Фрида заметно прихрамывала. Широкие юбки скрыли тяжёлый меч, но походка подозрительно изменилась. Девушка страшно нервничала, но выручить друга было необходимо. Кто, если не она? Было немного жутко от того, что ей придётся спуститься в знаменитые графские подземелья, но она, стиснув зубы, шла вперёд.

Центральная площадь этим утром пустовала, и лишь несколько повешенных качались на стылом ветру. Фрида бегло прочитала таблички на их груди: "Вор", "Убийца" и "Конокрад". При старом правителе не бывало, чтоб на площади висело столько трупов. При новой власти виселица не пустовала никогда, и девушка с сожалением подумала, что Максимилиан может стать одним из этих несчастных. Лучше бы развешать всех этих чернорясников.

У ворот шла какая-то вялая перебранка. Стражники отказывались впустить внутрь горожанина, который утверждал, что один из сектантов задолжал ему денег. Наивный мужик полагал, что сможет выбить долги из чернорясника. Фрида остановилась неподалёку, понимая, что пока идёт эта ссора, в замок ей не пройти.

Мужик настойчиво искал встречи с неким Мурытом, который вчера пил в "Красном витязе". Девушка улыбнулась. В этом притоне собирались все городские шулеры.

— Он мне денег должен! — чуть не визжал горожанин, пытаясь протиснуться между охранниками. — Мурыт мне встречу в вашей казарме назначил! Позовите его!

— Пошёл вон, — спокойно, но не допуская возражений, отправляли его стражники.

— Я буду жаловаться! — завопил мужик, и сектанты громко рассмеялись.

— Пошёл вон, — снова оттолкнули его привратники. — В городе чрезвычайное положение. В замок без пропуска пускать никого не велено. Шуруй отсюда, пока дубинкой вдоль хребта не огрели.

Мужик стоял, чуть не плача. Фрида тоже. Вся затея с проникновением в тюрьму потерпела крах уже на первом этапе. Нужно придумать что-нибудь получше, но в остальных воротах наверняка точно так же требуют пропуск.

Девушка в смятении заковыляла прочь. Перелезть через стену нереально, пропуска скорее всего выписываются поимённо, а просто за красивые глазки фанатичные сектанты её

не пропустят. Срочно требовалось придумать выход. И выход нашёлся, простой и элегантный. Осталось только дожидаться нужных людей.

Из ворот, как обычно, вышел вооружённый патруль и, рассыпавшись на двойки, разошёлся по разным кварталам. Наметив своей целью один из отрядов, Фрида поспешила за ним.

Сектанты вальяжно обходили узкие улочки, по-хозяйски осматривая прилавки. Такие патрули скорее не защищали город от бандитов, а просто обирали несчастных жителей. Наученные горьким опытом, местные попросту прятались в домах при виде чёрных ряс.

Девушка, пользуясь знанием города, легко вычислила примерный маршрут патруля и быстро обогнала их по переулкам, дожидаясь за углом одного из домов. Когда вдалеке стали видны приближающиеся сектанты, она приготовилась. На душе было необыкновенно мерзко.

Патрульные изрядно удивились, когда на пути встретила симпатичная девушка. Обычно все разбегались. Девушка поправила декольте, и томным голосом произнесла, указывая на подворотню:

— Не желаете поразвлечься, господа? Только по одному! Всего за 30 монет! — подмигнула она и улыбнулась. Только боги знают, чего ей это стоило.

Сектанты переглянулись. Не каждый день встречается такая удача. Они кинули простой жребий, и первый мужчина, похотливо улыбаясь, отправился вслед за девушкой.

Фрида взяла прислонённый к стене меч, быстро развернулась и вспорола брюхо сектанта. Тот даже не успел отреагировать.

— Будь ты проклят, жалкий ублюдок! — прошипела она, с ненавистью глядя ему в глаза.

Чернорясник издал сдавленный вздох, удивлённо глядя на убийцу и пытаясь запихнуть кишки обратно. Второй сектант услышал, но не обратил внимания, коротко хохотнув. Вздохи и ахи были неотъемлемой частью процесса.

Девушка торопливо обшарила карманы мертвеца. Несколько монет, огниво, записка. Она быстро развернула кусочек пергамента, выскобленного почти до невесомой толщины.

"Сим документом указываю, что брат именем Фрол допущен входить и выходить сколь пожелает."

Ни печати, ни подписи документ не содержал, и Фрида выругалась. Она в любой момент могла написать хоть тысячу таких пропусков, а предпочла унизиться перед этими похотливыми свиньями. Тёмно-вишнёвая кровь Фрола текла по снегу в сторону улицы, и девушка выругалась ещё раз. Скоро второй патрульный увидит кровь и поднимет тревогу. Она сунула трофеи за пазуху, схватила меч и побежала в сторону "Весёлой пинты", своей старой таверны, минуя широкие улицы. Каждая минута промедления могла стоить Максимилиану жизни, и девушка торопилась.

Таверна встретила её необыкновенно пустым залом. Прежде, когда она здесь работала, такого не бывало. Только одинокая хозяйка небрежно подметала пол.

— Фрида? — удивилась она. — Ты что здесь делаешь?

Девушка смущённо стояла, не зная, что сказать.

— Какая-то ты вся замученная... Пойдём на кухню, накормлю хоть тебя, — вздохнула Герда, хозяйка когда-то процветающего трактира.

— Нет-нет, мне чернила с пергаментом нужно... — озвучила Фрида необычную просьбу.

— Зачем? — снова удивилась женщина.

— Пропуск в замок сделать, — призналась гостья. — Максимилиана выручить надо. Срочно.

Герда ахнула и поторопилась куда-то наверх. Вскоре она вернулась, держа в руках необходимые письменные принадлежности.

— А с ним что случилось-то? — спросила хозяйка, наблюдая, как Фрида выводит на записке корявые буквы.

— В тюрьме, скорее всего, — вздохнула девушка. На пергамент упала жирная клякса.

— Давай я напишу, — предложила помощь хозяйка таверны, но Фрида твёрдо отказалась.

Через несколько долгих минут пропуск был готов. Девушка быстро чмокнула Герду в щёку, благодаря за помощь, и скрылась на улице.

— Ишь, несносная... — вздохнула женщина, снова принимаясь за уборку пустого трактира.

А Фрида уже на всех парах летела к замковым воротам. Меч неприятно бил по лодыжке, рискуя порезать кожу, но девушке было плевать. Перед площадью она остановилась и отдышалась. Нельзя вызывать слишком много подозрений.

Стражники у ворот лениво стояли, подпирая собой стены замка и о чём-то негромко беседуя. Каждые полчаса выходил старший и заставлял стоять прямо и молча, но после его ухода сектанты, набранные из деревень и никогда не служившие в армии, снова теряли дисциплину.

Девушка набралась смелости и подошла к воротам. Если подлог раскроют, то её наверняка тоже бросят за решётку.

— Чего надо? — обронил стражник.

— Бельё забрать, господин, — кротко ответила Фрида.

— Пропуск-то дали? — осведомился сектант.

Фрида протянула самодельную записку, сделанную по образу и подобию настоящего пропуска. Стражник покрутил пергамент в руках и дал посмотреть соседу.

— Слышь, тут чего написано? — вполголоса буркнул он.

— Пропуск, вестимо, — хмыкнул второй охранник. — Я ж тоже читать не умею. Старшой умеет. Позвать?

— Не, он опять разорётся. Проходи давай, — стражник вернул записку Фриде.

Она ликовала. Хитрый план сработал, но теперь оставалось самое сложное. Пробраться в тюрьму и вытащить Макса. С ужасом девушка поняла, что эту часть плана она не продумала. Придётся действовать на авось.

Двор, как всегда, был заполнен людьми: воинами, слугами, конюхами, кухарками, теми, без кого замок превратился бы из обитаемого места в обыкновенную груду камня. Это ставило под угрозу всё предприятие, но Фрида старательно перебирала идеи, как можно незаметно вытащить толстяка из подвалов. Она, чуть прихрамывая, прошла по двору. Насколько было известно горожанам, замок был пронизан потайными ходами, словно плесневелый сыр. А учитывая любовь бывших хозяев к пыткам, вход в тюрьмы должен быть неподалёку от бывшей графской спальни.

Из кухни соблазнительно пахло жареным мясом, и к Фриде пришла очередная блестящая идея. Несколько раз она уже прокрадывалась туда, чтоб стянуть себе поесть, но в этот раз она решила взять вина. Служанка с подносом смотрится в коридоре куда более

органично, чем девушка с мечом.

Поварята даже не обратили внимания на хрупкую девушку, которая по-хозяйски прошла на кухню, и только дородная повариха окликнула её.

— Ты кто такая? Я тебя раньше не видела! — зычным голосом, в котором сквозило недоверие, рявкнула она.

— Я всего лишь служанка, госпожа, — скромно ответила Фрида, боковым зрением пытаюсь отыскать какую-нибудь выпивку.

— Я тут всех служанок знаю, не ври мне! — хмыкнула повариха. — Новенькая, что ли?

Девушка смиренно кивнула, нервно перебирая в руках складки передника. Играть роль новенькой получалось вполне убедительно.

— Тогда слушай приказ! Берёшь метлу, идёшь в казарму, и чтоб сверкало всё! — рявкнула властная повариха. — Нечего тут околачиваться!

— Мне Пастырь велел вина принести, — пискнула Фрида, отчаянно пытаюсь избежать работы в грязной солдатской казарме. Если она попадёт туда и окажется под присмотром, то придётся вкалывать до самого вечера.

— Пастырь? Вина? Ничего не путаешь? — посмеялась женщина. — Никогда не требовал, а тут на тебе. Мелешь поди.

— Нет, — твёрдо ответила девушка. — Именно Пастырь.

— Ну ладно, вон в том шкафчике возьми, — показала повариха, возвращаясь к работе.

Девушка поставила кувшин вина на поднос, мысленно радуясь ещё одному успешному этапу проникновения. Сделав неуклюжий реверанс поварихе, она выскочила во двор и пошла в донжон. Двери не охранялись, видимо, чернорясники понадеялись на систему пропусков. Фрида поднялась по лесенке и прошла внутрь, стараясь запомнить дорогу, чтобы потом найти выход из этого лабиринта.

Пустые коридоры нагоняли страха сильнее, чем целый полк сектантов. Казалось, что едва она начнёт рассматривать стены в поисках тайных проходов, явится стража и всё закончится плачевно. Для храбрости Фрида хлебнула вина из кувшина. Клинок больно впивался в ногу при каждом шаге.

Со стен на неё взирали незнакомые дворяне, богато расшитые гобелены красочно показывали сцены охоты, пиров, оргий и прочих развлечений бывших хозяев замка, на деревянных щитах висело позолоченное оружие, явно никогда не бывавшее в бою. Девушка плутала по коридорам, которые казались бесконечными, пока не почувствовала, что заблудилась. Отчаяние комом подкатило к горлу.

— Прости, друг... — всхлипнула она, признаваясь в собственном бессилии.

— За что? — раздался голос позади, и Фрида от испуга подскочила.

Сердце колотилось как бешеное. Девушка обернулась и увидела мужчину, тяжёлым взглядом смотрящего на неё. Сектант беспрестанно поглаживал чёрные как смоль, под стать одеянию, усы.

— Заблудилась?

Фрида кивнула, не в силах произнести ни слова. В глотке пересохло от ужаса. Чернорясник подошёл к ней и отхлебнул вина прямо из кувшина.

— Кислятина какая, — процедил он, сплёвывая на пол. — Явно не для нас несёшь. Тебе тогда прямо, потом налево и вниз. Там на два пролёта спускаешься и прямо.

Девушка кивнула ещё раз и поспешила убраться, стараясь хромать как можно меньше. От этого сектанта веяло опасностью.

По указанному пути она вышла к винтовой лестнице. Дорога наверх показалась ей бесперспективной, и Фрида решила последовать вражескому совету. В любом случае, тюрьмы всегда находятся внизу.

Лестница оказалась остатками старой башни, к которой налепили множество коридоров и пристроек. Каждый граф считал своим долгом расширить и достроить родовое гнездо, и за несколько столетий небольшая крепость превратилась в архитектурного монстра, окружённого городскими домами. К счастью, разрастаться дальше замку не позволяла река и собственные стены.

Спускаться пришлось довольно долго, и по плесени и сырости на камнях Фрида поняла, что уже находится под землёй. Страх снова сжал сердце, но девушка отогнала предательские мысли.

В конце лестницы массивная дубовая дверь, почерневшая от старости, подсказала ей, что девушка на правильном пути. Заперто. Собравшись с духом, Фрида несколько раз постучала. За дверью раздались шаги, и явно нетрезвый голос спросил:

— Кого там опять принесло? Мика, у тебя ж ключ есть, чего барабанишь!?

Фрида возблагодарила богов за то, что догадалась украсть на кухне вино. Судя по заплетающемуся языку, человек за дверью уже успел выпить немало и, несомненно, жаждал добавки.

— Господин велел сюда вино принести, — пискнула она.

Замок открылся так быстро, словно за сектантом гнались орды демонов прямо из глубин преисподней. В проёме показался красномордый охранник и дрожащими руками потянулся за кувшином.

— Давай сюда, — глядя на вожделенное пойло, произнёс он.

— Я старые заберу? — спросила Фрида, и стражник кивнул, совершенно не обращая на неё внимания.

Девушка протиснулась в каморку и осмотрелась. На полу уже валялось несколько кувшинов. На грубом столе лежали игральные кости. Впереди виднелся коридор, из которого жутко воняло кровью и дерьмом.

— Ждёте кого-то? — осторожно поинтересовалась девушка, собирая грязную посуду.

— Мика на кухню за вином ушёл. Теперь вдвое больше будет! — обрадовался стражник. — Может это, со мной выпьешь, пока его нет?

— Нет, спасибо, — отказалась она, и сектант пожал плечами, показывая безразличие.

Фрида нахмурилась. С одной стороны, была возможность сделать всё до того, как вернётся второй охранник, с другой, существовал риск, что он вернётся в самый неподходящий момент.

Стражник уже присосался к кувшину, отвернувшись от Фриды. Решение было принято мгновенно. Неуклюже задрав юбку, она отвязала меч и ткнула пьяницу в шею. Тот с хрипами повалился на землю, так и не выпустив из рук драгоценный напиток. Из дырки в горле с бульканьем выливалась кровь вперемешку с вином.

Девушка быстро захлопнула дверь и потащила тяжёлое тело вперёд по коридору. Свободная камера нашлась совсем рядом, и там сектант обрёл покой, лишившись массивной связки ключей на поясе. Фрида побежала вперёд, вглядываясь в полумрак. Вид оборванных грязных узников вызывало тошноту и злость. При виде девушки они изумлённо поворачивали головы и тянулись к ней, словно мотыльки на огонь. Видя, что она не собирается вызволять их всех, некоторые сыпали проклятиями и угрозами, но Фрида не

обращала внимания. Она спешила найти своего друга.

Максимиллиан не вполне понимал, что за суматоха поднялась в коридоре. Его разбудил топот шагов, и стройная женская фигурка промчалась мимо камеры.

— Да чтоб тебя демоны унесли! Зачем ты вообще припёрлась!? — кричал ей вслед узник из камеры напротив. Решив, что они оба обречены, сосед признался торговцу, что это он сдал его, попытавшись выручить денег, но сам оказался в темнице. Максимиллиан чуть не лишился разума от ненависти, когда это узнал, но ничего не мог сделать.

— Макс! — позвала девушка, и толстяк с удивлением узнал голос. Фрида. Она его не бросила. На глаза немедленно навернулись слёзы от нахлынувших чувств.

— Я здесь, — едва слышно откликнулся он, и его голос потонул во множестве голосов.

— Макс! Где ты!? — чуть не плакала Фрида. Если всё оказалось тщетно, то и ей не миновать виселицы.

— Нет здесь никакого Макса! — выкрикнул сосед-предатель, усмехаясь своей маленькой победой.

— Заткнись, пока я не выпустила тебе кишки, бандит, — разозлившись, прорычала она, подойдя вплотную к его решётке.

— Фрида... — слабым голосом позвал толстяк, и девушка услышала.

Она обернулась на зов и задрожала от ярости. Чернорясники заплатят вдвойне за то, что сделали. Узнать Максимиллиана в этом окровавленном мешке костей было почти невозможно, но голос не подделать. Фрида быстро открыла ржавую решётку и опустилась на колени рядом с другом. Из груди вырвались рыдания.

— Уходи... — прошептал торговец.

— Нет, нет, нет, нет! — хрупкая девушка попыталась поднять тяжелое тело, но не смогла и сдвинуть с места. Толстяк только глухо застонал от боли.

— Никак не помочь... — вздохнул Максимиллиан. — Лучше добей...

— Нет! — в слезах вскрикнула Фрида.

— Тогда уходи... Скоро сюда придут...

Захлёбываясь от рыданий, Фрида встала и подняла меч. Максимиллиан вздрогнул, готовясь расстаться с жизнью. Так было бы лучше и достойнее, чем быть повешенным на площади перед толпой.

— Прости, — всхлипнула она, ещё больше заливаясь слезами.

Клинок с лязгом ударил по соломе, вонзаясь в щель между камней. Девушка выбежала из камеры, торопясь скрыться до того, как вернётся второй стражник. Она промчалась по лестнице, не разбирая дороги, и снова попала в запутанные коридоры.

Фрида шла, размазывая слёзы по щекам и проклиная себя за бессилие. Своим малодушием она обрекла друга на ещё большие страдания. Хотя мало что могло сравниться с тем, что он испытал.

Максимиллиан лежал на холодном полу и улыбался. Она его не бросила. Его не забыли.

Грязь налипала на сапоги серыми комьями. Сухой южный ветер принёс за собой резкую оттепель, и теперь Гарольд шёл, постоянно матерясь и перепрыгивая через лужи, присыпанные талым снегом. Йона деликатно обходила грязные места, едва поспевая за следопытом, который торопился поскорее прийти в город.

Мариград уже виднелся на горизонте, окутанный дымом печных труб. После свежего лесного воздуха обострённый нюх издалека чуял вонь сточных канав.

— Вот, это Мариград. Жалкий городишко, но по эту сторону гор других пока нет, — буркнул следопыт, указывая вдаль.

— Большой, — удивилась дикарка.

— Не очень-то. На западе сёла побольше бывают.

От этих слов девушка удивилась ещё больше, пытаясь представить село таких размеров.

Предместья встретили их необычайной тишиной. Ещё месяц назад здесь кипела жизнь, помнил Гарольд. А теперь между приземистыми крестьянскими домиками гулял только ветер.

— Не дайте боги, чума пришла... — пробормотал следопыт, пытаясь уловить хоть какие-то признаки жизни.

Однако, запахов, присущих заражённому городу, не было. Ни смрада гниющих тел, если победило поветрие, ни вони палёного мяса, если горожане борются с эпидемией.

Гарольд прошёл дальше, к восточным воротам. Привычного гербового щита над проёмом не было. Вместо старых знакомых солдат в карауле стояли непонятного вида типы, закутанные в чёрные балахоны. Взор новых стражников был направлен куда-то внутрь города, и они даже не заметили приближения следопыта.

— Здорово, служивые, — окликнул их Гарольд, и оба мужика подскочили от испуга.

— А вы ещё кто такие? — они явно не ждали путников с востока. Оттуда могли прийти только крестьяне, которые в нынешние времена предпочитали не высовываться из дома.

— Я следопыт местный, это жена моя.

Стражники переглянулись.

— Нынче за вход пошлина положена. По три медяка с пешего.

— Чего? — возмутился Гарольд. — Отродясь с пешеходов пошлины не брали! Ты хоть знаешь, зачем пошлины берут? Чтоб с торговли налог шёл! Нам торговать нечем, как видишь.

— Ничего не знаю, платите пошлину. Приказ совета Девяти, — безапелляционным тоном сказал стражник, любовно поглаживая древко алебарды.

— Чей приказ? — удивился следопыт.

— Совета Девяти, ты глухой что ли, мужик? — проворчал второй стражник.

— А не пойти бы вам в пекло? — Гарольд схватился за меч. Йона нарочито медленно достала топор из-за пояса, всем своим видом показывая готовность его применить.

— Ладно, ладно, — поднял руки в жесте примирения привратник. — Проходите уже, а то всё веселье пропустите.

— Какое веселье? — шёпотом спросила Йона, и следопыт пожал плечами в ответ.

Город казался заброшенным. Грязные улицы уже давно никто не подметал, пыльные прилавки когда-то процветающих магазинов пришли в запустение. Повсюду виднелись

следы разрухи. Гарольд нервно теребил отросшую бороду, глядя на всё это безобразие. Похоже, славный Мариград захватили, пока он путешествовал на восток и обратно. Но никаких разрушений, сопутствующих штурму, видно не было. Так что, либо горожане вынесли ключи от города на блюдечке, либо город взяли хитростью. Измором же за такое короткое время не взять даже самый захудалый острог.

Путники приближались к площади. Толпа шумела, предвкушая зрелище. Йона прижалась поближе к следопыту, немного испуганная таким количеством народа. Виселица в центре площади пока что пустовала, но по деревянному помосту расхаживал дюжий палач в чёрной рясе, ожидая узника. У лестницы стояли четверо бойцов, положив руки на оружие и измеряя взглядом толпу. Некоторые люди носили такие же балахоны, но большинство выглядели совершенно обычными горожанами.

Гарольд узнал некоторых. Вот стоит уличная торговка, у которой он обычно покупал самые вкусные яблоки, вот единственный хороший кузнец стоит, сложив руки на груди, вот местный лодочник воровато озирается. Слышно, как кто-то вяло переругивается, где-то плачет ребёнок, кто-то громко требует хватать вора.

— За карманами следи, — усмехнулся Гарольд, глядя на жену, растерянную от шума и гомона.

Человек на помосте поднял руку с плетью, и толпа постепенно затихла.

— Жители Мариграда! — громким поставленным голосом начал он. — Сегодня особенный день! Чёрный день! Для всех нас!

— Чего это он несёт, — буркнул мужик позади следопыта, но на него шикнули, призывая к тишине.

— Сегодня брат наш, оступившийся агнец, войдёт в лучший мир, отчаявшись построить лучший мир прямо здесь! Затерянный во тьме, он потерял свой шанс помочь вам всем, и ответит за это!

— Своего заваят, что ли? — не унимался мужик.

Где-то в толпе послышался громкий всхлип, переходящий в истошное рыдание. Палач поморщился от звуков, но продолжил речь.

— Своими действиями он предал не только нас! Не только общее дело! Он предал вас всех, славный народ Мариграда!

— Ага, общее, как же, — кто-то сплюнул на землю. — Чтоб вам под землю провалиться с вашим общим делом.

— Ведите его! — крикнул палач.

Из ворот замка вышла небольшая процессия. Толпа ахнула. Двое мускулистых сектантов тащили почти безжизненное грузное тело, одетое в окровавленные лохмотья. Гарольд протиснулся поближе, чтоб рассмотреть лицо узника, но оно было покрыто коркой засохшей крови и обезображено до неузнаваемости. Рыдания в толпе зазвучали ещё громче и ещё отчаянней. Дети, пришедшие посмотреть на казнь, почти одновременно заплакали.

— Вот он, предатель! — с ненавистью выпалил палач, скручивая из верёвки узел висельника. — Сюда его! Живо! Нет, бросьте его у лестницы, пусть народ посмотрит!

Охранники немного оттеснили народ, чтобы дать дорогу конвоирам. Сектанты бросили узника перед ступеньками.

— Ползи наверх! Ползи к своей судьбе! — мужчина щёлкнул плетью в воздухе.

— Пощады! — раздался чей-то крик в толпе, но палач не обратил внимания, пристально глядя на лежащее тело.

— Подгоните его, — процедил он, и один из бойцов отвесил измученному человеку хорошего пинка.

Узник изо всех сил подтягивался по скользким широким ступеням, срывая ногти. Спустя несколько долгих минут он забрался на помост, и плеть тут же скользнула по его спине, разрывая остатки чёрного балахона.

— Указом совета Девяти ты приговорён к казни через повешение, но Пастырь, в милости своей, даровал тебе шанс раскаяться. Отрекись от прошлого, и останешься жив! — пафосно изрёк палач. — Тебе есть что сказать?

— Пощады! — вновь раздался крик из толпы, и его подхватило ещё несколько голосов. — Пощады!

Узник долго собирался с силами, прежде чем сказать своё последнее слово.

— Тихо! — прикрикнул сектант. — Он хочет что-то сказать.

— Будьте вы прокляты! — из последних сил выкрикнул человек.

Толпа снова ахнула. Истошное женское рыдание перешло в почти животное завывание, полное отчаяния.

— Будьте вы прокляты, ублюдки! — повторил узник, и плеть с щелчком опустилась ему на голову.

Гарольд узнал голос. Он принадлежал Максимилиану, его старому другу. Разъярённый следопыт поправил перевязь с мечом, намереваясь освободить его, но толпа, умоляющая пощадить торговца, невольно сомкнула ряды, тем самым лишив его шансов на спасение.

— Пощады! — уже единодушно кричал народ, но палач лишь хлестал узника плетью. Максимилиан уже не реагировал на боль, исторгая чудовищные проклятия.

— Братья, сюда! — рявкнул палач. — Держите его прямо.

Сектанты взбежали по лестнице, подхватили толстяка и поставили прямо над люком.

— Пощады! — непрерывно скандировала толпа.

Максимилиан стоял, покачиваясь и припадая на сломанную ногу. Палач неторопливо подошёл и накинул верёвку на мощную шею.

— Пощады! — умоляли люди.

— Да свершится правосудие! — выкрикнул сектант, с громким хрустом поворачивая рычаг.

Платформа провалилась вниз, и Максимилиан, судорожно дёргая телом, повис на пеньковой верёвке. Толпа взвыла в едином крике. Торговец извивался из последних сил, и от его тяжести верёвка лопнула. По площади прокатился вздох облегчения. По всем людским законам, однажды казнённый не может быть казнён снова. Боги доказали его невиновность.

— Заменить верёвку! — рявкнул палач, и несколько чернорясников быстро привязали новую. Народ возмущённо загудел.

Толстяк валялся в грязи под эшафотом, кашля и задыхаясь. Сектанты вытащили его из-под помоста и снова затащили наверх.

— Пощады! — требовал разъярённый народ, но палач не обращал внимания.

Сектант надел новую петлю на шею Максимилиана, и столкнул его в открытый люк.

Толпа попросту смяла охрану, и чернорясников забили буквально голыми руками. Но было уже поздно. Изуродованное тело качалось в петле, вывалив язык. Верёвку срезали, и Максимилиана с почестями сняли с эшафота.

Гарольд до боли в руке сжимал рукоять меча. Сегодня он стал свидетелем мучительной смерти одного из близких людей. Хотя когда-то клялся, что больше не допустит такого.

Слёзы прочертили две солёные линии на грязном лице.

— Клянусь всеми богами, кем бы вы ни были, я отомщу! — выкрикнул следопыт. Люди озирались на безумца, а Йона стояла, не зная, что предпринять.

Из толпы выбежала девушка и бросилась на шею Гарольду, громко рыдая.

— Прости, — всхлипывала она. — Я пыталась спасти его, но не смогла...

Гарольд лишь крепче обнял сестру, закрывая глаза.

— Мы отомстим, мы обязательно отомстим, — произнёс следопыт.

— Кажется, сейчас самое время, — сказала Йона, указывая на толпу людей, движущихся к замку.

Сектанты спешно закрывали ворота, осознавая угрозу, которую несла разъярённая толпа. Площадь опустела, и на ней, кроме нескольких обезображенных трупов, остались только Гарольд, Йона и Фрида. Все остальные ушли громить зарвавшихся чернорясников.

— Нет, сейчас у них ничего не выйдет, — вздохнул следопыт.

И в самом деле, народ постоял у закрытых ворот, со стен сделали несколько выстрелов, и толпа ушла. Кто-то пригнал повозку на площадь, и теперь в неё складывали трупы.

— Ты совсем чуть-чуть опоздал, — всхлинула Фрида.

Гарольд в очередной раз укорил себя за то, что так долго возился с этим проклятым Ровио. Если бы он знал, что принесёт встреча с ним, то задушил бы ещё в тюрьме.

Жаждающая крови толпа отправилась громить дома тех, кто симпатизировал новой власти. Таких было немного, но они были, и сегодня им придётся ответить за свой выбор.

— Может, уберёмся отсюда? — робко произнесла Йона. — Мне здесь неуютно.

— А это ещё кто такая? — спросила Фрида.

— Жена, — кратко ответил следопыт, глядя, как отвисает челюсть сестры. — Куда отправимся?

— Домой, наверное. Больше некуда.

— Куда домой? — удивился Гарольд.

— К Максусу, — вздохнула она, утирая остатки слёз.

Дорога не заняла много времени, но Фрида успела пересказать брату недавние события, начиная с убийства графа. Стражника-предателя казнили, и чернорясники объявили себя новым правительством, якобы избранным богами и народом. Они так себя и называли, "Священная Власть", намекая на своё божественное происхождение. Тех, кто реально мог претендовать на власть, тем или иным образом утихомирили. В основном, убийствами и запугиванием. Гарольд невольно вспомнил письмо, с которого всё началось и графское задание. Предположить угрозу с этой стороны было нереально. Раньше об этих сектантах никто не слышал.

Поначалу никто не возражал, вздохнув от облегчения, когда графскую башку прибили над воротами замка. Но потом, когда все серьёзные угрозы были устранены, сектанты показали свою истинную сущность. Их слова звучали громко и красиво, проповедуя любовь и добро, но их дела говорили об обратном. Город захлестнула волна насилия, и разрозненные группы горожан ничего не могли этому противопоставить. Всех возможных лидеров упрятали по тюрьмам или повесили.

Фрида поняла, что этому надо положить конец, и присоединилась к одной из повстанческих групп, а затем к ним присоединился Максимилиан. Разорившийся торговец жаждал мести, и согласился шпионить за врагом. Но привело это только к ещё большим смертям.

Девушка снова расплакалась, когда упомянула имя друга, но Гарольд велел ей продолжать. В голове складывалась отчётливая картина происходящего.

Максимиллиан постоянно пропадал в замке, и его дом полностью перешёл в распоряжение Фриды. Затем торговец достал оружие для повстанцев и предложил отличный вариант нападения на караван с золотом. Караван оказался ловушкой, и обе стороны решили, что Максимиллиан предатель. И только Фрида верила ему и попыталась спасти.

На этом моменте она зарыдала в голос. Йона мягко обняла девушку за плечи, пытаясь её успокоить.

Дрожащими руками Фрида открыла тяжёлую дверь, приглашая гостей внутрь. Гарольд присвистнул. С прошлого раза здесь многое изменилось. Сестра, оказывается, умеет создать домашний уют. Йона восторженно глазела на интерьер.

— Неплохо живёте, — произнёс Гарольд и осёкся.

Фрида принесла им таз с водой. Усталые путники смыли с лица дорожную пыль, а Гарольд наконец-то достал бритву.

— Как же я давно этого хотел, — вздохнул он, принимаясь за дело.

Чёрные волосы падали в таз вперемишку с седыми, и через несколько минут следопыт удовлетворённо провёл рукой по щекам.

— Лет на двадцать помолодел, — произнесла Фрида и выплеснула воду на улицу.

Дикарка подошла к мужу и осторожно коснулась его подбородка.

— Изменился... — прошептала она, и Гарольд ласково улыбнулся.

— Пойдёмте к столу, — раздался грустный голос Фриды. — Помянем хоть Максимиллиана.

Все трое сели за стол и откупорили бутылку вина.

— Кто вообще повстанцами командует? — спросил Гарольд после того, как они осушили стаканы в честь храброго торговца.

— Никто, — пожала плечами сестра. — Не знаю, я от них вообще ушла, там одни трусы вместо мужчин. Раньше мы впятером решали всё. Я, Макс, аптекарь с центральной улицы, Мирон из портовых и Пантей-сапожник. Гвидо и Мирон командуют, наверное.

— Ты должна меня с ними познакомить, — заявил следопыт. — В одиночку мне тут не справиться.

— Нет, — отрезала девушка. — Я к этим трусливым собакам больше не пойду.

— Дура, — процедил Гарольд. — Это наш единственный шанс отомстить.

— Нет.

— Да, сестрёнка. Если мы хотим войти в замок, то нужно войско. Хотя бы горожане. Иначе смерть. В этот раз трюки с пропуском не помогут.

— Я сказала нет, — Фрида рубанула рукой по воздуху. — Даже не проси.

Гарольд вскочил и хлопнул рукой по столу.

— Меня не волнует, что ты считаешь! Мне нужно встретиться с ними, и ты меня к ним отведёшь! Это не обсуждается! — заорал он, багровея от гнева.

Йона испуганно сидела, прижав к груди стакан вина. Таким она видела Гарольда впервые.

— Не кричи на меня, — буркнула Фрида.

— Прости, — следопыт рухнул обратно на стул. — Не будь такой упрямой.

— Надо подождать, пока толпа разойдётся, — произнесла девушка, разливая остатки вина по стаканам. — Они сейчас наверняка там.

В дверь настойчиво забарабанили. Человек за дверью что-то кричал, но толстые доски приглушали звук, и понять смысл было невозможно.

— Кто там? — Фрида поднялась из-за стола.

В дверь забарабанили ещё сильнее. С улицы слышались невнятные голоса. Кто-то начал трясти закрытые ставни.

Гарольд поправил перевязь с мечом и подошёл к выходу. Скрипнули засовы, и в комнату со смехом ввалился парень, держа в руках длинный нож. Следом за ним попытались ворваться остальные, но следопыт мигом отреагировал, захлопнув дверь и тяжёлым пинком отправляя незваного гостя в недолгий полёт. Парень вмазался в стену, выронив оружие. Фрида отбросила нож подальше от него.

— И кто вы такие? — хватая парня за горло, процедил Гарольд.

Незванный гость пьяно ухмыльнулся, обдавая его перегаром.

— А ну, давай сюда золото! — заплетающимся языком проорал парень. Стук превратился в таранные удары. Гости пытались высадить дверь.

— А больше тебе ничего не дать? — поинтересовался Гарольд, надавливая вымогателю на кадык.

— Ик... Серебро! — беспечно ответил парень, подавляя рвотный рефлекс. Безуспешно, и Гарольд едва успел убрать руку. Грабителя вырвало прямо ему на сапоги.

— Твою в душу мать, — выругался следопыт, несильными пинками вытирая обувь об гостя. Парень откинулся назад и захрапел.

Фрида выругалась ещё сильнее.

— Гарольд, они сейчас дверь сломают! — раздался голос Йоны. Дикарка встала и вытащила из-за пояса верный топор.

Тёмные дубовые доски дрожали от ритмичных ударов. Следопыт уловил ритм и в момент следующего удара открыл дверь. Грабители влетели в комнату, теряя равновесие и роняя невесть откуда взявшееся бревно. Йона встретила их ударами тяжёлого обуха, чем заслужила одобрителный кивок. На полу распластались четверо разбойников, один из которых мирно спал. В воздухе повис тяжёлый запах перегара и рвоты.

Гарольд обнажил клинок и выглянул на улицу. Больше там никого не было. Только где-то вдалеке были слышны крики.

— Дома грабят под шумок, — процедил следопыт. — Сволочи.

— И куда сейчас этих девать? — всплеснула руками Фрида. — Боги, как же они тут насвинячили.

— На улицу выкинем, куда ещё, — вздохнул следопыт. — Проспят, уйдут. Мы, похоже, не первые. Где-то уже нажраться успели.

Грабителей, одного за другим вынесли на улицу и положили рядом со сточной канавой, заполненной водой и грязью.

— Здесь вам самое место, — фыркнул Гарольд.

По улицам всё ещё бродили мелкие группки людей, громящих дома тех, кто сделал неправильный выбор. Городские банды пользовались моментом, врываясь к немногим оставшимся богачам и просто старым недругам.

Фрида, постоянно матерясь вполголоса, убрала все следы вторжения, и троица отправилась на поиски нужных людей. Бандитское оружие они на всякий случай взяли с собой.

На вооружённых до зубов девушек опасно косились, Гарольда вовсе обходили

стороной. Следопыт всем своим видом выразил злость. События сегодняшнего дня снова пробудили дикую ненависть в душе, чуть угасшую за время путешествия. Робкие прикосновения Йоны в попытках привлечь внимание раздражали, а не умиляли, как обычно.

Площадь была заполнена людьми. Повозка с трупами уже уехала на кладбище, и теперь толпа строила баррикады перед замковыми воротами. Кто-то из грамотных повесил на эшафот крупную табличку "Место для Пастыря". Со стен иногда долетали стрелы, но люди уже привыкли и укрывались за большими щитами.

Сектанты оказались заперты в замке, но как в любом хорошем укреплении, там был запас продуктов и колодец. Осада продлилась бы слишком долго, и горожанам требовалось взять крепость либо штурмом, либо хитростью. У одного из костров шло горячее обсуждение, и Гарольд поспешил туда.

Приземистый невзрачный мужичок о чём-то спорил с остальными, представителем которых был дюжий бородатый рабочий. Следопыт остановился неподалёку и прислушался к разговору. Фрида хотела что-то сказать, но Гарольд грубо её оборвал, не желая отвлекаться от подслушивания.

— Это шанс! — втолковывал лысый. — Соберём всех и вломим им так, что они опомниться не успеют! Чем дольше мы ждём, тем сильнее они укрепляют оборону, пойми, Мирон! Ждать нельзя.

Мирон тяжело вздохнул, потирая виски.

— Гвидо, ты не видел их в бою. Я видел. Нас отбросят со стен, выйдут сюда и перережут как котят, — развёл он руками. — Надо ждать. Позовём гарнизон из Эредана, они нас выручат.

— Эредан на той стороне гор! Перевалы уже снегом завалило, небось! — вскипел аптекарь. — После той битвы ты стал трусом.

Мужчина побагровел от гнева и схватился за меч. Все вокруг тоже обнажили оружие.

— Не смей называть меня трусом! — прорычал он. — Ты не видел того, что видел я!

Гарольд поморщился. Это никогда не было оправданием для трусости. Но осторожность и трусость тоже путать нельзя.

— Помнишь, о чём мы договаривались? Нам помогут! — настаивал Гвидо.

— Они помогут только себе! Где гарантии? — фыркнул Мирон. Остальные стояли в недоумении, явно не в курсе дела.

— О чём вы тут говорите вообще? — вмешался кто-то из толпы.

— Не твоё дело! — рыкнули оба.

— Предоставь это нам, — процедил аптекарь. — Мы решаем, как захватить замок, и, если не можешь ничего предложить — просто помалкивай.

— Я могу предложить, — равнодушно бросил Гарольд.

— А ты вообще кто такой? — нахмурился Мирон.

— Это мой брат, — вмешалась девушка.

— Ты не говорила, что у тебя есть брат, — удивился аптекарь, и Фрида в ответ пожала плечами.

— Говори, — приказал Мирон.

Следопыт похрустел шеей. Йона поморщилась от неприятного звука.

— Из замка наверняка идут тайные ходы. И если враги о них знают, то вы сейчас охраняете всего лишь кучку прислуги. Конечно, если эти ваши сектанты не настолько уверены в себе, что готовы переждать осаду.

Люди вокруг засуетились, явно признавая свою ошибку.

— Конные дозоры, по всем дорогам, живо! — отдал приказы Мирон. — Ждан, Рам, на север! Вран, бери своих и на запад! Осматривать всё!

Гарольд с кислым видом наблюдал за тем, как несколько отрядов разбегается по разным направлениям.

— А башка у тебя варит, однако, — признал Мирон после того, как разведчики ушли.

Следопыт отмахнулся. Девушки почувствовали гордость за своего брата и мужа.

— Я в замке бывал. Там в этих тайных ходах заблудиться можно. Пара-тройка точно за город ведут. Надо бы ещё посады проверить. И порт.

Лидеры восстания оглянулись вокруг.

— Людей не хватает, сам видишь, — посетовал аптекарь. — Тебя как зовут-то хоть?

— Гарольд из Йофервика, — представился следопыт, пожимая руки присутствующим.

— Не слышал о тебе, — протянул Мирон, но следопыт лишь пожал плечами.

— Мне и не надо.

— Можешь порт прочесать, пока мы тут баррикады ставим? — попросил его Гвидо. — Посады-то уж наверняка проверят.

Гарольд никак не отреагировал и пошёл в сторону реки. Йона пошла за ним, постоянно оглядываясь на замок.

— Фрида, останься, поговорить надо, — попросил Мирон, когда она тоже собралась уходить.

Река уже покрылась льдом, но оттепель превратила его в серую плавучую кашу. Гарольд и Йона неторопливо шли по набережной. С этого берега дома прижимались к самой воде, на том берегу многочисленные склады и лачуги были разбросаны так, будто их ставили где придётся.

— Надо бы на ту сторону, — произнёс Гарольд, высматривая свободную лодку или плот.

Глубокое разочарование. Вот что испытывал Мельник, глядя на городскую площадь. Из-за глупого палача всё пошло прахом. И чему его только учили? Ему повезло, что его разорвала толпа. Если бы он выжил и вернулся, его ждала бы гораздо худшая участь. Разве Пастырь не учил его управлять толпой, как учил всех остальных? Разве не приказывали ему смотреть, как поведёт себя народ? Но глупый палач пошёл на поводу у собственных чувств и переборщил с жестокостью. А толпа хоть и кровожадна, но не настолько. Палач даже попрал законы, установленные богами, и это стало последней каплей. Мельник раздражённо сплюнул в грязь со стены.

Рядом какой-то неофит взялся за тетиву, выцеливая горожан, но Мельник приказал не стрелять. Незачем злить их ещё больше. Бывший военный ещё надеялся на мирный исход. Хотя верилось в это слабо.

Он спустился во двор, поглядеть на упражнения с оружием. Почувствовав опасность, многие взялись за мечи и решили потренироваться. Штурма в ближайшее время не предвиделось, и можно было не экономить силы.

Мельник присоединился к послушникам, некоторое время выбивая дух из неопытных бойцов. Лучшее средство для того, чтоб отвлечься от тяжёлых мыслей. Мужчина показывал армейские приёмы бывшим крестьянам и рабочим, пока его не позвали в донжон.

Пастырь собрал весь совет Девяти. Тёмная комнатка была заполнена людьми в чёрном,

и Мельнику пришлось протиснуться между ними, чтоб встать рядом со стариком. В конце концов, он был одним из самых первых его сторонников и имеет на это право.

— Братья, — заскрипел голос Пастыря. — Что будем делать?

— Сражаться, конечно, — произнёс Карббал, поглаживая усы. — Что нам эта чернь вообще может сделать? У нас преимущество в силе. Один-два отряда воинов разгонят их по домам за полчаса.

— Так или иначе, эту возможность мы уже упустили, — сказал старик. — Баррикады уже готовы.

— Будем ждать? — спросил кто-то.

— Тогда нас просто выкурят отсюда, — пожал плечами Мельник. — Я бы на их месте поступил именно так.

— А как ты сейчас на своём месте поступишь? — процедил Пастырь.

— Я ещё не решил.

Со всех сторон раздались презрительные смешки, но Мельник не обратил внимания.

— Нужно провести разведку, — предложил он.

— Ч-что в-вообще п-п-происходит? — спросил заспанный Пивовар.

— Проклятый болван сделал из него мученика, — бросил Пастырь. — Я же приказывал дать ему шанс!

— Жирдяй оказался упрямым, — развёл руками усатый. — Караульные даже у ворот слышали, как он проклятия орал.

— И ч-ч-что?

— На площадь вышел весь город, и почти все жаждут нашей крови, вот что, — объяснил Карббал. — Есть ещё вопросы? Или предложения?

— Под з-з-замком есть х-ходы. М-можно уйти, — почесал голову толстый сектант.

— Предлагаешь сбежать и оставить всё как есть? А как же всё то, что мы уже успели сделать? — спросил кто-то из толпы.

Пивовар нахмурился и прислонился к стене с безразличным видом.

— Отправьте кого-нибудь разведать туннели, — проскрипел старик. — Мельник, займись этим.

Через полчаса бывший офицер уже шёл по сырому подземелью с факелом в руке. Позади, негромко рассказывая анекдоты, шагали трое послушников. Тайные ходы уходили глубоко под землю, и Мельник подозревал, что эти пещеры существовали задолго до города. Петляющие коридоры тянулись из города как спасительные артерии. Графская параноя обеспечила Священной Власти безопасность, а когда они выйдут из туннелей, то вернутся в город и положат конец восстанию.

Факел разгонял темноту лишь на расстояние вытянутой руки, а всё остальное поглощал непроглядный мрак. Чернорясники спустились ещё ниже. Казалось, что они идут уже целую вечность.

— Темно, как в могиле, — выругался неофит, и Мельник велел ему заткнуться.

Их окружала непривычная тишина, разрываемая только звуком капающей воды. Всё это навевало достаточно мрачные мысли и действительно напоминало о смерти. Анекдотов уже никто не травил.

Узкий коридор постепенно расширился, и они очутились в большом подземном зале. Пахло сыростью. Волосы Мельника потрепал лёгкий сквозняк.

— За мной, — скомандовал он. Если есть ветер, то поблизости должен быть выход.

Пещера закончилась развилкой. Два абсолютно одинаковых коридора. Сектанты остановились в раздумьях.

— Разделимся? — предложил один из послушников.

Двое неофитов отправились налево, Мельник и ещё один послушник выбрали правый коридор. Дорога постепенно поднималась, но через несколько минут пути они упёрлись в тупик.

— Не тот туннель, — расстроился неофит, поднимая взгляд к потолку. — Хотя нет, тот.

В каменном потолке виднелся узкий люк, опутанный корнями, а под ним висела свёрнутая верёвочная лестница.

Выход наружу пришлось прорубать мечом, стоя на прогнившей лесенке из верёвок. Но зато, когда люк открылся и солнечный свет резанул по глазам, Мельнику стало гораздо легче на душе. Через мгновение, когда он понял, где находится, на душе стало невыносимо гадко.

Тайный проход вывел его в портовый район, к Маревке, где каменный лаз был тщательно скрыт прибрежными кустами.

Мельник вылез наружу и осмотрелся. Цепочка пустых причалов, грязные лачуги местных оборванцев и бандитские притоны. Он вылез наверх и попал на самое дно. Неофит выполз следом за ним, и Мельник осмотрел его. Традиционный чёрный балахон порвался в нескольких местах, и парень выглядел неопрятно.

В голову молнией вонзилось осознание того, что они оба всё ещё носят чёрное, и, если им встретится какой-нибудь горожанин, беды не миновать.

— Так, полезли обратно, должен и другой выход быть, — скомандовал Мельник.

— А я уже закрыл... — промямлил неофит.

— Открывай! — прикрикнул бывший офицер.

— Тут никак...

Мельник ворвался обратно в кусты, но никаких следов прохода не обнаружил. Только опавшие листья и бугристый неровный дёрн.

— Придурок! — заорал он на послушника, отвечивая тому подзатыльник, злясь больше на себя, чем на парнишку. — Ладно, будем что-нибудь придумывать.

Ситуация получилась безрадостная. Всё равно что оказаться в чумном квартале. Придётся точно так же обходить людные места и избегать любых встреч.

Впереди по набережной шли парень с девушкой. Оба выглядели настороженными, но в таком районе осторожность — залог выживания. После потери третьего патруля сюда их перестали посылать вовсе.

Мельник пригляделся к идущим. Вооружены, а значит, опасны. Мужчина знаком приказал неофиту затаиться в кустах и сам распластался на холодной земле.

— Тут всегда так грязно? — в голосе девушки сквозила брезгливость. Она и сама была не рада прогулке.

— Да, — отвечал мужчина. — Отбросы в домах, отбросы на улицах.

— Какая мерзость, — с отвращением пробормотала девушка.

— По сравнению с тем, что творится у них в домах — это мелочи.

В кустах раздался негромкий треск, и мужчина молниеносно схватился за меч. Мельник вполголоса проклинал неповоротливого послушника.

— Вставайте, я вас вижу, — раздался голос.

Сектанты неохотно подчинились. Мельник оглядел соперника. Тот не выглядел матёрым бойцом.

— Мечи — в воду, — приказал мужчина.

Мельник расстегнул пояс и взвесил в руке тяжёлые ножны. Послушник тем временем покорно выбросил оружие, которое с тихим плеском ушло под воду.

— Бросай.

— Как хочешь, — согласился Мельник, резким движением вытаскивая меч и отправляя ножны в короткий полёт, прямо в грудь противнику.

Мужчина этого явно не ждал. Ножны выбили весь воздух из лёгких, и он отшатнулся, обнажая клинок. Мельник уже ринулся в атаку.

— Гарольд! — вскрикнула девушка, предупреждая своего спутника.

Мужчина успел поднять оружие и заблокировать удар, одновременно уходя в сторону. Девушка вытащила топор и с диким криком набросилась на сектанта, вынуждая его отступать.

Гарольд жадно хватал ртом воздух. Лёгкие словно горели, не в силах сделать вдох. Он видел, как Йона, словно прекрасная дева войны, кинулась на врага с топором, но чернорясник играючи уходил от ударов. Следопыт не мог остаться в стороне.

Тяжёлый рубящий удар, и сектант мог бы уже валяться в луже собственной крови, но вот он уже совсем в другой стороне. Мельник призвал на помощь всё своё мастерство, понимая, что встретил хорошего бойца.

Клинки звенели и лязгали, высекая искры. Каждый удар Гарольда либо уходил в пустоту, либо грамотно принимался на гарду, чтобы не щербить сталь. Стремительные контратаки чернорясника заставляли супругов защищать друг друга. Неофит таранился на схватку, сидя в кустах.

Мельнику пришлось уйти в глухую оборону, когда его стали прижимать к воде. Атаки следопыта становились всё яростней, но ещё ни разу не достигли цели. Зато Мельник смог нанести ему несколько неглубоких порезов. Рукав пропитался кровью, и сектант довольно улыбнулся. Скоро противник начнёт слабеть.

Деревянное топориче украсилось длинной трещиной, и девушка больше не пыталась принять на него удар. Вместо этого Йона отступала и мгновенно возвращалась в сечу. Сектант успешно сражался против двоих, и если бы второй чернорясник отважился вступить в бой, то битва не продлилась бы долго.

Гарольд увидел, как противник мощным пинком повалил Йону на землю, готовясь нанести ей последний удар, и с диким воем бросился в атаку. Дикарка своевременно откатилась, и меч вонзился в грязь, а не в её шею. Взмах клинка, и вражеский меч так и остался торчать из земли. Вместе с рукой Мельника.

Он прижал окровавленную культию к груди, не веря в своё поражение. Тёмная кровь толчками выплескивалась из раны, и Мельник спешно замотал её остатками рукава. Гарольд приставил холодную сталь к горлу противника.

— Есть что сказать напоследок? — спросил он.

— Мы всего лишь хотели сделать мир лучше, — вздохнул сектант, чувствуя, что сегодня гибели не избежать.

— У вас не вышло. За Максимилиана, — бросил Гарольд, одним движением рассекая хрупкую плоть.

Мельник с хрипом и бульканьем повалился на землю, орошая чёрную грязь кровью. Послушник дрожал, сидя в кустах. От страха он даже не пытался убежать.

— Подойди, — приказал ему следопыт.

Чернорясник вышел на трясущихся ногах и упал на колени возле трупа.

— Это же Мельник... — дрожащим голосом произнёс он, не в силах поверить в смерть могущественного учителя.

— Кто?

— Один из Девяти... — парень погрузил пальцы в кровь убитого. — Владыка...

— Демоны тебя раздери, ты не мог раньше сказать!?! — разъярился Гарольд. — Йона, мы сейчас могли вообще всё узнать! Твою ж мать!

— Успокойся, — тяжело дыша после схватки, сказала девушка. — Может, он нам что-нибудь расскажет?

— Как вы сюда попали? — поигрывая клинком перед лицом сектанта, спросил Гарольд.

— Тоннель под замком прошли, здесь вылезли, — не стал таиться неофит.

— Другие выходы есть? — следопыт нетерпеливо пощёлкал костяшками.

— Наверное, там ещё тоннель был.

— Показывай, — приказал следопыт.

Сектант испуганно покачал головой.

— Люк закрылся.

— Показывай! — прикрикнул Гарольд, пинком придавая ему ускорение.

Парень живо нырнул в кусты, и следопыт последовал за ним. Чернорясник разгрёб опавшую листву.

— Вот, где-то здесь был, — сказал парень.

Гарольд внимательно осмотрел почву. Бугристый дёрн и сухая трава, совершенно обычная земля. Он постучал по ней рукоятью ножа, но тщетно. Звук тоже ничем не выдавал наличие подземелья. Следопыт погрузил клинок в землю и сразу же наткнулся на что-то твёрдое. В другом месте точно так же. Никаких механизмов или хотя бы ручки он не обнаружил.

— Ладно, верю, — хмыкнул он. — Открыть точно никак?

Парень замотал головой.

— Тогда ты нам бесполезен, — улыбнулся Гарольд, и вышел из кустов один.

— Не соврал? — спросила Йона.

Гарольд пожал плечами и вытер оба клинка. Раны на предплечье саднили, но он знал, что в этом нет ничего страшного. Если они не загноятся, конечно. Следопыт попытался сам перевязать себе руку, но Йона мягко отобрала у него ткань и умелыми движениями забинтовала порезы.

— Спасибо, — улыбнулся он. — Обратно, в город?

Девушка кивнула, и они отправились к оставленной лодке. Трупы чернорясников медленно остывали на холодной земле.

— Здесь всегда так? — спросила дикарка.

— Как? — ухмыльнулся Гарольд.

— Ну... Беспокойно.

— Обычно нет, — ответил он. — Я и сам не понимаю до конца, что здесь происходит.

Они шли по тёмным пустынным улочкам. Начинало темнеть, и Гарольд спешил добраться до площади прежде чем оттуда уйдёт большинство повстанцев.

Площадь встретила их заревом костров и запахом хлеба. Кто-то раздавал голодным бойцам свежую выпечку, невесть откуда взятую. Общий враг сближает людей сильнее всего.

Миرون и Гвидо сидели у костра, о чём-то тихо беседуя. Гарольд уселся рядом, взял

свежий калач и поделился с женой.

— Есть новости? Дозоры вернулись? — с набитым ртом проговорил он.

— Пока не все, — ответил Мирон. — Говорят, что всё чисто. Никаких следов.

— А кто не вернулся?

— Ждан, — бросил мужчина. — Я за ним уже послал, не беспокойся. Никаких тайных ходов наша секта не нашла, будь они прокляты.

Йона тихо засмеялась в ладошку. Гарольд тоже ухмыльнулся.

— Ещё как нашли. Ждан, это который на север ушёл? В порту вылезли двое, причем один оказался Мельником. Какая-то важная шишка, как мне второй напел.

— Мельник? — у Мирона загорелись глаза. — Где он? Ты их отпустил что ли?

— Убил, — фыркнул следопыт, стряхивая с ладоней налипшие крошки.

— А тоннель? — спросил аптекарь.

— Закрыт. Снаружи не открывается.

Мирон вполголоса выматерился. Если отправить отряд по тоннелю, то есть возможность серьёзно ослабить чернорясников на время штурма.

— Точно никак не открыть? — уточнил он.

— Да точно, точно, — отмахнулся Гарольд. — Вы бы лучше Ждана своего поищите. Там второй тоннель был. Может, открытый всё ещё.

Мирон подозвал нескольких воинов и приказал идти на север, искать разведчиков. А если найден тоннель, то спуститься и искать проход в замок.

— Когда штурмовать собрались? — спросил Гарольд.

Мужчины пожали плечами.

— Пока что слишком мало людей, — посетовал Мирон.

— Вот и надо сделать, как я сказал! — огрызнулся Гвидо.

— Это как? — поинтересовался следопыт.

Аптекарь пригладил остатки волос на голове.

— А это тебя не касается, молодой человек.

Гарольд развёл руками, показывая безразличие.

— Найдём другой способ, если не хочешь рассказывать. Например, попросим аптекаря их всех залечить до смерти, — процедил следопыт.

Бергтер презрительно фыркнул.

— Он предлагал позвать на помощь банды, — вздохнул Мирон. — Людей совсем не хватает. Эх, если бы не этот караван...

— Банды? — Гарольд расхохотался. — Во-первых, нет ничего хуже, чем сражаться на одной стороне с бандитами. И во-вторых, вы понимаете какую цену они запросят?

— Иного выхода нет, — отрезал Гвидо.

— Выход всегда есть, — махнул рукой следопыт.

В их сторону галопом приближался всадник на взмыленной лошади.

— Что стряслось? — окликнул его Мирон, поднимаясь и поправляя перевязь с мечом.

— Сектанты! Из-под земли лезут! На севере! — крикнул разведчик.

— Я же говорил, — хмыкнул Гарольд.

— Сколько? — настороженно спросил аптекарь.

— Полсотни, не меньше!

— Отряд, выдвигаемся! Гвидо, охраняйте ворота, чтоб никаких вылазок! Харальд, останешься здесь, — скомандовал Мирон.

— Меня зовут Гарольд, — сжал кулаки следопыт. — И я тебе не подчиняюсь. Поэтому иду с вами. Йона, а тебе лучше остаться. Почини топор.

Дикарка смиренно кивнула, на прощание осенив его знаком, отвращающим беду. Гарольд поцеловал её, поправил повязку на руке и побежал вслед за уходящим отрядом.

Путь оказался неблизкий. Солнце уже село, а повстанцы всё ещё бежали, ведомые конным разведчиком. Сперва они вышли из города, пересекли реку по мосту, и ещё долго шли на север. А когда они, запыхавшиеся и уставшие от долгого бега, достигли нужного места, то сеча уже всю шла.

Мирон сразу бросил всех на помощь разведчикам. Чернорясники встретили новых врагов улюлюканьем и криками, но вскоре ход битвы изменился. Горожане, хоть и никогда не бывшие солдатами, шли в атаку ровным строем, неосознанно понимая, что по одиночке их быстро зарубят. Сосед защищал соседа, и разрозненные сектанты ничего не могли этому противопоставить.

Чернорясников вёл в бой смуглый усач, постоянно кричащий на своих воинов, подгоняя их сзади мечом. Сталь сверкала в свете луны, ни разу не обогрённая вражеской кровью. Гарольд презрительно сплюнул. Если это их лучший командир, то даже ватага разбойников возьмёт замок без всяких проблем.

— В бой, сукины дети, в бой! — надрывался усач, глядя, как строй повстанцев уничтожает его войско, состоящее из бывших крестьян и ремесленников. Все умелые бойцы остались оборонять замок, на случай, если горожане рискнут пойти на приступ.

Гарольд чисто механически махал клинком, превращая убийство в методичную работу. Наконец, он увидел, что перед ним никого нет, и только командир сектантов нерешительно трясёт клинком, явно раздумывая, убежать или встретить смерть как мужчина. Его окружали повстанцы, обмениваясь шуточками и угрозами.

— Оставьте его мне! — услышал Гарольд свой рёв.

Бешено вращая мечом, он устремился на врага. Усач нелепо выставил меч перед собой, но Гарольд умелым финтом обошёл хрупкую защиту и вонзил остриё в живот чернорясника. Меч выпал из его рук, так и не побывав в бою.

— За Максимилиана, тварь, — процедил следопыт, поворачивая клинок в ране.

Сектант застонал от боли и упал на колени. Следопыт вытащил окровавленный меч.

— Добей его уже, — посоветовал кто-то из толпы, и Гарольд в последний раз взмахнул мечом.

Голова покатила по жухлой траве, а из обрубка шеи ударил фонтанчик крови, в свете луны казавшейся почти чёрной. Повстанцы праздновали первую победу за долгое время.

— Живые остались? — спросил Мирон, обходя поле битвы и вглядываясь в лица погибших.

Один из горожан, добывающий раненых врагов, оглянулся на командира.

— Полным-полно, — процедил он. — Валяются ещё, гады...

— Найди какого-нибудь поздоровее.

К Мирону вскоре привели сектанта, прижимающего к животу отрубленную руку. В свете луны он казался смертельно бледным.

— Где проход в замок!? — рявкнул Мирон.

Дрожащий парень слабо кивнул куда-то в сторону зарослей ивняка.

— Проверить, — приказал командир.

— Ничего нет! — откликнулся кто-то через некоторое время.

— Ищите лучше! — рыкнул Мирон.

— Если люк закрыт, они ничего не найдут, — произнёс Гарольд. — Он закрыт?

Сектант закрыл глаза и снова кивнул.

— Всё. Прохода нет, — сделал вывод следопыт.

— И что теперь? — раздражённо буркнул Мирон. — Штурм?

— Штурм.

Деревушка оказалась гостеприимнее, чем показалось на первый взгляд. Все эти дни Ровио благолепно отдыхал от трудностей пути, изредка помогая Некрасу в домашних делах, знакомясь поближе с деревенскими вдовушками и просто бездельничая. Простуда, словно по волшебству, исчезла, и после дедовского лечения больше не возвращалась, как это обычно бывает.

Про Гарольда он и не вспоминал, полностью выбросив его из головы. За свою жизнь весёлый бородач ссорился с очень многими, и выработал привычку не держать обид. В жизни и так слишком много мрачного, чтобы ещё вздыхать над каждым когда-то обиженным. Так что Ровио неторопливо шёл в Мариград, единственный кусочек цивилизации, совершенно не опасаясь мести. К тому же, в городе легко затеряться. Про свои обещания он уже позабыл.

Прощание с деревенскими выдалось долгим. Сперва дед Некрас устроил небольшую пьянку. Затем Ровио лично навестил каждую из вдовушек. В итоге он тащил на горбу огромный мешок разнообразной снеди и обещание снова навещать женщин.

Дорога, затёртая между сосен, прямая как стрела, вела, несомненно, к городу, но сколько ещё идти — бородач не знал. А спросить об этом у деревенских он благополучно забыл. Уже через несколько тяжёлых дней пути мешок начал показывать дно, а ещё через день там остались только крошки. Погода тоже не радовала, морозными ночами заставляя Ровио прижиматься к костру, да так, что несколько раз одежда начинала тлеть. Он опасался, что снова заболеет, но напасть миновала.

Когда бородач всерьёз начал бояться, что никогда не дойдёт до города и его отправили в неверную сторону, вдали показались ближайšie к Мариграду деревеньки. Ровио стянул там несколько куриц и впервые за долгое время основательно подкрепился. Бодрость духа вернулась, и он радостно взирал на городские стены, показавшиеся вдали.

Первой странностью стало отсутствие часовых на воротах и бурые пятна засохшей крови на земле. В голову закралась мысль поскорей уйти отсюда, но любопытство влекло его вперёд.

Полупустые улицы выглядели так, словно мусор не убирался с начала времён. В городе царил разруха. Дезертир шёл вперёд, пытаясь найти хоть какие-то признаки жизни. Где-то впереди в воздухе висел дым. Ровио направился туда. На площадь.

Повсюду сновали вооружённые люди, и бородач осторожно пробирался поближе к замку. Перед воротами замка стояли баррикады, а вокруг костров, разведённых прямо тут, сидели солдаты. Посередине площади стоял эшафот, с которого щуплый мужичок отвечал на вопросы толпы. На виселице была прибита табличка, но разобрать написанное Ровио не мог. Научиться чтению он так и не сумел.

— А что потом? — выкрикнула какая-то баба.

— Выкинем этих гадов, организуем совет, позовём кого-нибудь из императорской свиты на княжение, — бойко отвечал мужчина, постоянно поглаживая огромные залысины.

— И что, такой же совет как у них? — раздался пьяный голос.

— Нет! В него войдут самые уважаемые люди, которых выберут открытым голосованием! Следующий вопрос!

— Когда будет штурм? — спросила женщина.

— Этот вопрос будет решать Мирон.

Похоже, Ровио прибыл очень своевременно. В самом разгаре какой-то смуты. Бородач ухмыльнулся. На этом поприще он был мастером.

— Настала пора сбросить тиранию и разбить оковы! — прокашлявшись, выкрикнул Ровио громким поставленным голосом. — На штурм, братцы! Вперёд, завоюем свою свободу!

Толпа повернулась к нему. Некоторые солдаты начали вставать и поправлять амуницию.

— А ты кто такой будешь? — спросил мужчина на эшафоте.

Бывший солдат на мгновение задумался. Открывать своё настоящее имя было бы глупо.

— Лессан дю Фрон, капитан шестой роты Метсальского полка кавалерии Его Императорского Величества! — выкрикнул он имя своего бывшего командира. Здесь вряд ли о нём могли слышать. Капитан уже наверняка давно погиб.

— По-моему, ты больше похож на оборванца! — раздался хохот из толпы.

— Кавалерист, ты где коня потерял? — народ откровенно потешался над бородачом.

— Молчать! — рявкнул Ровио. — Как представитель императорской армии я беру на себя полномочия командовать штурмом! Несогласные будут отданы под трибунал!

По правде, дезертиру уже давным-давно грозил военный суд и быстрая казнь за измену, но за давностью лет Ровио подзабыл о всех своих преступлениях, и без зазрения совести сам грозился трибуналом.

Солдаты наконец-то зашевелились, а бывшие насмешники растворились среди толпы.

— А здесь, в Пограничье, ты что забыл, капитан? — спросил мужчина на эшафоте.

— Я нахожусь здесь по личному поручению Его Величества! — выдал ещё одну ложь новоиспечённый Лессан дю Фрон. — Цель поручения выдавать я не имею права.

Народ заволновался. Неужели сам император позаботился о проблемах своих отдалённых территорий? Неужели братоубийственная война закончилась, и Его Величество спешит сюда, на помощь Мариграду?

— Император едет сюда? Война закончена? — посыпались вопросы со всех сторон, и Ровио остро пожалел о своих словах.

— Я уже давно не был на западе, и не могу знать! — одним изящным ударом он разрубил узел нарастающих проблем. — Я голоден и хочу отдохнуть с дороги.

Его отвели к одному из костров, предложив скудный обед из куска хлеба и сыра. Жаловаться Ровио не стал, видя, что ничего другого нет. Сидя у костра, он жевал угощение и слушал доносящиеся со всех сторон разговоры.

— ...Токмо одного и оставили, полоняником. Сидит сейчас, вроде как, в подвале у кого-то, — по всей видимости, солдат делился подробностями недавней битвы.

— Пытают? — поинтересовался его собеседник.

— Небось, — ухмыльнулся солдат. — Нехай потерпит, гад. Мы терпели, и он потерпит.

— Это уж верно.

Ровио взгляделся в маячащие на стенах фигуры. С расстояния полёта стрелы всех деталей не видно, но он различил чёрные рясы и блестящее новое оружие. В отличие от горожан, которые были вооружены чем попало. Лишь некоторые могли похвастаться добрым клинком. Сам дезертир носил топор и копьё, взятые у айваров.

— А в чьём подвале сидит-то? — спросил бывший проповедник, вытряхивая из бороды хлебные крошки.

— Тебе это зачем знать, чужак? — окрылся солдат, подтягивая поближе длинный нож. — Не шпион ли ты часом? Живо в тот подвал попадёшь, коли шпион, токмо признайся.

— Да какой из меня шпион! — рассмеялся бородач. — Чей подвал, тот и командует тут. Вот и мне нужно узнать всю диспропорцию войск! У вашего командования. Чтобы на себя командование взять, как действующий капитан армии.

— Диспозицию войск? — уточнил солдат.

— Я ж говорю, диспозицию. А тебе что послышалось? — хохотнул Ровио.

— Вон, на помосте, лысый такой. Это Гвидо Бергтер, аптекарь местный. К нему в подвал и посадили вражину, — ответил солдат.

— Благодарю, — поднимаясь, бросил дезертир. — Объявляю тебе благодарность от лица командования имперской армии.

— За императора! — вскочил солдат, исполняя воинское приветствие, совершенно незнакомое бородачу. Видимо, за эти несколько лет обычаи в армии серьёзно поменялись.

Самозванный капитан, как сумел, повторил жесты, и направился к деревянному помосту. Гвидо с недоверием взирал на пришлого офицера.

— Говорят, в твоём подвале пленный сидит. Допросить хочу, — резким отрывистым тоном бросил Ровио.

— А больше тебе ничего не надо, капитан? — уселся на мокрые брёвна аптекарь.

— Можешь ещё ситуацию в городе подробно объяснить, — улыбнулся бородач.

Гвидо недоверчиво нахмурил брови, но информацией поделился. И о захватчиках, и о городском ополчении. "Офицер" сложил руки на груди и прищурился, делая вид, что мотает на ус каждое слово аптекаря. На самом деле он обдумывал свои следующие шаги.

Сектанты в замке оказались его соратниками, и драгоценные сведения о городском ополчении следовало каким-то образом передать им. Ровио скривился, когда ему перевели надпись на виселице. По его мнению, Пастырь заслуживал памятника, а уж никак не пеньковой верёвки.

— Проводишь меня в подвал? — улыбнулся Ровио, выказывая крайнюю степень дружелюбия.

Бергтер неохотно согласился и отправился в аптеку. Дезертир последовал за ним. Пока что всё складывалось очень удачно.

Аптеку охраняли двое ополченцев, которые при виде Бергтера ощутимо расслабились. Гвидо открыл дверь ключом и прошёл внутрь. Пленника охраняли как зеницу ока, понял Ровио. В самом помещении тоже находились вооружённые люди.

В тёмном подвале сидел привязанный к стулу чернорясник. В воздухе висел железный запах крови, смешанный с ароматом лечебных трав. Бородач заметил завязанный узлом рукав сектанта. Сражаться он больше не сможет.

— О чём ты его допросить хотел? Спрашивай, только вряд ли он тебе скажет. Мирон с Гарольдом его уж попытать успели, молчит как рыба, — произнёс аптекарь.

— Можно с ним наедине потолковать? — спросил Ровио.

— Всё равно не скажет, как ни пытай.

— Ну это мы посмотрим, — ухмыльнулся дезертир. — Выйди, будь любезен.

Бергтер потёр затылки, ещё раз поглядел на "капитана" и полез наверх, оставляя его с пленником наедине.

— Здравствуй, брат, — прошептал Ровио на ухо пленнику. — Готов ли ты жизнь отдать за овец наших?

Сектант захлопал глазами, явно не ожидая услышать часть проповеди для внутреннего круга.

— Расскажи, как попасть в замок, и ты послужишь общему делу. Возможно, лучшим образом за всю свою жизнь.

— Никак, — слабо ответил пленник, ещё не совсем доверяя незнакомцу.

— Если ты не скажешь, замок возьмут штурмом, всех перебьют, и ты будешь проклят в посмертии. Если скажешь, я успею рассказать Пастырю о городских войсках, и он что-нибудь обязательно предпримет. Наше дело правое и мы победим, — убеждал его бородач.

— Есть тайные ходы под городом, но они закрыты, и снаружи их не открыть, — признался чернорясник. — Как тебя зовут, брат?

— Ровио, из бродячих проповедников, — шёпотом ответил дезертир. — А другие пути в замок существуют?

— Через ворота тебе не успеть, тебя подстрелят, — перебирал варианты раненый. — Перелезть стену с другой стороны? Нет, слишком высоко. Я не знаю.

— Замок полностью заблокирован? — спросил Ровио.

— Да, — вздохнул чернорясник.

Бородач грязно выругался. Все планы рушились.

— Передать сведения внутрь тоже никак?

— Забросить в окна, может? Нет, тебя тоже подстрелят, — хмыкнул пленник.

Ровио в раздумьях прошёлся по комнате.

Гарольд в раздумьях шагал по улице. Мирон шёл рядом, то и дело хватаясь за меч, когда из подворотни выруливал очередной пьяный бандит. Повстанцев обходили стороной, но осторожность ещё никому не мешала. Разруха и лишения предыдущих дней, казалось, никак не повлияли на городские трущобы. Мирон и Гарольд отправились на самое дно в поисках нужных людей. Тех, кто поможет во время штурма.

— Чтоб им лопнуть, — процедил следопыт, когда впереди показалась компания гуляк. Судя по их виду и пьяным крикам, они искали беззащитную жертву, чтоб поглумиться.

— Не любишь местных? — спросил Мирон.

— Кто же их любит, — хмыкнул Гарольд, прислушиваясь к песне, которую затянули пьяные. — Отбросы, ворьё и проститутки.

— Жизнь такая, — пожал плечами командир повстанцев.

— Нет, — отрезал следопыт. — Они бы могли её изменить. Сами не хотят.

Гарольд не стал рассказывать, как они, будучи детьми, смогли выбраться из точно таких же трущоб. Имея в запасе лишь свои умения, они не только выжили. Максимилиан, например, ещё и сумел возвыситься.

— Долго нам идти ещё? — буркнул Гарольд, поморщившись от неприятных воспоминаний.

— Пока не дойдём, — исчерпывающе ответил Мирон. — Не беспокойся, с ними уже есть договорённость.

Следопыт сплюнул в грязь, выражая своё отношение к таким договорам.

— Никогда не имей дел с бандитами, — менторским тоном произнёс Гарольд. — Как только почуют наживу, никакие договоры не спасут. Сам не знаю, зачем согласился с тобой пойти.

— Потому что больше выхода нет, — отрезал Мирон, взглядом провожая пьяную

компанию. Гуляки скрылись за углом, и песня затихла.

— Выход есть всегда. Можно атаковать без них, — фыркнул следопыт.

— И положить на стенах половину города? Нет, лучше уж так.

— Как знаешь, — пожал плечами Гарольд. — По-моему, за нами следят.

— Ты тоже заметил? — спросил Мирон, и следопыт скривился в ответ.

— Замечать скрытое — моя работа. Спросим?

— Эй, мужики! Чего за нами плетётесь? — повернулся Мирон, обращаясь к пьяницам за углом.

— Влас приказал вас проводить, незаметно, — из-за угла вышел абсолютно трезвый мужчина. — Чтоб вы тут глупостей не натворили. Всё-таки, его владения.

Гарольд презрительно фыркнул.

— Веди, — приказал Мирон.

Снаружи резиденция бандитского вожака ничем не отличалась от остальных зданий на этой улице, но внутри царила кричащая роскошь. Богатая библиотека, медвежья шкура на полу, изысканная мебель. Сам главарь совершенно не вписывался в обстановку. Такого медведя проще было представить в грязном притоне или на поле брани, а уж никак не в дорогом кресле. Влас изучал вошедших повстанцев, насупив густые брови. Гарольд мгновенно заметил в его взгляде незаурядный ум и нечеловеческую жестокость. Такие люди опаснее всего.

— Мы уже обсуждали все условия, — произнёс главарь, скрещивая руки на груди. — Или они уже изменились?

— Нет, но стоит кое-что уточнить, насчёт обещанной платы.

Переговоры вёл Мирон. Он, в конце концов, уже договаривался с одной такой бандой. Гарольд со скучающим видом рассматривал корешки книг. Попадались весьма интересные экземпляры.

— И что ты хотел уточнить? Свою долю? — фыркнул Влас. — Ваш толстяк обещал нам пограбить замок, и на меньшее я не согласен. Делиться с кем-то я не собираюсь.

— Пограбить, вместе с остальными бандами, — уточнил Мирон.

— Можешь поцеловать все остальные банды в жопу, — произнёс главарь. — Без моей помощи вам просто не хватит сил, кого бы вы там не позвали, поэтому условия тут ставлю я.

— Без нас тебе тоже не хватит сил, — процедил Гарольд сквозь зубы. — Поэтому можешь свои условия ставить кому-нибудь другому.

Мирон тихо шикнул на соратника.

— А ты смыслённый, — хохотнул Влас. — Как тебя зовут?

— Не твоё дело, — ответил следопыт.

— Я тебя и так знаю, "Не твоё дело". Звать тебя Гарольд, и ты треклятый охотник за призами, — нахмурился бандитский вожак. — Сколько взял наших в этом году?

— Больше, чем тебе хотелось бы, — фыркнул следопыт. — Жаль только, за тебя ещё награду не объявили. Может, пару медяков за твою башку сторговал бы.

Мирон дёрнул его за рукав, пытаясь утихомирить Гарольда. Бандит только расхохотался в ответ на дерзкие речи.

— Твоя башка тоже немногого стоит. Хотя некоторые товарищи страстно хотят её заполучить. Над камином повесить, как трофей. Не побоишься на штурм с нами пойти? — улыбнулся одними губами Влас.

— Пусть сектанты боятся, — ответил Гарольд.

— Это верно! — снова рассмеялся бандит. — Не представляешь, какие убытки я понёс из-за этих ублюдков. За всё время ни одного каравана! Наркоту почти не берут, денег ни у кого нет, на ставки тоже никто почти не тратится! Колоссальные убытки!

При упоминании караванов Мирона передёрнуло как от мороза.

— Я бы эти убытки хотел возместить. Из их казны. Ну и ребятам часть придётся раздать, за труды, — заявил Влас, на клочке пергамента что-то царапая. — Вот столько, не меньше.

На записке красовалась сумма, которую повстанцы не могли даже представить. Гарольд присвистнул от удивления и наглости бандита.

— Золотом? Столько даже на телеге не увезти, — хмыкнул следопыт. Мирон скрипнул зубами и хрустнул костяшками пальцев.

— Это уже не мои проблемы, — осклабился бандит. — Кстати, не помешал бы аванс и кое-какие гарантии. А то мало ли, что во время штурма произойдёт.

— Гарантии? — просипел Мирон.

— Гарантии. Заложники будут идеальным вариантом. Можно даже с обеих сторон, если вы не доверяете моему честному слову.

Следопыт расхохотался в голос.

— Твоё честное слово гроша ломаного не стоит.

— Тогда обменяемся заложниками? — ухмыльнулся Влас.

Гарольд поглядел на растерянного Мирона. Похоже, дипломатия — это не его стезя. Командир ополчения задумчиво чесал бороду.

— Кого оставим? — шепнул он Гарольду на ухо.

— Понятия не имею, — ответил тот.

— Заложники должны быть ценными! — напомнил бандит. — Я вот, готов отдать вам свою собственную дочь. Родную дочь отдаю!

— Может, Фриду тогда оставим? — чуть замявшись, спросил Мирон.

Следопыт молниеносным движением взял его за грудки и потянулся за ножом, но оружие отобрали на входе. Пришлось угрожать одним лишь кулаком.

— Я скорее тебя оставлю, чем Фриду, — прошипел Гарольд. — Аптекаря оставь, он всё равно бесполезен для битвы!

— Советайтесь быстрее, меня ждут дела, — равнодушно произнёс главарь.

— Мы оставляем аптекаря! — выпалил следопыт, не дождавшись ответа от Мирона.

— Бергтера здесь многие не любят. Бизнесу мешает. Его прирежут по-тихому, и мою дочурку тогда тоже. На такой обмен я не согласен, — отмахнулся Влас.

— Обмен будет сейчас проходить или перед штурмом? — спросил Мирон.

— Перед штурмом, у всех на виду, — подтвердил бандит. — Чтоб никаких сложностей не возникло.

— Тогда мы найдём кого-нибудь достаточно ценного, чтоб ты согласился, — сказал Мирон. — До скорой встречи.

Лессан дю Фрон уже несколько раз обошёл замок, выискивая слабые места. Задача стояла непосильная, проникнуть внутрь таким образом, чтобы ни та, ни другая сторона ничего не заподозрили. Бородач раз за разом перебирал варианты, включая даже самые безумные. Например, подбежать к воротам, выкрикивая постулаты учения, чтоб его пустили внутрь, или перелезть через неприступную стену на руках. Но каждый вариант сулил только

один исход — смерть. Либо от рук повстанцев, либо от стрелы защитников крепости. Со стен за ним неусыпно следили. Стальные наконечники блестели на солнце.

Подземные ходы были закрыты, и снаружи к ним не докопаться. Ровио ходил вокруг стен, как кот, подкрадывающийся к сметане. Дезертир ругал сам себя за то, что пришёл так поздно. С другой стороны, приди он чуть раньше, то сведения о численности, вооружении и планах мятежников так и остались бы тайной. Эта информация могла изменить судьбу города, одна решительная победа навсегда отучила бы горожан противиться своей судьбе, но Ровио был бессилён. Передать эти сведения до штурма было невозможно.

Северная стена замка стояла прямо на берегу реки, возвышаясь над водой. С этой стороны нападения не ждали, все приготовления шли на площади. Ополченцы строили штурмовые лестницы, даже не скрываясь от вражеских наблюдателей. В голову Ровио пришла дерзкая мысль забраться на стену с воды. Нужна лишь только крепкая верёвка, лодка, и небольшая толика везения.

Штурм планировали на рассвете, и у дезертира в запасе была целая ночь. Ночь, которая изменит весь ход сражения, если у него получится незаметно проникнуть в крепость. Повстанцы многое бы отдали за такую диверсию, и если бы в замке не было его соратников, учителей и друзей, то Ровио с лёгким сердцем открыл бы ворота горожанам. Но учение Пастыря слишком глубоко засело в сердце. И верность своим братьям превыше всего.

Его посетила идея попросить помощи у ополченцев. Самозванный капитан расхохотался. Это могло сработать. Он отправился обратно на площадь.

Ополченцы сколачивали из молодых сосен штурмовые лестницы. По плану Мирона, горожане с трёх сторон должны были одновременно пойти в атаку. Первыми, по его замыслу, должны были идти власовские бандиты, за ними остальные банды, и уже в конце, городское ополчение. Но хитрый бандит внёс свои коррективы, потребовав изменить план. Теперь все они делились на три отряда, каждый из которых штурмовал свой участок стены. Крепя сердце, командир согласился, и должен был теперь лично вести горожан на южную стену.

Лессан дю Фрон тоже играл немалую роль в новом плане, возглавляя западный отряд, собранный из бандитов портового района. Но Ровио не собирался идти на штурм. Он желал быть рядом со своими братьями, защищая крепость, и теперь искал тех, кто ему в этом поможет.

Вверенный ему отряд уже собрался у Закатных ворот. "Капитан" критически оглядел своих подчинённых, больше похожих на нищих оборванцев. Впрочем, после долгого путешествия по лесу Ровио выглядел не лучше.

— Здорово, орлы! — рявкнул он, пытаясь пробудить в этих отбросах боевой дух. Но, похоже, боевой дух в них могло пробудить только золото, сокрытое в замке.

Отряд, наспех собранный из портового сброда, грабителей и попрошайек, нестройным хором отозвался на приветствие. Командира-чужака откровенно презирали.

— Не пойти бы тебе отсюда, цыплёночек, — кто-то озвучил витающие в воздухе настроения.

— Кто сказал? — рыкнул бородач, сверкая глазами.

— Ну я, — из толпы вышел мускулистый татуированный бандит, стараясь напустить на себя как можно более беззаботный вид.

Ровио отточенным движением врезал сопернику кулаком в челюсть. Бандит пошатнулся, но устоял.

— Вопросы есть? Если нет, встать в строй, — слова командира падали, словно каменные глыбы. — Звать меня капитан Лессан дю Фрон, и завтра на рассвете я поведу вас на вот эту грёбаную стену. Поэтому советую не упрямиться, иначе до завтрашнего вечера вам не дожить.

Бандит потёр скулу и встал на место, признавая своё поражение. От удивления половина отряда загомонила, пытаясь осознать и обсудить происходящее, но Ровио гневным окриком прервал их.

— Отставить разговоры, демона вам в глотку! — рявкнул он, подражая собственному бывшему командиру. — Если ещё раз услышу хоть мышинный писк, оторву ублюдкам яйца и заставлю сожрать без соли!

Отряд вытянулся по струнке перед грозным командиром. Ровио вспомнил приятное чувство власти над людьми, так греющее душу.

— Муштровать вас, бесполезных слизняков, уже поздно, поэтому спрошу прямо! Кто-нибудь в армии служил?

Из шеренги вышли несколько человек, в том числе татуированный бандит. Капитан прошёлся мимо них, заглядывая каждому в глаза. По крайней мере, он помнил, что его бывший командир делал именно так.

— Вы двое, будете на время битвы сержантами! — бородач выбрал наиболее тупых и бесполезных, на его взгляд, солдат. Чем больше он сможет нанести вреда повстанцам сейчас, тем проще будет отбить атаку утром.

— Почтём за честь, сир капитан! — рявкнули новоявленные сержанты, одним махом возносясь над прочим сбродом. И пусть ещё недавно они были худшими из худших, но их назначил сам командир, и это приносило ни с чем не сравнимое ощущение превосходства.

— И ещё, — словно невзначай добавил Ровио. — Мне нужны два добровольца. Ночью на разведку.

Все переглянулись. Становиться добровольцами в безумной затее капитана не хотелось никому. На разведке всегда есть риск погибнуть, а сражающиеся за деньги оборванцы умирать решительно отказывались. По крайней мере, умирать бесплатно.

— Нет добровольцев? Тогда я назначаю, — процедил командир.

— Не имеешь права, капитан! — отчаянно произнёс татуированный. — Мы токмо на штурм подписались!

— Тебе повторить? — миролюбиво спросил Ровио, почёсывая кулак. — Нет? Тогда назначаю тебя. Нужен ещё один! Живо выбирайте!

Отряд посоветовался и вытолкнул вперёд щуплого паренька лет пятнадцати. Капитан осмотрел "добровольца", словно лошадь перед покупкой, и удовлетворённо хмыкнул.

— Сойдёт. До вечера все свободны, — махнул рукой бородач. — Вы двое, останьтесь.

Тихий плеск воды под вёслами смешивался с хрустом тонкого льда. Луна скрылась за облаками, и ночь накрыла весь мир чёрным пологом. Как раз то, что нужно. Ровио сидел на корме небольшой лодки, наблюдая, как мускулистый бандит и тощий паренёк гребут к северной стене замка. Бородач нервно теребил конец верёвки. Если сейчас их заметят, то моментально превратят в подушечку для иголок. Неповоротливая во льдах лодка станет идеальной мишенью даже для неопытного стрелка.

Капитан поправил всё своё снаряжение, чтоб не мешалось при подъёме. Приладил оружие, подогнал ремни. Малейший просчёт, и бородач полетит вниз, на тонкий лёд Маревки.

Лодка покачивалась на воде, причалив к стене так, чтоб сверху её не было видно. Ополченцы сидели, положив вёсла на колени и неприязненно глядя на командира. Его идея казалась совершенно безумной.

— Ждите здесь, я обязательно вернусь, — прошептал Ровио. Возвращаться он не собирался, но чем дольше его будут ждать, тем позже поднимут тревогу по случаю его исчезновения.

Бородач раскрутил верёвку с крюком в руке, и лодка угрожающе закачалась. Ровио схватился за борт, на мгновение разочаровавшись в своём плане, но иного выхода не было. Верёвка взлетела тонкой змейей, и тут же упала обратно. Капитан вполголоса ругнулся, снова наматывая её на локоть. Ополченцы тихо посмеивались у него за спиной.

Ещё одна попытка, и железный крюк негромко звякнул о камень. Ликующий капитан потянул верёвку на себя, но крюк не зацепился и снова полетел вниз. Ровио собрался с духом и забросил крюк ещё раз. Он остался на стене, но надёжность крепления проверить было невозможно. Бородач осторожно подёргал за верёвку. Ничего не произошло.

Ровио шумно втянул носом воздух и повис на верёвке. Похоже, в этот раз крюк держался крепко. Можно было лезть. Бородач коротко помолился и подтянулся наверх.

Путь, занявший всего несколько минут, показался ему мучительно долгим. На середине он не удержался и посмотрел вниз. Ночная тьма уже скрыла лодку от его взора, и сектант на мгновение поддался панике, но продолжил своё восхождение.

Одолев весь подъём, он пару секунд лежал на холодном камне, не веря в собственный успех. Теперь горожанам не победить. Ровио поведает учителю обо всём и получит заслуженную награду.

Он смотал верёвку и оглядел сверху внутренний двор, освещённый пламенем костров. Внизу ходили братья, одетые в чёрные балахоны. Стоило бы сменить свои лохмотья на нормальную одежду, подумал бородач.

По стенам бродили патрульные, высматривая противника снаружи. Зря, в такую ночь всё равно ничего не видно. Вот и сейчас, лучник не заметил притаившегося бородача прямо у себя под носом. Ровио принял решение не высовываться прежде времени. Во время осады принято сначала стрелять, а потом спрашивать, особенно если чужак одет совсем не так, как ты.

Скрываясь в тенях, дезертир медленно продвигался к лестнице вниз. Ему предстояло пересечь весь двор и незаметно прокрасться в донжон. Хотя лучше бы найти проводника.

Когда патрульный в очередной раз проходил мимо, бородач вскочил и зажал ему рот ладонью. Стрелок отчаянно пытался вырваться и закричать, но Ровио вкрадчивым голосом зачитал ему кусок проповеди, повествующий о смирении. Слова Пастыря он помнил наизусть, и это служило самым лучшим паролем, какой только можно было придумать.

— Кто ты такой? — спросил патрульный, когда бородач ослабил хватку.

— Странствующий брат, — не стал на этот раз лгать Ровио. — Отведи меня к Пастырю, у меня для него есть ценные сведения. Прямо из стана мятежников.

Лучник на всякий случай обезоружил пришельца и позвал старшего. Бородач снова объяснил ситуацию. Сектанты переглянулись и повели его вниз.

На конвой опасно косились, но особого внимания не обращали, отдыхая перед грядущей битвой. Приготовления мятежников ни для кого не были секретом.

Перед входом в донжон его тщательно обыскали, но Ровио не обращал внимания. Он выстраивал свою будущую речь, которая раскроет все тайны повстанцев, заодно возвышая

дезертира. Ровио представлял, как он рассказывает учителям ценные сведения, а те слушают его, раскрыв рот от удивления.

Конвоиры повели его по мрачным коридорам, грубо подталкивая вперёд. Поворот, за ним коридор и лестница. Ровио пошёл наверх, но чернорясники схватили его за шиворот.

— Куда! — рыкнул конвоир. — Вниз пошли.

— Пастырь внизу? — насторожился бородач.

— Все там. И Пастырь, и все остальные. Иди давай.

— По подземельям ушли? — восторженно спросил Ровио. Мысль о том, что обожаемый Пастырь мог оставить своих учеников, никак не укладывалась в голове.

— Заткнись уже, — буркнул конвоир.

Дезертир подчинился, молча спускаясь по узким ступенькам. Лестница окончилась массивной дверью, и один из сектантов несколько раз постучал. Скрипнул ключ, дверь открылась, и Ровио осознал, куда его привели.

— Я не шпион! Я свой, проповедник! Это ошибка! Пастырь меня знает! Я Ровио и Гулермы! — завопил бородач, но его живо успокоили тяжёлым ударом в ухо.

— Много вас таких нынче, своих. Кир, есть свободные хоромы? — спросил один из конвойных.

— Найдутся, — просипел тюремщик, поигрывая огромной связкой ключей.

Ровио попытался вырваться из лап чернорясников, но его бросили в сырую затхлую камеру и вырубил пинком в голову. Его затея с треском провалилась.

К рассвету на площади уже выстроились сборные отряды горожан. Неровные шеренги кое-как вооружённых людей не внушали страх, но для осаждённого замка составляли неплохую угрозу. Учитывая, что с западной и южной сторон уже собирались разбойничьи отряды, вооружённые куда лучше, и настроенные куда кровожаднее. Хотя боевой дух ополченцев тоже сегодня был на высоте. Сегодня у них была возможность наконец-то вдохнуть свободы, и они собирались за неё побороться.

Мирон, верхом на серой кобыле, одетый в кожаные доспехи и с мечом в руке, прискакал с юга, где проверял готовность союзников. За ним ехала нарядная девочка верхом на ослике. Обмен заложниками состоялся, и девочку под охраной сопроводили назад, за спины войска.

— Жители Мариграда! — выкрикнул Мирон, пуская кобылу шагом вдоль строя. — Сегодня мы сбросим гнет проклятых сектантов!

— Ура! — дружно рявкнули воины.

— Мы своими руками завоюем свободу! Слава Мариграду! — продолжил Мирон, не обращая внимания на стрелу, просвистевшую возле плеча.

— Слава! — словно раскат грома, прокатился рёв горожан.

Вдохновляющая речь, простая и короткая, нашла свой отклик, и войско теперь потрясало оружием, грозясь порвать любого врага на куски. Самый лучший настрой перед битвой.

Гарольд стоял чуть поодаль, высматривая родных. Сестра и жена куда-то запропастились перед самым штурмом, хотя выразили такое желание участвовать в бою, что следопыт просто не смог им отказать. Да и в бой идти лучше с теми, кому доверяешь, а больше в этом городе он не доверял никому. Отряда, который принял бы следопыта на время штурма, среди всего войска не нашлось, и теперь Гарольд наблюдал, как повстанцы готовятся брать крепость, которую прежде взять не удавалось никому.

Списав отсутствие девушек на их переменчивое настроение, Гарольд смотрел, как вперёд, под прикрытием щитовиков, выходят стрелки. За короткое время Мирон превратился из обычного портового рабочего в толкового командира, и под его управлением отряды превращались в смертельную угрозу.

По щитам забарабанили стрелы чернорясников. Послышались крики раненых, но их место в строю занимали другие воины, быстро закрывая прорехи. Стена щитов приблизилась на расстояние выстрела, и все затаили дыхание, ожидая, когда град стрел поутихнет. Пехотинцы синхронно расступились, и теперь уже лучники повстанцев сеяли смерть. Наверху тоже слышались крики, кто-то сорвался вниз, но большая часть стрел попросту воткнулась в зубцы или прошла мимо.

Опустошив колчаны, повстанцы снова укрылись за спинами щитовиков, а вражеские стрелки стали выцеливать горожан. Постепенно это переросло в беспорядочный обмен стрелами, и Мирон скомандовал отступление. Перед воротами остались лежать, подрывая боевой дух, мёртвые и раненые. Вытаскивать их сейчас было сродни самоубийству, и командир приказал ставить лестницы.

С помощью верёвок тяжёлые штурмовые лестницы опустили между зубцов стены. Сектанты попытались их скинуть, но тщетно. Мирон приказал атаковать, пока чернорясники не принесли топоры и не изрубили деревянные лестницы в щепки.

Над площадью прокатился дикий рёв повстанцев, которые, потрясая оружием, пошли в сечу. Вражеские стрелки трудились без устали, сокращая численность горожан, но лучники-ополченцы тоже собирали кровавый урожай, выцеливая головы сектантов промеж зубцов.

Гарольд ещё раз огляделся. Девушек всё ещё нигде не было, и это серьёзно настораживало. На такое зрелище собрался посмотреть весь город, и воинственные Йона и Фрида никак не могли пропустить штурм. Следопыт подбежал к Мирону, который неистово орал на солдат, скорее посылая их на стены.

— Где они? — выкрикнул Гарольд, пытаясь перекричать шум битвы.

— Кто? — рыкнул Мирон на следопыта. — Живо на стену, собачий выродок, нас теснят! Если нас отбросят, то это конец!

С южной стороны тоже слышались крики и лязг оружия. Бандиты сдержали обещание и пошли в атаку.

— Где Фрида!? — прошипел следопыт, хватаясь за меч. — Где Йона!?

— Бегом в атаку, трусливый ублюдок! — заорал командир, рывком поворачивая Гарольда к стене.

— Ты отдал их в заложники! — выкрикнул Гарольд и понял, что попал в яблочко. Мирон изменился в лице, и следопыт от души ударил его в челюсть. Командир повалился наземь, а следопыт бегом отправился к южной стене, выручать девушек. В данный момент штурм волновал его меньше всего.

Бандиты отважно поднимались на стены, ведомые жаждой наживы. Им обещали всю добычу, которая попадётся, и теперь они яростно теснили врага в надежде пограбить. Влас шел в бой в первом ряду, в отличие от Мирона и неизвестного командира западного отряда, который пока вообще не отдал приказ атаковать. Сектанты держались изо всех сил, обороняя крепость, но пока результат был не в их пользу.

Гарольд прибыл на позицию разбойников в тот момент, когда одна из штурмовых лестниц рухнула вниз, подрубленная каким-то храбрым чернорясником. Бандиты посыпались с лестницы, и ни один из них больше не встал. Однако, на это почти никто не

обратил внимания, продолжая с диким рёвом и улюлюканьем забираться на стену, в гущу сражения.

Девушки, безоружные и связанные, сидели под охраной троих разбойников, сияющих от удовольствия, словно золотой талер. Ещё бы, главарь пообещал полную долю, на стену лезть не надо, сражаться ни с кем не надо, приятное женское общество. Жутко хотелось познакомиться с девчонками поближе, но главарь настрого запретил. До конца битвы. А потом уже можно было делать что душа пожелает, и никакие горожане не помеха.

— Я вам ноги оторву, сволочи, — зашипела Фрида, в очередной раз выплюнув тряпку, заменяющую кляп. Йона сидела со скучающим видом, незаметно для охранников перетирая верёвки на запястьях.

— Молчи, баба! — фыркнул один из разбойников. — Ваше счастье, что Влас вас трогать не разрешает, а то мигом бы с вас спесь сбили!

— Ах, какие сладкие, — скорчил гримасу другой бандит, облизываясь и предвкушая будущее развлечение.

— Я тебе твои глаза похотливые в задницу запихаю, сладкий, — шипела Фрида, но разбойники только смеялись в ответ на её угрозы.

Бандиты всю потешались над беззащитными девушками. Хитрый план главаря сработал, и действительно ценные заложники оказались только у них. Лучше бы, конечно, взять кого-нибудь из знатных горожан или богатых купцов, но после сектантского правления таких почти не осталось. В итоге пришлось довольствоваться этим. Обменять двух красивых молодых девушек на переодетую уличную побирушку, не представляющую никакой ценности — достойная сделка.

Фрида увидела долговязую фигуру брата вдалеке, у самой стены. Охотник за головами кого-то искал, скорее всего, их с Йоной.

— Гарольд! — истошно завопила девушка. Бандит подбежал к ней и увесистой пощёчиной попытался заставить замолчать, но Фрида не сдавалась. Охранник попытался вернуть кляп на место, но девушка больно укусила его за пальцы.

Следопыт уже бежал к ним, на ходу обнажив меч. Разбойники вскочили с насиженных мест, хватаясь за оружие.

— Задай им! — крикнула Фрида, восторженно смеясь. Йона терпеливо выжидала.

— Эй, мы тебе не враги! Это заложники! Честный обмен! — кричали разбойники, но оружия не опускали.

Гарольд обрушился на них словно смертельный вихрь. Он яростно вращал клинком, который от скорости издавал басовитый гул. Охранники с трудом отбивались от мощных ударов, даже не пытаясь контратаковать. Они бы просто не успели. Разъярённый следопыт методично наносил удар за ударом, сплетая движения в один ужасный танец.

Когда один из бандитов в очередной раз увернулся от острого лезвия и попытался ударить сам, Йона с воплем прыгнула ему на спину, удушая врага остатками верёвки. Гарольд оценил помощь и одним выверенным движением добил противника. Из распоротого горла хлынула кровь.

Оставшиеся разбойники попробовали отомстить за павшего товарища, кинувшись в отчаянную самоубийственную атаку. Клинки мельтешили в воздухе, высекая искры при столкновении, и Гарольд был вынужден отступить, чтоб собраться с силами.

— С тобой закончим, и девок твоих оприходуем, пёс! — зло улыбнулся один из охранников, и следопыт кинулся в бой.

Изящная смертельная пляска уступила место жестокой сече, когда всё решает не мастерство, а грубая сила. Ярость окончательно затмила сознание Гарольда. Он снова сорвался в пучину безумия и слепо рвался в бой. Следопыт даже не успел понять, как эти два разбойника превратились в кровоточащие обрубки.

— Брат, что с тобой? — робко спросила Фрида.

Гарольд, весь заляпанный чужой кровью, глядел на свои руки, дрожащие как у наркомана.

— Я не знаю, — глухо произнёс следопыт. Ему снова стало мучительно стыдно.

Дикарка наконец-то разрешила пути себе и Фриде. Девушка потёрла онемевшие ладони и подобрала с земли добрый клинок.

— Похоже, нашим нужна помощь? — указала Йона на крепостную стену, защитники которой всё ещё храбро сражались, не пуская повстанцев и бандитов внутрь.

— Нужна, — хищно улыбнулся Гарольд, стискивая рукоять меча. — Самое время присоединиться.

Они не рискнули штурмовать стену вместе с бандитами. Кто-то мог видеть драку внизу и попросту отомстить за своих в гуще сражения. Вместо того, чтоб переть напролом, Гарольд решил вернуться на площадь, где были сосредоточены основные силы и повстанцев, и чернорясников.

Сектанты держались за эти стены так, словно защищали самую драгоценную святыню. Неистовая схватка превратилась в настоящую бойню, и с каждой стороны полегло множество храбрецов. Пространство перед стеной оказалось буквально усеяно мертвецами, и вороны уже слетались со всей округи. Сегодня их ждал щедрый пир, невиданный со времён завоевания этих земель, когда первопроходцам приходилось защищать свои дома от дикарей-айваров и кочевников-хархузов. Но былые сражения давно позабыты, и такой битвы в этих землях не случалось уже пару столетий. В воздухе висел железный запах крови, разлитой по снегу.

Вороны хрипло каркали, уповая на богатую добычу, и Мирон так же хрипло отдавал приказы остаткам своего воинства. Голос, непривычный перекрикивать звон мечей и стоны раненых, звучал тихо и сипло, и ополченцам приходилось повторять его команды, чтоб слышали все.

Гарольд, Йона и Фрида прибыли как раз в тот момент, когда Мирон посылал отчаявшихся людей в последнюю атаку. Взять крепость нахрапом не получилось, и все предыдущие попытки закрепиться на стене провалились. Чернорясники дрались как демоны, каждый раз выбивая ополченцев обратно.

Люди, в начале штурма готовые порвать любого сектанта голыми руками, всё больше отчаивались. Каждый отбитый приступ внушал ужас. Среди солдат уже пошли разговоры о неизбежном поражении, но Мирон не делал никаких попыток ободрить воинов. Его умения хватило только на то, чтоб раз за разом посылать их на стены. Всем казалось, что битва длится уже целую вечность, но на самом деле прошло не больше получаса. Уставшие и измотанные бойцы сидели на земле, отказываясь продолжать сражение, какими бы карами не грозил им командир.

Оставшиеся в живых ополченцы во все глаза смотрели на залитого кровью следопыта. Даже Мирон замолчал, увидев девушек, которых предал сегодня утром.

— И разве это сражение? — расхохотался Гарольд. — Разве это штурм? Проклятые сектанты бьют вас как котят!

Солдаты, которые до этого никогда не участвовали в настоящей битве, нахмурились. Окровавленный следопыт наконец-то выразил мысль, витающую в воздухе. Но что могли сделать вчерашние пахари, ремесленники и торговцы?

— Мы устали! — выкрикнул один из ополченцев.

— Надо отложить штурм! — вторил ему другой.

Гарольд снова рассмеялся.

— Враг тоже устал! И ему нужен только ещё один хороший пинок, чтобы навсегда вылететь из этого города!

— Их слишком много! — заявил ещё кто-то.

— Для того вы и собрались здесь, демоны вас раздери! Чтоб поганых сектантов стало меньше на целый замок! — Гарольд рубанул воздух рукой, не принимая возражений. — Пока вы сидите тут, бандиты сражаются! А вы, свободный честный народ, разве вы хуже грязных бандитов?

— Пусть дерутся, нам же потом проще будет! — выпалил ополченец.

— Когда их разобьют, то увидят вас, сидящих здесь! — следопыт раздражённо сжал кулак. Тупость и упрямство солдат начинали изрядно бесить. — Одна вылазка, и вы мертвы! Вставайте!

Солдаты неохотно зашевелились. Последний довод был неопровержим. Вражескую вылазку им не сдержать.

— Живее, живее! — кричал Гарольд, остриём меча указывая на стену крепости. — За свободу! В атаку!

Штурм превратился в настоящую резню. Мариград никогда ещё не видел такой битвы. Защитники стояли насмерть, измождённые, раненые, но стояли. Словно воины из древних легенд. Повстанцы и бандиты напирали со всех сторон, но ни один сектант не дрогнул, не побежал. Непокколебимая вера в свои силы и свою правоту держали их на месте лучше всяких команд.

Гарольд спешил на помощь ополченцам, которые завязли в бою на южной стене крепости. За ним шёл последний резерв, горстка солдат, уже не надеявшихся победить. Но жажда свободы упрямо толкала их вперёд, по скользким от крови лестницам, на высокие стены замка.

Стрелы проносились мимо, с тихим свистом разрезая воздух. Те немногие стрелки чернорясников, которые сохранили боезапас, теперь опустошали колчаны в последнюю волну атакующих. Убитые и раненые падали вниз, на растущую кучу тел. Соотношение потерь было явно не в пользу горожан.

Чернорясники встречали их, ощерившись пиками и мечами. Гарольд увидел перекошенное от злобы лицо сектанта, вымазанное в грязи и крови. Враги исступлённо орали им приглашения на смерть, и повстанцы отвечали тем же, взбираясь по грязным неудобным лестницам. Люди искренне ненавидели друг друга, и теперь эта ненависть вылилась в масштабную резню.

Один из повстанцев, закрывшись щитом, кинулся в проём между зубцами стены, открывая дорогу соратникам. Его тут же пронзили копьями с боков, но храбрец своей смертью позволил ворваться на стену остальным. Озлобленные горожане сеяли смерть и погибали сами.

Гарольд поднял щит с трупа и бросился в сечу. Умелые бойцы видели его мастерство и отходили назад, вчерашние крестьяне умирали, падая словно колосья под серпом. Следопыт мощными ударами теснил врага, и вскоре весь отряд сражался на узкой полоске стены.

На других участках всё было не так гладко. Бандиты с южной стороны всё ещё пытались забраться наверх и продержаться там достаточно долго, но их атаки неизбежно заканчивались неудачей. На западе сектанты, по всей видимости, просто перестреляли слабо вооружённых разбойников на подходе, и теперь бежали на подмогу к своим братьям по вере.

Внизу, во дворе замка, стояли лучники, выцеливая тех храбрых повстанцев, кто сумел удержаться на стене. Стрела чиркнула Гарольда по руке, оцарапав кожу. Поблагодарив богов за везение, он откатился назад к зубцам, прочь от возможной смерти. Следопыт достал свой верный арбалет, наложил болт и высунулся вниз, присев на одно колено. В него кто-то уже прицелился, но в этот раз Гарольд оказался быстрее. Хлопнула тетива, и болт вонзился прямо в грудь вражескому стрелку.

На следопыта бросился ещё один сектант, пытаясь проткнуть его копьём, но верная Йона оказалась быстрее, ударом топора спасая мужа от гибели. Девушки держались рядом с Гарольдом, сражаясь не хуже других повстанцев.

— Получай! — взвизгнула Фрида, размахивая мечом. Клинок вспорол шею сектанта, и во все стороны брызнула кровь. — Третий!

— Пятеро, — отозвалась Йона, закрываясь деревянным топорищем от вражеских ударов.

Фрида стиснула зубы и с удвоенной силой принялась молотить по щиту очередного противника. Девушка сражалась почти впервые, но своё неумение она компенсировала скоростью и природной ловкостью. Дикарка же прикрывала мужа, коротким топором истребляя врага.

Группка повстанцев медленно, но верно продвигалась к лестнице во двор, своим примером воодушевляя остальных воинов. Гарольд шёл впереди, клинком расчищая себе дорогу. Скупые чёткие движения профессионального убийцы выделялись на фоне беспорядочных ударов вчерашних крестьян. Стрелы шуршали над головой, но следопыт и не думал пригибаться, рассчитывая на свою удачу и помощь богов.

Видя, что их теснят, сектанты отважились на последний шаг. Лучники во дворе взяли стрелы, обмотанные просмоленной тканью, подожгли и выстрелили вверх. Огненные полосы прочертили небо и улетели за стены, прямиком на городские крыши. Ополченцы, словно по команде, выкрикнули проклятия и побежали вниз, во двор, скорее перебить поджигателей.

Дорогу вниз преграждали несколько латников, и лучники успели сделать ещё несколько залпов. Искры пожаров уже пожирали городские дома. Повстанцы яростно дрались, жаждая мщения, и вскоре битва рассыпалась на отдельные сражения с самыми стойкими и умелыми чернорясниками.

Бандиты присоединились к союзникам, наконец-то сломившими сопротивление защитников. Влас, окровавленный и грязный, стоял посреди двора, хищно осматриваясь в поисках наживы. Донжон, самая богатая и хорошо защищённая часть замка, был закрыт. Внутри оставались последние уцелевшие сектанты.

— Братцы! — выкрикнул главарь бандитов. — Тащите всё, что посчитаете ценным!

Довольные разбойники шастали по двору, обыскивая трупы и добывая раненых. Серебряные перстни сектантов срезались вместе с пальцами, оружие и личные ценности скидывались в общую кучу. Некоторые бандиты даже заглядывали в рот мертвецам, надеясь найти золотые зубы.

Повстанцы в это время пытались высадить толстую дверь донжона и войти в последний оплот чернорясников. Толстое бревно ритмично ударялось в доски, но твёрдый морёный дуб стойко держался. Граф-параноик не скупился на защиту своего родового гнезда.

Над взятой крепостью летали вороны, хрипло возвещая о своей добыче. Самые наглые уже усаживались на трупы и принимались клевать мёртвое мясо.

Чёрный дым поднимался вверх огромными столбами. Город полыхал, и люди бежали к реке, передавая друг другу вёдра. Обычно это работало, но в этот раз пожаров было слишком много. Горожане попросту не успевали тушить огонь везде. Деревянные дома горели как один большой костёр, балки и перекрытия с грохотом ломались, и искры взлетали в воздух, словно стайки красных мотыльков.

Повстанцы в замке смотрели на дым, поднимающийся из-за стен. Горели их родные дома, и это было важнее, чем смерть горстки сектантов, запершихся в замке.

— Тушить! Скорее! — выкрикнул кто-то, и они кинулись открывать запертые ворота.

Мужчины взялись за тяжёлую дубовую балку, вынимая её из железных пазов. Открыв путь в город, ополченцы ужаснулись зрелищу. Площадь, усыпанная мёртвыми телами, почернела от крови, а дома за ней полыхали как гигантские факелы. Отовсюду слышались стоны раненых и крики о помощи. Повстанцы отправились на помощь пожарным командам, которые теперь сновали тут и там, заливая огонь грязной речной водой.

Разбойники остались в крепости, и теперь пытались открыть дверь на кухню, где, судя по звукам, прятались служанки и кухарки. Доски трещали под ударами топора, и из кухни слышался женский визг.

— Их надо остановить! — Йона дёрнула мужа за рукав, показывая на бандитов. Они столпились у двери и радостно хохотали, предвкушая развлечение.

Гарольд на мгновение отвлёкся от созерцания горящего города. Зрелище ужасало и завораживало одновременно.

— Их слишком много против нас троих, — покачал головой следопыт. — Да и нас не поймут, для них это законная добыча. Враги.

— Они не враги, — вздохнула Фрида. — Их заставили.

— Вот видишь! Это не добыча! — выпалила дикарка. — Их надо остановить, Гарольд!

— Втроём мы ничего не сможем сделать, — отрезал он.

Девушка что-то произнесла на родном языке, и, перехватив топор поудобнее, направилась в сторону кухни. Бандиты уже проломил дверь, и теперь один из них шарил рукой внутри, пытаясь открыть задвижку.

— Йона! — следопыт вскрикнул, бегом отправляясь вслед за ней.

Но он опоздал. Дикарка с воинственным криком опустила топор на голову ближайшего разбойника, и та лопнула как перезрелая дыня. Бандиты мигом развернулись к новому врагу, бросаясь в атаку. Гарольду ничего не оставалось, как прийти ей на выручку. Фрида тоже кинулась в бой, нелепо размахивая мечом.

Йона яростно рубила ненавистных разбойников, но их было слишком много. Следопыт, как мог, помогал жене, защищая её от вражеских ударов. Бандиты наваливались всем скопом, но мастерство Гарольда и неистовство Йоны делали своё дело. Они словно танцевали со смертью, и окровавленные меч и топор блестели в лучах утреннего солнца.

Главарь бандитов стоял в стороне, наблюдая, как бывшие заложницы кромсают его ребят. В крови бурлила злоба, и этот проклятый охотник за головами мельтешил перед глазами, распаляя ненависть Власа ещё больше.

Он пинком раскрутил тяжёлый двуручный меч. Клинок гудел в воздухе, и узкая стальная полоса слилась в единый круг. Влас заорал от гнева и кинулся в гущу сражения.

— Оставьте их мне! — рявкнул он, с лёгкостью вращая мечом.

Бандиты рассыпались в стороны, и Влас, словно бешеный бык, пошёл на Гарольда, уже готового отскочить и контратаковать. Но здоровяк не сумел бы стать вожаком самой крупной банды, если бы не умел хитрить. Главарь отскочил в сторону и мощным ударом опрокинул Фриду на землю. Если бы она не успела клинком отвести удар, то уже была бы мертва. Но каким-то чудом она смогла. Большой меч только лишь полоснул вдоль по ноге, с мерзким скрежетом проходя по кости.

Девушка вопила от боли, зажимая глубокую рану. Подол платья быстро пропитался кровью, которая быстрыми толчками выливалась на землю, смешиваясь с грязным снегом.

Гарольд и Йона одновременно бросились на бандита, который уже готовился добить поверженного врага. Каким-то неуловимым движением Влас ушёл в сторону, загривком чувствуя опасность. Пропустив дикарку мимо, он попытался воткнуть меч ей в спину, но Гарольд ударом рукояти сломал нос разбойнику. Брызнула кровь, и он запрокинул голову, открывая массивную шею. Следопыт крутанул мечом, но Влас снова увернулся.

Разбойники собрались кругом, подбадривая вожака и не упуская случая ткнуть мечом в Гарольда или Йону. Но приказ главаря строго соблюдали и в драку не лезли.

Фрида нашла в себе силы перетянуть бедро обрывками одежды. Кровь замедлила свой бег, но девушка стремительно теряла силы.

Клинки плясали в воздухе, выбивая рыжие искры. Оба противника были измотаны штурмом, но обоюдная ненависть тянула их в бой и придавала сил. Гарольд ненавидел всех бандитов в целом, а Влас ненавидел охотника за головами, который за свою карьеру убил многих его поделщиков.

Йона кружила вокруг бандита, выискивая слабые места в его обороне, но чаще оборонялась сама. Мощные удары меча грозили снести ей голову, а её короткий топор не позволял подойти достаточно близко к врагу. Влас вертелся ужом, показывая невероятную ловкость для человека своей комплекции. Он грамотно выстраивал защиту, подставляя супругов под свои же удары, и перемещался так, чтоб утреннее солнце висело ровно за его спиной. Быстрые контратаки не достигали цели, но ритм сражения он успешно сбивал.

Следопыт, низом уворачиваясь от бандитского клинка, зачерпнул горсть окровавленного снега, который тут же швырнул в лицо врагу. В минуты опасности Гарольд не чурался грязных трюков. Влас инстинктивно отшатнулся, и топор Йоны обрушился на его голову. Разбойник замертво упал на землю, так и не выпустив меча из руки.

Оставшиеся бандиты разом кинулись в бой, желая отомстить за убитого вожака, но быстро поняли, что у них нет шансов и отступили. Гарольд глядел на них, покачивая окровавленным кончиком меча и приглашая кого-нибудь на бой. Некоторые смельчаки попытались прикончить его размашистыми беспокройными движениями, но следопыт отправлял их вслед за главарём. Горстка разбойников, переживших штурм и сражение с бывшим союзником, решили, что смертей на сегодня достаточно, и поспешно ретировались.

Гарольд устало бросил клинок на землю. Дикарка уже возилась с раненой Фридой, перевязывая широкую рану обрывками платя. Девушка лежала на земле уже почти без сознания.

— Она выживет? — обречённо спросил Гарольд.

Йона на мгновение задумалась.

— Боги решат, — произнесла она. — Много крови потеряла. Если сильная — то выживет. Жилы, слава богам, не порезаны.

Следопыт закрыл глаза. Он не хотел потерять в этом городе ещё и сестру.

— Можешь отнести её в безопасное место? — спросил Гарольд. — Мне надо закончить начатое.

— Думаю, да, — ответила девушка. — Лодку возьму. Мы будем ждать тебя ниже по течению.

— Спасибо, — вздохнул он и неловко поцеловал жену. — Я приду.

Дикарка осторожно взяла подругу на руки. Фрида тихо застонала от боли. Следопыт проводил их взглядом и подобрал свой меч. Теперь ему предстояло сделать всю грязную работу за горожан, которые разбежались бороться с пожаром.

Во двор крепости, заваленный трупами, высыпали кухарки, вовремя спасённые Йоной. Пугливо озираясь, они увидели дым пожаров, поднимающийся из-за стены.

— Что происходит? — спросила какая-то служанка.

— Чернорясники подпалили город, — ответил им Гарольд, вытирая лезвие меча от крови.

— Проклятые сектанты! — в сердцах выругалась девушка. — Где все остальные?

— Тушат, — произнёс следопыт.

— А ты? — спросила одна из кухарок.

— Готовлюсь убивать, — бросил Гарольд. — Кто-то же должен это сделать, пока чернорясники подвалами не ушли.

— Через кухню есть проход в замок, — произнесла дородная повариха. — Да благословят тебя боги, сынок.

Следопыт усмехнулся в ответ. Боги сегодня и впрямь благоволили ему. В мясорубке на стенах выжили немногие, а на нём за весь день — ни царапинки. Всемогущие готовили его к другому сражению.

Кухня встретила его приятным запахом бульона, и урчащий желудок напомнил Гарольду, что он не завтракал. Следопыт предпочитал биться на голодное брюхо. Слишком многие заедали нервное напряжение перед битвой и потом погибали от ранения в живот. Да и к тому же, голод придаёт хороший заряд злости, которую можно выплеснуть на врага.

Проход в донжон оказался хлипкой дверью, которую никто даже не охранял. Следопыт вошёл в узкий коридор, и приготовился к отличной драке. Он смертельно устал после долгого штурма и хотел поскорее убраться отсюда. Но железная воля гнала его вперёд, навстречу опасности. Сегодня он окончательно отомстит за друга. Если у него всё получится, то Максимилиан погиб не зря.

Каменный мешок, в который бросили Ровио, ничем не отличался от других. Всё так же бегают здоровенные крысы, такая же грязная солома вместо лежанки и ржавая решётка, отделяющая заключённого от остального мира.

Бородач сидел, обхватив руками колени. Такое предательство потрясло его до глубины души. Его бросили сюда, совсем не разобравшись! Но с другой стороны, он прекрасно их понимал, нельзя доверять первому встречному. Тем более, вести незнакомого лазутчика к Пастырю в ночь перед битвой. При мыслях об учителе он невольно улыбнулся. Мудрый старик наверняка всё продумал до мелочей, как обычно. Может, добытые сведения вовсе не требовались, и среди горожан есть свои шпионы? Об этом Ровио задумался только когда стало уже поздно.

Из соседних камер слышались стоны раненых и завывания безумных. Глубокой ночью никто не спал, словно их посетило предчувствие чего-то ужасного. Одиноким стражником прохаживался по коридору, дубинкой считая ржавые прутья. Мерзкий звук разлетался по подземелью, эхом возвращаясь обратно.

— А ну заткнулись все, кому говорю! — выкрикнул тюремщик. — Ишь, разорались...

Какой-то безумец протянул грязную тощую руку к нему, и стражник со злостью ударил по руке. Послышался хруст ломаемых костей, и заключённый с визгом уполз обратно в дальний угол. Со всех сторон слышались возмущённые реплики.

— А нечего руки тянуть, — сардонической улыбкой оскалился тюремщик. — Всем наподдаю. Вы тут никто! Отбросы! Предатели и кровопийцы! Враги рода человеческого!

— Кто бы говорил, — буркнул кто-то негромко, но все услышали. По камерам раздались горькие смешки.

— Кто сказал!? — рявкнул тюремщик.

— Я сказал, — крикнул Ровио, надеясь, что тюремщик зайдёт к нему.

— Нет, я сказал! Я! Я сказал! — слышались крики из разных камер.

— Сами напросились, — сквозь зубы процедил стражник, перебирая ключи на поясе.

Тюремщик открыл ближайшую решётку, не разбираясь, кто что сказал, и принялся

молотить какого-то парня дубинкой. Ровио слышал сначала приглушённый мат и шлепки дубинки. Затем крики о помощи, но никто не мог помочь заключённому. Удовлетворив свою жажду насилия, стражник вышел, полой куртки вытирая своё оружие.

— Ещё кто-нибудь хочет? — рыкнул он.

— Я хочу! — воскликнул Ровио. У него сложился блестящий план побега.

Стражник подошёл к его клетке.

— Лицом к стене! — брызжа слюной, крикнул он.

— Будешь меня в жопу целовать? — оскалился бородач.

Тюремщик побагровел от гнева и закопошился в замочной скважине, бормоча ругательства.

— Ты скоро там? — спросил Ровио, глядя на противника. Тот заторопился повернуть ключ, застрявший в ржавом замке.

Наконец, решётка открылась, и тюремщик набросился на него, размахивая дубинкой. Но старый солдат легко увернулся от удара и сам хорошенько приложил чернорясника о стену. Стражник замотал головой, словно пытаясь собрать расплывшуюся картинку воедино, но Ровио мощным ударом справа отправил его в недолгое падение, после которого тот уже не встал. Бородач погладил костяшки пальцев. Если бы не подготовка к обороне, тюремщиков было бы двое, и так легко сбежать бы не получилось.

— Прости, братец, — ухмыльнулся он, стягивая балахон с поверженного тюремщика.

Вскоре проповедник облачился в потёртую чёрную рясу и поднял с пола ключи.

— Открой! Прощу! Выпусти! Мы невиновны! — звучали мольбы со всех сторон, но Ровио не обращал внимания. Себя он вызволил, а остальные пусть сидят. Если сидят, то есть за что. Ему и в голову не пришло, что здесь могут быть такие же жертвы обстоятельств, как и он сам.

Коридор с обеих сторон заканчивался мощными дверями, и бородач в растерянности поворачивался то к одному, то к другому. Он решил попытать счастья у одной, но ни один ключ из огромной связки не подошёл. Ровио торопливо перебирал ключи, ведь, по ощущениям, приближался рассвет. Другая дверь открылась без проблем. Узники кричали ему вслед проклятья, но бородач поднимался по винтовой лестнице, не вслушиваясь в их слова. Нужно было спешить.

Сектант бродил по коридорам замка, пытаясь отыскать хоть кого-то, но все, похоже, отправились на защиту стен. Узкая бойница в одном из тупиков выходила в сторону площади, и Ровио увидел армию повстанцев, за спинами которых поднималось тусклое солнце. Битва начнётся в считанные минуты. Поздно уже что-то исправлять.

— Почему ты без оружия, брат? — раздался голос позади.

Ровио обернулся. Перед ним стоял один из его учителей, пристально вглядываясь дезертиру в лицо.

— Кажется, я тебя знаю, — произнёс сектант. — Только вспомнить не могу.

— Представьте меня гладко выбритым, учитель, — улыбнулся Ровио.

Лицо чернорясника просветлело.

— Ровио! Как ты здесь оказался? Давно ты здесь? Как ситуация с дикарями?

— Пробрался в замок сегодня ночью. Узнал кое-что у мятежников, — бородач показал рукой в окно. — Но, похоже, опоздал.

— Всё продумано до мелочей, — отмахнулся учитель. — Этот сброд ни за что не удержится на стенах. А если удержится — их ждёт небольшой сюрприз.

— Я знал, что Пастырь с Мельником всё предусмотрят.

— Мельник пропал, — вздохнул учитель. — Карббал тоже. После того, как отправились в подземные ходы. Все надеются, что они всего лишь потерялись, но я думаю, что они уже мертвы.

— Лучшие командиры? — удивился Ровио. — Быть не может.

Сектант в ответ лишь пожал плечами.

— Возьми, — он протянул тонкий кинжал рукоятью вперёд. — Может статься, что он тебе понадобится.

— Не думаю, — ответил Ровио, но оружие взял. Без оружия старый солдат чувствовал себя почти голым, а дубинку тюремщика он взять побрезговал.

— Я полагаю, Пастырь будет рад услышать, как обстоят наши дела на востоке, — произнёс сектант, и Ровио едва сдержал рвущийся наружу мат.

— Про то, как дикари насадили наших людей на колья? — фыркнул он.

Учитель недоверчиво посмотрел на него и жестом попросил продолжать.

— Мы пришли в пограничную деревушку, и дальше нас просто не пустили. Треклятые дикари, — бородач сплюнул в бойницу и пару мгновений следил за падением. — Одной проповеди, всего одной, хватило, чтоб нас всех схватили. Я одного зарубить успел, меня в яму бросили. Ребят — на кол. Сволочи.

— Нехорошо вышло. Посмотрим, что с этим будет можно сделать, — хмыкнул учитель. — А ты как выбрался?

— Сбежал, — пожал плечами Ровио.

— Как ты от дикарей по их лесам уйти смог? Они же там каждый пенёк знают.

— Местная одна помогла, болотом вывела, — отмахнулся бородач.

— Ну как обычно, — улыбнулся учитель. — А как же аскеза?

— Пока сидел, как раз полная аскеза была, — ухмыльнулся Ровио, вспоминая ужасные условия сырой земляной ямы.

Сектант добродушно улыбнулся своему бывшему ученику.

— Пойдём, — сказал он. — Пастырь ждёт.

Знакомые уже коридоры почти не изменились с тех пор, как Гарольд бывал здесь в последний раз. Правда, в тот раз здесь бегали слуги и охранники, а сейчас замок был абсолютно пуст. Только сквозняки гуляли меж открытых дверей.

Следопыт шёл, вслушиваясь в каждый шорох. Обнажённый клинок застыл в классической боевой позиции, а сапоги тихо шуршали, когда Гарольд перекатывал ноги с носка на пятку, стараясь производить как можно меньше шума. Был соблазн пойти в открытую, ни от кого не таясь, поторопиться и сокрушить врагов, но следопыт терпеливо крался вперёд.

И был вознаграждён. Чернорясник не услышал приближения своей смерти. Гарольд перерезал ему глотку, когда он задумчиво смотрел в окно. Кровь брызнула во все стороны, и следопыт аккуратно, почти любовно положил тело на пол. В узкий разрез бойницы во всей красе виднелся бушующий пожар. Пламя пожирало дома, и город умирал в агонии. Рассветное небо окрасилось в багровые тона, словно боги тоже пролили сегодня много крови. Зарево пожара притягивало взгляд своей ужасающей яростью, и порой огонь вздымался до самых небес.

На мгновение Гарольд и сам увлёкся необычайным зрелищем, леденящим душу, но

окончить жизнь так же, как предыдущий наблюдатель не хотелось. Следопыт вздрогнул, мельком взглянув на холодеющий труп. В голову пришла мысль, что нужно было сперва его допросить, но что сделано — то сделано. С гадливым ощущением стыда за совершённую ошибку Гарольд пошёл дальше, пытаясь вспомнить дорогу в графский кабинет.

По воспоминаниям следопыта, граф периодически перемещался то на самый верх, поближе к небу, то на первый этаж, к подземельям и пыточным. В последний раз Хуго жил наверху, и если сектанты оставили его кабинет в качестве собственного штаба, то найти Пастыря не составит труда. Было бы странно, если б чернорясники были не там. В кабинете были книги и карты, наборы документов, и вообще всё, что нужно для управления. И несколько гвардейцев, готовых разорвать в клочья любого, кто неровно посмотрит на правителя, как понял следопыт на своей шкуре.

Поднявшись этажом выше, Гарольд услышал шаги, прорезавшие тишину. Догадка подтверждалась. Он осторожно выглянул из-за угла. Навстречу шёл чернорясник. Гарольд поспешно нырнул обратно за стену, но, похоже, сектант его не заметил из-за глубокого капюшона. Сердце бешено рвалось из груди, но следопыт лишь покрепче схватил меч. Уж этого-то нужно допросить в любом случае.

Шаги звучали всё ближе, и Гарольд даже затаил дыхание. Когда длинный подол рясы показался из-за угла, следопыт с разворота ударил сектанта в голову. Рукоять меча послужила кастетом, и после первого же удара чернорясник со вздохом осел на пол. Следопыт выхватил нож и приставил холодное лезвие к горлу врага.

— Где командиры? — шипел он, глядя в помутневшие от мощной затрецины глаза.

— Что? — непонимающе выдавил сектант.

— Пастырь, — клинок надавил чуть сильнее и по небритой шее побежала тонкая красная струйка. — Где. Пастырь.

— Наверху, — ответил сектант, пытаясь стереть кровь и отвести нож подальше.

— Где наверху? — взорвался Гарольд. Его колено воткнулось в живот чернорясника. Тот охнул и согнулся пополам.

— Наверх, последний этаж, — просипел сектант. — Туда только один путь.

Гарольд полоснул его ножом по горлу, и чернорясник упал, хрипя и булькая. Он попытался грязными пальцами зажать рану, но тщетно. Жизнь быстро покинула его. В другой раз Гарольд, может быть, пощадил бы врага, но жажда мщения требовала крови.

Лестница на самый верх и впрямь была только одна. Самая высокая башня отличалась от других только островерхой деревянной крышей, которая, собственно, и делала её самой высокой. Проектировались все на одном уровне.

Ступеньки закручивались узкой спиралью, и Гарольд подумал, как удобно оборонять такой подъём сверху. К счастью, следопыта пока не обнаружили. Он поднимался по крутой лестнице, сжимая в руках свой верный старый меч, и, как мог, планировал будущую битву. В том, что она состоится, не было никаких сомнений.

Путь наверх завершился закрытым деревянным люком. Следопыт пару мгновений постоял перед ним, собираясь с силами, и толкнул крышку.

В глаза ударил яркий свет, непривычный после мрачных коридоров. Башня со всех сторон была открыта для солнца, лучами проникающего между зубцов, и только высокая крыша нависала над головой. Сектанты, собравшиеся здесь, повернулись на скрип.

— А вот и первый отчаянный сорвиголова, — произнёс старик, растягивая губы в насмешке.

Гарольд насчитал ровно девять противников. Положение стремилось к безвыходному.

Чернорясники стояли гурьбой, закутавшись в шерстяные балахоны и капюшоны. Башня продувалась всеми ветрами, которых на высоте было довольно много. Вдоль стен стояли жаровни с горящими углями, но это слабо помогало против холодного зимнего ветра.

— Вы ответите за всё, — крутанув мечом, произнёс Гарольд. Других слов в этой ситуации он просто не нашёл.

Сектанты хором рассмеялись.

— За что? — дружелюбным тоном произнёс Пастырь. — За то, что мы очистили этот город от скверны? За то, что делаем этот мир лучше?

— Мир будет лучше, если в нём не будет подобных вам, — фыркнул следопыт. — Боги завещали, как нужно править, и не вам это решать.

— Ты хоть одного бога видел? — добродушно рассмеялся старик. — Разве могли они допустить, чтоб все эти графья, герцоги, короли и императоры сидели на троне и правили только потому, что им посчастливилось родиться в нужной семье в нужное время, а достойные и талантливые люди прозябали в нищете?

— Талантливый человек всегда сможет пробиться наверх.

— Ты говоришь нашими словами! — улыбнулся Пастырь. — Ты уже в глубине души согласен со мной.

— Нет! — воскликнул следопыт и попытался зарубить старика, но тот едва уловимым движением увернулся от клинка, скользнувшего рядом с бородой.

Остальные сектанты схватились за оружие, но Пастырь жестом остановил их.

— Зачем нужно насилие? Перестань, — проговорил он.

Гарольд, не говоря ни слова, ещё раз ударил мечом, но Пастырь опять оказался быстрее.

— Зачем тогда всё это! — крикнул следопыт, кончиком меча показывая на зарево пожара.

— Огонь очищает, — произнёс кто-то из толпы.

— Общая беда сблизит их перед лицом врага, — сказал другой сектант.

— Беда их уже сблизила, — фыркнул Гарольд.

— И это благо для них, — проскрипел старик. — Ибо только так они смогут найти в себе достойнейших.

— Ради этого, по-вашему, стоило убивать столько народа?

— Да, — не задумываясь ответили сектанты.

— Это безумие! — рявкнул Гарольд, снова пытаясь достать старика клинком. Снова тщетно. Они кружили друг напротив друга уже несколько минут, а старик ещё ни разу не дотронулся до меча, висящего на поясе.

— Это лучший способ, — пожал плечами Пастырь. — Потрясения в народе всегда выталкивают самых талантливых людей наверх. Если они до этого доживают, конечно.

— Старый маразматик, — прошипел следопыт.

— Мой ум всё ещё острее твоего клинка, — произнёс старик, ловким движением уворачиваясь от ещё одного выпада. — Присоединяйся к нам. Правда за нами, пойми это.

В ответ Гарольд попытался финтом обмануть старика, но меч прорезал только рукав чёрной рясы.

— Ты достоин быть с нами, если осмелился прийти сюда в одиночку, — улыбнулся ему Пастырь. — В отличие от них.

Гарольд метнулся в сторону толпы и размашистым движением вспорол живот толстому

сектанту. Ряса не смогла его защитить, и толстая повалился наземь, пытаясь собрать кишки обратно.

Пастырь нахмурил брови. Остальные чернорясники зашевелились, обнажая клинки.

— Восемь, — пробормотал следопыт, ещё раз пересчитывая врагов. — И их осталось восемь.

— Ты сделал свой выбор, — пожал плечами старик.

— Я сделал его уже давно, — ответил Гарольд, глядя, как его берут в плотное кольцо. Надо прорываться.

— Неправильный выбор, — проскрипел Пастырь, медленно обнажая клинок. Меч с тихим шелестом покинул ножны.

Гарольд присвистнул, разглядев замысловатый узор на клинке. Оружие из такой стали может себе позволить не каждый.

Мгновенный выпад, почти неуловимый взглядом, и рукоять булатного меча врезается в лицо следопыта.

— Убит, — невинно проскрипел Пастырь, глядя, как из разбитого носа струится кровь. — Сдавайся, пока не поздно.

— Нет! — прорычал Гарольд, кидаясь в безрассудную атаку.

Клинок следопыта мелькал в воздухе как тонкие стрекозиные крылья, которые нельзя увидеть в полёте, но старик играючи отбил все удары и отпихнул противника от себя. Чернорясник, стоящий в толпе, замахнулся мечом, но Пастырь резким жестом остановил его.

— Я сам с ним разберусь, — жёстко произнёс он.

— Да, учитель, — прозвучал голос из-под капюшона.

Гарольд утёр кровь, капающую с подбородка. Разбитый нос делал его похожим на людоеда после трапезы, и следопыт хищно оскалился, резко меняя направление атаки. Удар назад не глядя, и ничего не ожидающий сектант валится на пол, зажимая глубокую рану в груди.

— Остались всемером, — ухмыльнулся Гарольд.

Круг сужался, и места для манёвров становилось всё меньше. Следопыт попытался вырваться из окружения, но встретил жёсткий отпор. Рисковать, оставляя за спиной Пастыря, он не решился, и отступил назад, в круг.

— У тебя нет шансов, — проскрипел старик.

Пастырь, демонстрируя небывалую скорость и ловкость для своего возраста, нанёс ещё несколько ударов. Следопыт отбил все, но атаки старика шли словно со всех сторон одновременно, и Гарольд действовал чисто интуитивно, уходя в глухую оборону. Клинки встречались с громким лязгом, и он боялся, что от сильного удара его меч попросту сломается.

— А ты хорош, — ослабил Пастырь, когда мечи снова встретились и противники оказались зажатыми лицом к лицу. — Но недостаточно.

Внезапный пинок, и Гарольд снова отпрыгивает назад.

— За Максимилиана! — рявкнул следопыт, мощными взмахами меча вынуждая Пастыря отступать.

— Так вот оно что, — проскрипел старик. — Ты его знал?

Гарольд не ответил, всю свою ярость и ненависть вкладывая в сражение. Уставшее за время штурма тело нестерпимо желало отдыха, но жажда мщенья и гнев заставляли его

драться ещё и ещё. Пастырь, даже не поднимая меча, ушёл от каждого удара, и следопыт переключился на стоящих вокруг чернорясников. Ещё один сектант падает с отрубленными руками, и кровь брызжет из коротких обрубков.

— Осталось шесть их, — прошипел следопыт, на мгновение остановившись для передышки.

Старик набросился на него, словно пещерный лев. Короткие и скупые выпады каждый раз почти достигали противника, но следопыт призвал на помощь всё своё мастерство, чтоб защититься от булатного клинка. Смерть подошла к нему ближе, чем когда-либо, и каждый удар Пастыря мог отправить следопыта в её костлявые руки. Гарольд ещё никогда не встречал такого противника и к сердцу подступал ужас. Старик сражался с изяществом профессионального мечника.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Кто я? — усмехнулся враг. — Я просто старик. Но когда-то меня звали Протей дю Торон, и я служил в личной гвардии Его Императорского Величества.

Гарольд на мгновение опешил. И чуть не пропустил очередной удар старика. В имперские гвардейцы брали только лучших воинов, и служили там до самой смерти. Значит, гвардеец-ренегат захотел править самолично, а не служить своему сюзерену.

— Значит, у тебя было всё, что можно пожелать! — воскликнул Гарольд. — Зачем тогда нужно всё это?

— У меня не было свободы. Император может править, а я нет? Несправедливо, — пожал плечами старик, делая ещё один короткий выпад.

Следопыт не успел поднять клинок, а увернуться не получилось. Булатная сталь вонзилась в плечо, оставляя глубокую борозду. Рукав за считанные мгновения пропитался кровью. Первая рана за сегодня. Гарольд стиснул зубы, чувствуя, как теряет драгоценные силы, и вновь кинулся на окруживших поле боя чернорясников. Если ему предстоит сегодня погибнуть, то с собой нужно забрать как можно больше врагов.

Сектанты уже не могли стоять плотной цепочкой, и Гарольд мог свободно танцевать с клинком вокруг противника. Следопыт бросился на ближайшего чернорясника, но тот умело заблокировал сильный рубящий удар. Гарольд зарычал и толкнул врага в стену. Сектант отлетел напрямиком на жаровню. Чёрный шерстяной балахон загорелся, угли рассыпались повсюду, а горящий враг упал на пол, пытаясь сбить огонь, но тщетно.

— Огонь очищает, — прохрипел Гарольд, коротким выпадом добивая поверженного. В воздухе повис запах палёных волос.

Теперь все кружили вокруг следопыта, словно стервятники, почуявшие добычу. Гарольд с трудом отбивался от частых ударов, которые градом сыпались со всех сторон. Один только Пастырь чего-то выжидал.

— Ты умелый боец, — улыбнулся старик. — Даже немного жаль тебя убивать.

Гарольд взглянул на свой верный клинок. После долгой сечи его усеяли зазубрины и щербины.

— А мне жаль доброго меча, — оскалился следопыт. — После тебя долго править придётся.

Пастырь в ответ захохотал.

— Глупец, — проскрипел он, раскручивая клинок, который загудел, разрезая воздух.

Следопыт отважно пошёл ему навстречу, мысленно взывая к богам. Пусть Эйлул рассудит, кто должен умереть.

Сталь зазвенела, высекая оранжевые искры. Гарольд уводил атаки старика в стороны, и клинки с неприятным шелестом скользили друг об друга. Ещё одна серия ударов, и следопыт с удивлением зажимает новый порез на груди. Пастырь мягко улыбнулся противнику, рукавом балахона стирая кровь с булатного лезвия.

Один из сектантов встал прямо позади учителя и стянул капюшон. Гарольд увидел чёрную бороду и знакомое ненавистное лицо. Кровь закипела от ярости, и следопыт бросился в самоубийственную атаку. Перед глазами стояла красная пелена.

Пастырь, не шелохнувшись с места, отбил все удары. Булатный меч гвардейца снова достиг цели. Ещё одна рана, теперь на бедре, но Гарольд даже не обратил внимания, пытаясь достать обоих врагов. Праведный гнев придаёт сил.

— Так ненавидишь нас? — хохотнул Пастырь.

В ответ Гарольд лишь обрушил меч на врага. Старик легко отвёл летящий клинок в сторону. Следопыт встретился взглядом с Ровио. Тот глядел бесстрастно и холодно, вращая в руке длинный кинжал.

Рассыпанные угли занялись огнём, и пламя перекинулось на деревянные перекрытия. Становилось всё жарче.

Ровио взглянул на всполохи пламени, и глаза его блеснули отражением. Бородач хищно улыбнулся и вонзил кинжал в спину учителя. Пастырь стоял и хватал ртом воздух.

— Ровио? — голос старика был полон удивления и боли.

Гарольд набросился на раненого врага. Теперь они оказались на равных. Пастырь отражал удары гораздо медленнее, теряя силы и истекая кровью. Гарольд тоже, но раны его были не такими глубокими.

— Сзади! — крикнул бородач, широко ухмыляясь пеньками зубов.

Следопыт ударил назад, и чернорясник с хрипом повалился наземь, пронзённый мечом. Теперь силы уравнились полностью. Гарольд бился со стариком, а Ровио взял на себя оставшегося сектанта и теперь кинжалом пытался отбить удары меча.

— Возьми это! — рывкнул следопыт, пинком подбрасывая залитый кровью меч убитого.

Старый солдат на лету схватил клинок, и сразу же кинулся в бой. Противник ему попался умелый, и они кружились, изредка сходясь вместе, чтоб нанести несколько ударов. Звон стали наполнял горячий воздух, словно в кузне.

Пламя лизало деревянные балки, и от жара скручивались волоски на коже. Крыша угрожающе проседала под собственным весом, и треск горящего дерева смешивался с треском ломающихся перекрытий. Кровь на полу шипела и пузырилась.

— Сдохни! — рычал старик, стремительно бросаясь в бой.

Он из последних сил прыгнул на Гарольда, мощнейшим ударом рассекая воздух. Подставленный меч с хрустальным звоном сломался пополам, и теперь Гарольд держал в руке обломок длиной не больше локтя.

Ровио покончил со своим соперником и метнулся к бывшему учителю, пытаясь своей атакой отвлечь старика, но тот легко отбил его удар и пинком отшвырнул к стене. Протей дю Торон, хищно улыбаясь, шёл на почти безоружного противника. Кончик булатного меча скрёб каменный пол, издавая мерзкий звук.

— Может, теперь ты хочешь сдаться? — проскрипел Пастырь. — Хотя нет, вы оба заплатите за содеянное.

Следопыт покрепче сжал обломок старого меча и выпрямился. Раны ослабили его, но старик тоже слаб. Даже если ему предстоит умереть, то лучше сделать это достойно.

— Бей, — улыбнулся Гарольд, раскинув руки в стороны и глядя наверх. Если боги видят его, то стоит их развеселить.

Старик кинулся в атаку, желая одним движением отсечь голову противнику. Но тот покорно стоял, глядя в потолок и улыбаясь. Раздался хруст сверху, и горящая балка сверзилась ровно на то место, где только что стоял Гарольд.

Следопыт отскочил, глядя, как тяжёлое бревно ломает Пастырю хребет. Старик лежал под ним, хрипя и извергая проклятия. Гарольд наступил на булатный меч.

— За Максимилиана, — произнёс он, обломком пронзая шею старика. Хлынувшая кровь мгновенно зашипела от жара.

— Пора уходить! — заорал Ровио, пытаясь перекрыть гудящее пламя пожара.

— Я ещё не закончил с тобой, — процедил сквозь зубы Гарольд. Обломок меча вернулся в ножны, а следопыт вырвал из холодеющих пальцев вражий клинок.

— А я и не начинал! — рявкнул дезертир. — Я не принимал в этом участия!

— Я тебе не верю, — холодно произнёс Гарольд, раскручивая в воздухе булатный меч. Идеальный баланс и лёгкость делали его воистину смертоносным.

Следопыт с рёвом бросился на союзника, но тот лишь защищался и уходил от ударов.

— Сражайся, мразь! — заорал следопыт, снова закипая от гнева. — Ты ответишь за всё!

Ровио отбросил клинок в сторону, всем видом показывая нежелание драться. Меч лязгнул о каменный пол. Сверху вновь послышался хруст.

— Уходим отсюда! Пока ещё не поздно!

— Я не уйду, пока ты жив! — рявкнул Гарольд.

Искры сыпались словно горящий снег.

— Да, я дезертир! Я был там, когда деревню жгли! — кричал Ровио, рукой закрываясь от нестерпимого жара. — Но я никого не убивал!

— Не лги! — удары сыпались со всех сторон, вынуждая дезертира отступать к стене.

Мощный толчок в спину сбил Гарольда с ног. Ещё одна горящая балка с хрустом упала на него. Крыша угрожала полностью обвалиться в считанные минуты.

Следопыт лежал, придавленный тяжёлым бревном. Нога, зажатая под ним, была сломана. Сапог наполнился кровью, которая теперь кипела внутри. Обжигающая адская боль заполнила разум Гарольда.

Ровио подбежал к нему, но следопыт даже в таком положении пытался достать его мечом. Бородач вздохнул и мощным ударом сапога вырубил Гарольда.

Тяжёлая балка обжигала руки. Кожа мгновенно вздувалась и пузырилась от ожогов, но Ровио терпел, стиснув зубы. Бородач поднял горящее бревно и отбросил в сторону. Сверху опять послышался хруст. Глаза слезились от дыма, а ладони сожгло до самого мяса.

Дезертир оттащил бессознательное тело в сторону люка. Металлическое кольцо на крышке раскалилось докрасна, и Ровио зацепил его сапогом. От нестерпимой боли в руках и запаха горелого мяса тошнило.

Крутая лестница вела в коридоры замка, которые тоже занялись пламенем. Ровио тащил израненного союзника на плече, с трудом держась, чтоб не упасть со ступенек. Гарольд так и не выпустил трофейный меч.

— Зачем... — послышался слабый голос. Удар по голове оказался слишком сильным.

— Ты спас мне жизнь, и я плачу по счетам, — зло проговорил Ровио. — Пока что два против трёх.

— Деревню... Зачем...

Ровио не ответил. Он и сам не знал. Такой приказ отдал капитан, а перечить капитану никто не рисковал.

— Приказ был, — вздохнул он.

Гарольд кашлянул от горького дыма. Израненное тело срочно требовало отдыха, но сдохнуть здесь тоже не хотелось. Голова кружилась от дыма и сотрясения.

— Я могу сам идти, — слабо проговорил следопыт, но дезертир будто не услышал.

Коридор, объятый пламенем, встретил их будто врата в ад. Мужчины пару мгновений постояли перед выходом и ринулись сквозь огонь.

Тяжёлая дверь, ведущая на улицу, оказалась закрыта на засов. Ровио взглянул на обожжённые руки.

— Теперь ты.

Гарольд обмотал ладони рукавами и схватился за горящее бревно. Одно напряжённое усилие, и путь открыт. Они вывалились во двор, и всполохи огня напоследок лизнули им спины. Чёрные от сажи, грязные и обожжённые, они повалились на грязный снег.

Замок долго ещё горел вместе с городом по имени Мариград.

— Как думаешь, он справился? — спросил высокий мужчина, склонившись в седле.

Зимний ветер трепал одежду и пронизывал холодом до самых костей. Горный перевал оказался не самым гостеприимным местом.

— Думаю, да. Он, всё-таки, один из лучших, — ответил другой мужчина, поглаживая густые бакенбарды.

— Ваше Величество, дым на горизонте! — крикнул один из солдат авангарда. — Чёрный, густой! Что-то не так!

— Разведчиков вперёд! — приказал мужчина. — Бастард никак не мог прибыть сюда раньше нас.

— Может, местные показали ему другую дорогу? Короткий путь? — предположил сенешаль.

— Нет других путей, — отрезал император.

Они спускались с Облачных гор, пересекая неприступный хребет в самом низком месте. Император вёл свою измождённую армию на восток, спасаясь от собственного брата. Здесь, в предгорьях, он решил дать ему решающий бой с помощью местных горожан и крестьян. Отсюда ополчение ещё не набиралось. Граф никак не мог выбрать, за кого сражаться в этой войне. За что и поплатился.

— Город горит! — послышался крик впереди.

Велим Победоносный скривился от этих слов.

— Неужто не справился? — сам себя спросил сенешаль.

— Протей? Не верю, — фыркнул властитель. — Где Бриар?

— Я здесь, Ваше Величество! — отозвался начальник секретной службы, подгоняя лошадь, чтобы приблизиться к императору.

— Повтори легенду, — приказал он.

— Протей смещает графа, правит как можно хуже, и вы победоносно входите в город, Ваше Величество! — подобострастно улыбнулся Бриар. — План простой и блестящий, как и все ваши планы, Ваше Величество!

— Не мог же он проиграть каким-то холопам, — император задумчиво потёр подбородок.

— Может, он использовал запасной вариант? — пожал плечами сенешаль.

Император поёжился в седле. Холодный ветер бил в спину, словно подгоняя его вперёд. Солнце стояло в зените, но теплее от него не становилось.

— Когда войдём в город? — спросил он.

— Вечером, Ваше Величество, — отозвался кто-то.

Велим Победоносный нахмурил брови и хлестнул свою кобылу поводьями. Лошадь немного ускорила шаг, по бабки утопая в снегу. Зима приближалась семимильными шагами. Армия императора продвигалась гораздо медленнее.

Дым столбом висел в воздухе. Пепелище оказалось более ужасным зрелищем, чем предполагал Велим. От города уцелели только каменные стены. Деревянные постройки превратились в чёрные скелеты. Ветер поднимал ввысь серый пепел, и император прикрыл лицо. От вида обгорелых тел его затошнило.

Между домами бродили грязные от сажи люди, выкрикивая имена. Уцелевшие в

страшном пожаре, они теперь искали хоть кого-то из своих близких. Чумазные дети ходили по улицам, разглядывая чужие лица.

— Император... Император! Сам император... — пронеслись шепотки среди горожан.

Велим ехал во главе торжественной процессии и теперь с ужасом на лице рассматривал последствия огненной стихии.

Западный тракт вёл к замку, и правитель спешил удостовериться, что верный гвардеец сделал всё правильно. Но из-за стен крепости тоже поднимался дым. Перед стенами лежали тела павших в бою солдат, и Велим Победоносный снова прижал ко рту шёлковый платок. К горлу подступал комок рвоты.

Двор крепости, тоже залитый кровью и усеянный окоченевшими трупами, тоже пострадал от пожара. Все постройки сгорели дотла, и лишь чёрные от сажи каменные стены зияли провалами бойниц.

— Он же не мог умереть... — пробормотал император. — Протей...

— Ваше Величество, живых в замке нет! — рявкнул сержант, когда три воина с серыми от пепла лицами вернулись с докладом.

Велим Победоносный сгорбился в седле, словно придавленный неподъёмной тяжестью.

— Ваше Величество, тут следы! В город! — снова подал голос сержант, но император не удостоил его вниманием.

— Уезжаем отсюда, — севшим голосом приказал он. — На север, найдём подходящее место для битвы.

— Ваше Величество, лучше будет принять бой в городе, за крепкими стенами... — послышался робкий голос кого-то из генералов.

— Я сказал, на север! — император сорвался на визг. Придворные вжали головы в плечи и поспешили за владыкой, который покидал крепость.

Правитель скакал вдоль реки, тонкие льдины на которой теперь были усыпан пеплом. Маревка стала для многих горожан последним убежищем от чудовищного пламени.

— Где мост!? — визжал император, нахлёстывая коня поводьями. — Что это вообще за город, в котором нет ни единого моста! Какой болван вообще строил этот проклятый город!

— Это Мариград, Ваше Величество, его построил ваш троюродный прапрадедушка, Марис Завоеватель, — подобострастно ответил кто-то из придворных.

— Я знаю, как он называется, и кто его построил! — рявкнул Велим. — Где мост, демоны его разорви!

Императорская свита в ужасе молчала, и никто не решался ответить грозному правителю.

— Мостов нет, Ваше Величество, только за городом, — раздался чей-то голос позади.

— Построить! — взвизгнул император. — Нет, перестроить этот проклятый городок заново! С мостами и замком! Ближе к перевалу!

— Ваше Величество, это будет проблематично, — возразил сенешаль. — Наступает зима. Люди будут недовольны, им негде жить.

— Меня это не волнует! Вы слышали приказ! — император покрылся красными пятнами от гнева. — Дайте горожанам золота, если они недовольны!

Придворные покорно склонили головы. Переубеждать владыку бесполезно. Велим Победоносный ещё раз хлестнул коня и поскакал прочь из города. Свита последовала за ним, а горожане лишь проводили императора взглядом. Он им представлялся гораздо лучшим правителем.

Сенешаль приблизился к обозу с императорской казной. Сундуки пустовали, а монеты, свои и чужеземные, соседствовали с обрубками украшений и посуды. Тратить золото на перестройку города заново было глупо, считал он, но спорить с императором не решался. После пожара людям нужно продовольствие и крыша над головой, а не бесполезные золотые монеты, на которые всё равно ничего не купишь. Всё сторело.

— Ну, он всё равно ничего не заметит, — хохотнул сенешаль, поглаживая бакенбарды. — А горожанам оно ни к чему.

Золото из сундуков быстро перекочевало в его седельные сумки. Лошадь фыркнула от новой тяжести, мотая гривой. Придворный погладил её по морде и мягко опустился в седло. Император ждёт отчёта о проделанной работе.

Правитель уже приближался к мосту. Велим окинул поля за рекой широким взглядом. В его фантазиях он уже видел, как на этом поле выстраиваются боевые порядки его армии, и он скачет в первом ряду конницы, атакуя ненавистного брата. Но в реальности мост превратился в узкое бутылочное горлышко, которое задерживало продвижение вперёд. А тем временем бастард уже наверняка вышел к перевалу.

На мгновение император усомнился в своём решении драться в поле, но гордыня тут же ослепила его. Генералы — никчёмные вояки, и он сам знает, где ему лучше сражаться. Не зря же его прозвали Победоносным. Велим растянул губы в ухмылке. Да, он не позволит каким-то мелким дворянчикам командовать армией. Его армией! К тому же, город сожжён дотла, и армия там будет чувствовать себя некомфортно.

Солдаты забрали у горожан лодки и теперь переправлялись на них. Вдалеке, ниже по течению, виднелась ещё одна, стоящая у берега, но достаточно далеко, чтоб за ней идти. Велим почувствовал прилив гордости за смекалку своих воинов. Доблестные солдаты целиком оправдывали его ожидания.

Офицеры и сержанты выкрикивали приказы, обозы медленно продвигались по хлипкому мосту, и армия выстраивалась на противоположном берегу. Бастарду придётся форсировать реку, чтобы добраться до императорских войск. Велим Победоносный захлопал в ладоши от радости. Сегодня здесь решится всё.

— Кто принесёт мне голову бастарда, тому дарю дворянское звание, поместье и постоянное место в Большом Совете! — выкрикнул император, и весть мгновенно облетела армию, воодушевляя бойцов.

— Ваше Величество, но в Большом Совете нет свободных мест! — напомнил сенешаль.

— Будут, — твёрдо пообещал владыка.

Присутствующие неподалёку члены Большого Совета нервно поглядели друг на друга. Герцоги, князья и графы постоянно боролись за место в совете, чтобы иметь хоть какое-то влияние на политическую жизнь империи. О месте в Малом Совете можно было даже не мечтать, если ты не личный друг императора.

Штандарты с имперским львом полоскались на ветру. Армия встала лагерем неподалёку от берега, и уставшие воины повалились на снег. Повсюду загорались костры и растягивались палатки. Конный дозор отправился обратно к перевалу, следить за приближением врага. Бастард преследовал их уже несколько дней, и только лёгкая конница Велима сдерживала и отвлекала его, чтобы император успел отвести войска.

Верные слуги развернули цветастый шатёр прямо посередине лагеря. Император бросил поводья кому-то из придворных и вошёл внутрь. Обоз с его личными вещами разгрузили, и вся мебель уже стояла на своих местах, а вот принести вина не догадались. Велим устало

бухнулся на широкую кровать и потёр виски. Нерадивые подчинённые начинали раздражать.

— Вина мне, живее! — рявкнул он в пустоту, надеясь, что слуги его услышат.

Через несколько минут вбежала девушка с кувшином, но владыка всё равно остался недоволен. Служанка подала бокал императору, и тот улёгся на кровать прямо в грязных сапогах.

— Как думаешь, победим сегодня? — спросил он.

Девушка изумлённо хлопала глазами.

— Ладно, всё равно ничего не понимаешь, — отмахнулся Велим, одним глотком осушая бокал. Вино прокатилось вниз по подбородку, и по красные капли упали на чистое шёлковое бельё. — Сенешалья зови.

— Да, Ваше Величество, — пискнула девушка и выбежала из шатра.

Первый советник императора вошёл и бесцеремонно уселся напротив владыки. Велим жестом предложил сенешалю вина, но тот махнул рукой, отказываясь от угощения.

— Арнор, почему он не справился? Куда он мог деться? — вздохнул император. — Я возлагал на Протея большие надежды, а он всё испортил.

— Он наверняка мёртв, Ваше Величество. Перестарался с террором и теперь мёртв. Я изначально был против этой идеи, — произнёс сенешаль.

— Я помню, — процедил Велим. — Но разве все мои идеи плохие? Разве я такой неспособный правитель?

— Вы отличный правитель, Ваше Величество, — спокойно ответил советник.

— Спасибо, Арнор, — снова вздохнул император и сделал ещё один большой глоток вина. — Мне порой кажется, что все меня презирают, и только ты относишься ко мне с уважением.

— Так и есть, Ваше Величество, — ответил Арнор, стараясь скрыть истинные чувства.

— Бастард, по данным разведки, ведёт сюда тридцать тысяч солдат, — император отпил прямо из кувшина. — Мы просто перестреляем их, пока они переберутся через реку.

— Да, Ваше Величество, это может сработать, — кивнул советник. — Но оборонять стены было бы удобнее для нас.

— И мы бы просто передохли с голода в сожжённом городе! — вскипел император. — Не учи меня сражаться! Я не проиграл ещё ни одной битвы!

— Но проигрываете войну, Ваше Величество, — напомнил Арнор.

Велим саданул кувшином по прикроватной тумбочке. Вино взмыло в воздух багряным фонтаном, а серебряный кувшин погнулся от удара.

— Я не проиграл ни одного сражения! — рявкнул правитель, и сенешаль покорно склонил голову. — У меня превосходная конница! Превосходные стрелки!

— Люди устали на марше, Ваше Величество. Им будет трудно сражаться сейчас.

— И что ты предлагаешь? — император вопросительно изогнул одну бровь.

— Организовать засады на перевале и задержать бастарда ещё сильнее. Это нужно было сделать сразу. Отправить наших лучших арбалетчиков, — ответил советник.

— Уже поздно, — отмахнулся Велим. — Да и арбалетчики пригодятся здесь. Лучше отправь отряды в город, посады и ближайшие деревни и собери ополчение. Нам нужны все, кто сможет держать оружие.

— Будет исполнено, Ваше Величество, — сенешаль изящно поклонился и вышел.

Велим Победоносный растянулся на мягкой кровати. После долгой скачки всё тело нещадно болело. Августейшую голову посещали самые мрачные мысли о будущем сражении.

Арнор прав, люди устали, многие ранены, и каждая предыдущая победа давалась им только большой кровью. Как бы это не злило, но ход войны складывался не в пользу Велима. Наглый братец решил, что трон должен принадлежать ему, мол, старик-отец завещал. Отец и в самом деле указал в своём завещании, что империей будет править Никей. Но всю имперскую знать возмутило то, что ими будет править бастард, хоть и признанный равным остальным. Поэтому завещание признали подделкой, а на царствие помазали Велима, который был следующим в линии наследования.

Император улыбнулся светлым воспоминаниям. Торжественный момент, когда на голову возложили тяжёлую корону, казался теперь таким далёким. Много воды с тех пор утекло. Братец где-то взял целую армию, и даже некоторые дворяне-предатели переметнулись на его сторону. Теперь он с огнём и мечом добывал себе власть, а Велим позорно убегал, оставляя ему города и сёла. Одна лишь столица оставалась неприступной. И эти пограничные земли, которые, наверное, и слыхом не слыхивали о идущей братоубийственной войне. Здесь император готовил себе последний рубеж обороны, но Протей не справился, и теперь город был разрушен. Велим подумал, как бы возненавидели его горожане, если бы узнали о том, что всё было спланировано заранее.

За стенами послышался какой-то шум и звуки борьбы. Император с некоторой ленцой поднялся и вышел из шатра. Верные гвардейцы, дежурившие у входа, сражались с какими-то людьми. Велим протяжно зевнул. Ещё одно покушение. Это уже стало надоедать.

Правитель ещё раз взглянул на драку, убедился, что ему ничего не грозит, и вернулся в шатёр.

Лодка, спрятанная в камышах, теперь мерно покачивалась на воде. Девушки сидели на жухлой траве на берегу реки и смотрели на запад. Густой дым, укрывший весь Мариград, наводил на самые ужасные мысли.

— Что, если он не придёт? — слабым голосом спросила Фрида.

Дикарка молча смотрела на дым и жевала травинку.

— Он придёт, — спокойно ответила она. — Обязательно.

Фрида смолчала. Во всём теле ощущалась слабость. Йона перевязала её рану чистыми тряпками, подложив под бинты серый болотный мох. Теперь они сидели и ждали Гарольда.

— Воды... — попросила Фрида.

Йона кивнула и горстями стала загребать снег в подол. Дикарка села рядом с подружкой и теперь понемногу давала ей комочки снега. Пить воду из реки ниже по течению от города, не рискнул бы ни один жаждущий.

— Может, сходишь за ним? — спросила девушка, морщась от боли в ноге.

— Одну я тебя здесь не оставляю, — нахмурилась Йона.

— Я боюсь, — призналась Фрида. В уголках глаз блеснули слёзы.

— Я тоже, — ответила дикарка.

Пламя перекинулось на городские посады, выходя уже за стены Мариграда. Высокие стены не стали преградой для пожара. Крыши деревянных избушек рушились, выбрасывая вверх целые снопы красных искр.

— Боги великие, за что это всё, — Фрида даже приподнялась на локтях, чтоб посмотреть на огонь, невзирая на боль.

— Тише, не двигайся, — дикарка мягко опустила подругу обратно. — Рана откроется.

Вдалеке, у ворот, люди бегали к реке, пытаясь погасить огонь, но пожар был сильнее.

Некоторые отчаявшиеся горожане уже покидали умирающий город, и дорога заполнилась одинокими путниками. Йона вглядывалась в каждого, пытаясь разглядеть знакомые черты. На восток, в деревни и сёла брели усталые и чумазные люди. В основном, старики, женщины и дети. Почти все мужчины либо погибли в бою, либо наглотались дыма на пожаре. Сегодняшнее утро было, наверное, худшим в жизни этого города.

Томительные часы ожидания оказались мучительным испытанием для обеих девушек. Йона нервно барабанила пальцами по коленке, и время от времени вскакивала, вглядываясь в многочисленных путников. Прошло уже много времени, солнце близилось к закату, а Гарольд всё никак не возвращался.

— Может, всё-таки сходишь? — вздохнула Фрида. Они думали об одном и том же.

— А тебя я куда дену? — спросила дикарка.

Фрида осмотрелась, приподнявшись на локтях.

— Да хоть обратно в лодку, — улыбнулась она.

— Течением унесёт, — нахмурилась Йона.

— Не унесёт, — отмахнулась девушка. — Давай, клади.

Фрида, неловко опираясь на здоровую ногу, приподнялась и обняла дикарку за шею. Йона подхватила её на руки и аккуратно опустила в лодку. Девушка зашипела от боли и улеглась между банками.

— Если что, отчаливай сразу, — предупредила Йона. Кто знает, что может случиться в такое беспокойное время с беспомощной девушкой.

Фрида вымученно улыбнулась подруге и махнула рукой.

— Я скоро вернусь, — вздохнула Йона. — Надеюсь, не одна.

Дикарка развернулась и быстро зашагала на запад, к воротам. Дым над городом ещё висел, но это всего лишь тлеющие угли. Пожар закончился, сожрав почти все городские дома.

Навстречу ей двигались потоки беженцев, уцелевших в дыму и пламени. Они с удивлением смотрели на дикарку, идущую в погибший город. Лица, измазанные пеплом и сажей, казались страшными масками.

Сам город встретил её удушливым запахом дыма. Йона вспомнила дорогу к замку и уверенно пошла к нему, стараясь не обращать внимания на крики раненых. На подходе к стенам крепости она увидела, как внутрь заходит какая-то процессия из вооружённых всадников. Дикарка решила не рисковать и немного подождать.

— Сам император приехал, — шепнул кто-то неподалёку. — Опоздал... Вот бы ещё чуть-чуть раньше пришли...

Через несколько минут из крепости выехал высокий сутулый мужчина, безжалостно нахлестывая коня. Следом за ним отправилась вся кавалькада, пытаясь догнать его. Дикарка удивлённо хмыкнула и отправилась во двор.

Повсюду лежали мёртвые тела, и Йона, хоть и сама участвовала в сражении, с трудом сдержала рвотный позыв. Обезображенные мертвецы, уже поклёванные воронами, представляли собой ужасное зрелище. Девушка искала взглядом знакомые черты, одежду, фигуру, но тщетно.

Йона заглянула в сгоревший донжон, бойницы которого теперь напоминали чёрные кляксы. Многие перекрытия обвалились, и коридоры оказались завалены обломками. Девушка вздохнула и вышла на свежий воздух. В глазах стояли слёзы.

— Йона? — раздался знакомый голос.

Дикарка повернулась. Перед ней стоял Ровио, пошатываясь от слабости. Бородач широко улыбнулся ей.

— Нас ищешь? — хрипло произнёс он.

— Гарольда... — ответила она.

— Ну конечно, — ухмыльнулся дезертир. — Пойдём за мной.

Ровио вышел из крепости и отправился куда-то в сторону реки. Девушка последовала за ним.

— Странно, наверное, — протянул Ровио. — Я тебя заметил, а он — нет.

Гарольд ходил по развалинам домов, помогая горожанам доставать тела из-под завалов. Чёрный от сажи, он методично разгребал горелые брёвна и доски.

— Гарольд! — воскликнула девушка, бросаясь ему на шею.

Следопыт пошатнулся, но на ногах устоял и обнял жену грязными обожжёнными руками. Ровио ухмыльнулся при виде такого воссоединения.

— Почему Ровио с тобой? — шепнула Йона, крепко прижимаясь к груди следопыта.

— Он лучше, чем нам казалось, — хрипло прошептал он в ответ.

— Пойдёмте, Фрида ждёт, — произнесла девушка.

Гарольд с сожалением взглянул на обгорелые дома и захромал вслед за женой. Уже на закате все четверо сидели на берегу реки и смотрели, как на другой стороне огромное войско готовится к битве. Наконечники копий блестели в лучах заходящего солнца, и строгие боевые порядки разворачивались в соответствии с приказами. С перевала приближался враг. Солнце медленно опускалось за горизонт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net